

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Долгицкий Олег Дмитриевич

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНОМИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Федяев Дмитрий Михайлович

Омск 2026 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. АНОМИЯ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ.....	15
1.1. Аномия: становление содержания и осмысления.....	15
1.2. Современные концепции аномии.....	43
1.3. Специфика аномии в культуре информационного общества.....	76
Глава 2. ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ АНОМИИ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	96
2.1. Экзистенциальные аспекты аномии информационного общества.....	96
2.2. Преодоление аномии через обретение духовности.....	109
2.3. Игра в становлении сознания и преодолении аномии на индивидуальном уровне.....	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что человек – существо общественное по своей природе, поэтому тема норм и отклонений от них неотделима от самого качества человечности, а значит и от исторического процесса. Отказ от привычных норм и приспособление к новым является атрибутом истории, нередко прогрессивным, но иной раз мучительным для значительной части общества, переживающего перемены. Случается, что перемены приводят общество в состояние, характеризующееся дезорганизацией социальных норм и институтов, неопределённостью и нестабильностью условий. По традиции, восходящей к работам Э. Дюркгейма, его называют аномией.

Человечество в ходе истории неоднократно переживало состояния аномии, причем, для каждого его варианта были присущи специфические особенности. Так, в наше время наблюдаются беспрецедентные темпы развития информационного общества под воздействием одновременно идущих тенденций, в числе которых: 1) «оцифровка» (англ. digitization), способствующая росту количества информации; 2) «цифровизация» (англ. digitalization), представляющей из себя интеграцию цифровых технологий в повседневность.

В условиях информационного общества устаревшие концепции аномии, разработанные в рамках исследований индустриального общества, не могут дать исчерпывающего объяснения сущности девиантного поведения в его антропологических аспектах. Именно поэтому современные философская антропология и социальная философия, а также целый ряд общественных, гуманитарных и даже комплексных наук, в числе которых: психология, социология, юриспруденция, политология, а также медицина и кибернетика, остро нуждаются в концепции, способной описать не только девиантное поведение, человека, живущего в конвергирующемся информационном обществе, но также самого человека, формирующего культуру информационного общества под влиянием процессов оцифровки и цифровизации.

Отсутствие концепции аномии информационного общества, приводит к тому, что вводимые ограничительные меры либо не работают, либо оказывают

негативное влияние на общество в целом, воспринимаясь, например, как покушение властей на ставшие привычными «свободу самовыражения» и «анонимность общения» в сети Интернет. Но существо этой проблемы не сводится к вопросам эффективности нормативного контроля в средствах массовой и персональной информации, регулирования деятельности масс-медиа и пресечения деятельности делинквентных субъектов информационно-коммуникативной сферы. Мы полагаем, что аномия информационного общества существенным образом связана с интенсивными трансформациями личностного, группового и общесоциального самоопределения человека на разных стадиях становления и развития в информационном обществе. Также есть основания считать, что возрастание интенсивности таких трансформаций неизбежно порождает многоуровневый ценностно-нормативный кризис, оказывающий влияние на экзистенциальное бытие человека.

Ценностно-когнитивная дезориентация, возникающая на фоне глобализации, цифровизации, секуляризации информационного общества, формирует социальную среду, в которой процесс индивидуального развития человека, Его Личностного самоопределения значительно усложняется. аномия, характерная для переходного состояния между традиционным и индустриальным обществом, трактовалась через девиантное поведение человека, выходящее за рамки норм и образцов культуры. В информационном же обществе под влиянием информатизации, глобализации и секуляризации возникает феномен гетеронормативности как результат сосуществования множества конкурирующих друг с другом норм в информационном пространстве, которое воспринимается субъектом как единое, являясь фактически многоуровневым и дискретным. В результате сам термин «аномия» в информационном пространстве приобретает иное значение: социальное явление может одновременно характеризоваться человеком как нормальное, (т.е. укладывающееся в один образец культуры) и ненормальное (т.е. не укладывающееся в другой образец в то же самое время). В условиях возникшего парадокса сегодня актуализировалось две ключевых

проблемы: актуализация нарциссической культуры и эпидемии нарциссизма в информационных обществах.

Таким образом, любой тип поведения в культурной среде информационного общества приобретает признаки как девиантного, так и нормативного поведения одновременно, приводя к размыванию морально-этических критериев, к опасным последствиям для отдельного человека и социально-коммуникативных общностей любого масштаба. В конечном счёте, эта ситуация вносит свой вклад в размывание границ индивидуальной и родовой определённости человека как такового.

Степень разработанности проблемы

История осмысления темы аномии под другими ее наименованиями уходит глубоко в историю философской мысли, в самое начало философии, а именно в тему хаоса, который так или иначе оформлялся тем или иным первоначалом. Впрочем, совсем недавно проблема становления порядка из хаоса стала предметом синергетики, имеющей, в числе прочего, богатое философское содержание. Антропологические аспекты противостояния порядка и хаоса представлены в подавляющем большинстве учений о государстве – от Платона до В.И. Ленина и далее. «Аномическая» проблематика широко представлена не только в философии, но и в других гуманитарных науках.

В современной философской науке различные аспекты аномии с точки зрения психоаналитической антропологии исследовали в своих трудах З. Фрейд, В. Тауск, Э. Фромм, В. Франкл, Ж. Лакан, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, С. Жижек. Альтернативные по отношению к различным школам психоаналитической антропологии варианты трактовки проблемы аномии (в контексте аномального развития) предлагали представители деятельностного подхода в отечественной психологии – Л.С. Выготский, А. Лурия, Д. Эльконин. Наиболее значимым различием в подходах здесь является трактовка сознания, как совместной работы высших психических функций.

В рамках экзистенциальной антропологии феномены аномии представлены в трудах С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, Ф. Ницше, К. Ясперса, А. Лэнгле как переживание смерти, «тошноты», одиночества и страха. Сознание человека, находящегося в экзистенциальном кризисе, становится неспособным совладать с этими состояниями, что вынуждает его к проявлению девиантных форм поведения, а большое количество людей, переживающих экзистенциальный кризис одновременно, формируют критически большую массу для воздействия на культуру и ведут к появлению социальной аномии.

С точки зрения постструктуралистов (М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Бодрийяр), аномия проявляется как пустое и неподлинное бытие человека, являющееся следствием жизни в постиндустриальном обществе, редуцирующее субъекта до «машины желаний» благодаря дисциплинарным практикам, ограничивающим его потенциал саморазвития.

В отечественной литературе, изучением аномии занимались такие авторы как А. Ю. Карпова, А.В. Никонов, В.Т. Жалкиев, М.А. Крупский, А.О. Панфилова, М.С. Бороздина, Н.Н. Мещерякова, В.М. Горшенин, А.В. Плетнёв, Д.Г. Геращенко, К.В. Филиппова, К.О. Малинина. Благодаря их исследованиям были выявлены особенности данного феномена в современном обществе, особенности адаптации людей в её условиях, проблема формирования солидаризации, обозначены её социальные индикаторы, намечена динамика выхода.

В трудах С. М. Журавлевой, В. А. Скорева, П. А. Ореховского, В. И. Разумова., Г. А. Илларионова, В. И. Кудашова, Ю.В. Хвастуновой, Н.И. Мартишиной обозначена проблема нарциссической культуры, которая является результатом конвергенции культуры общества потребления.

Возникновение и проявления новых форм аномии характерно для разнообразных аспектов бытия человека в современном информационном обществе. Поэтому философское исследование этих феноменов предполагает комплексный междисциплинарный подход, работу на стыке предметно-

проблемных сфер философской антропологии, социальной философии и философии культуры. Использование методов и идей психоаналитической и экзистенциальной антропологии, а также постструктуралистского подхода в работе обусловлено необходимостью выявления особенностей бытия людей в информационном обществе, их способности к организации множеств структур, сосуществование которых будет вести к снижению выраженности проявлений негативных проявлений аномии информационного общества.

В работе осуществляется попытка обобщить и концептуально синтезировать уже имеющиеся подходы философской антропологии применительно к трансформации проблематики человека и его сознания в контексте формирования и развития аномии в информационном обществе, а также влияние аномии на процесс производства, усвоения и воспроизводства норм и образцов в культуре.

Объект: аномия информационного общества.

Предмет: философско-антропологические аспекты аномии информационного общества.

Цель исследования: охарактеризовать аномию информационного общества и выявить философско-антропологические аспекты её преодоления.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить исторические предпосылки возникновения и развития аномии в контексте норм и образцов, а также дать определение аномии информационного общества.
2. Проанализировать современные концепции аномии информационного общества.
3. Представить основные теоретико-методологические аспекты философско-антропологической концепции аномии информационного общества.
4. Выяснить условия снижения негативного влияния аномии информационного общества на индивидуально-личностное и социальное бытие человека.

5. Описать факторы, способствующие снижению уровня аномии информационного общества.

Методология и методы диссертационного исследования.

Общее методологическое основание диссертационного исследования – философско-антропологическое – предполагает, что аномия информационного общества понимается как феномен, деконструирующий информационное общество применительно к бытию человека, однако не всегда ведущий к его реконструкции. Деконструкция, как одна из исходных методологических установок работы, позволила расширить философско-антропологическую парадигму в рамках данного феномена, обнаружив гетеронормативность, как фактор, негативно влияющий на формирование сознания человека.

Исследование основано на принципах философской антропологии. В качестве основных методов применяются: герменевтический метод, метод деконструкции, сравнительно-исторический анализ.

Деконструкция в работе выполняет процедурную роль. Результатом применения данного метода становится понимание аномии не как дефицита норм, а как особого режима бытия человека, при котором нормативы культуры постоянно обновляются, но не успевают стать личными убеждениями.

Герменевтический метод направлен не на поиск авторского замысла, а на реконструкцию того, как аномия нарушает герменевтический круг. В норме часть (отдельная норма) понятна через целого (культура), а целое – через части.

Сравнительно-исторический анализ позволяет проследить эволюцию идеи аномии не как хронологию, а как типологию сдвигов. В работе выделяются три исторических типа аномии: классическая (нормативный вакуум – разрыв между старыми и новыми нормами), индустриальная (разрыв между деятельностью и её смыслом) и информационная (гетеронормативность – разрыв между множеством норм и способностью человека сделать их «своими»). Таким образом, аномия информационного общества представляет собой не количественное нарастание

безнормия, а качественное изменение – норма существует, но перестаёт работать как механизм формирования сознания.

Диссертационное исследование было осуществлено в рамках онтологической трактовки сознания человека, где аномия рассматривается как пространство гетеронормативности оказывающее непосредственное влияние на процессе его формирования в ходе которого общественные нормы становятся индивидуальными. Таким образом она проявляет себя на двух уровнях:

1) в пространстве культуры она проявляет себя в качестве «нарциссической культуры», свидетельствующей как минимум о кризисе культуры, а как максимум – кризис глобальной модели производства и потребления;

2) в самом человеке – через инфантилизм, познавательный эгоцентризм и отсутствие волевого конституирования.

Совокупность описанных методологических и теоретических оснований определяет специфику диссертационного исследования. Итоговая логика строится как последовательность процедур: деконструкция обнаруживает, что аномия информационного общества – это не отсутствие норм, а гетеронормативность; герменевтика показывает, как нарушается понимание из-за ускользающего культурного контекста; сравнительно-исторический анализ доказывает специфичность данного нарушения именно для информационного общества; онтология сознания фиксирует точку сбоя – волевое конституирование не успевает за сменой норм. В итоге аномия предстаёт как событие, нарушающее процесс получения интенционального опыта, появляющегося у человека в результате усвоения норм и образцов культуры, в связи с их постоянным и ускоренным изменением в информационном пространстве.

Научная новизна исследования:

1. Введено понятие «информационное пространство гетеронормативности», посредством которого описана специфика проявления аномии в информационном обществе. Показано, что данное пространство

характеризуется потенциальной возможностью формирования любой структуры норм, в результате чего любое поведение человека воспринимается другими как нормальное и ненормальное одновременно.

2. Выявлен механизм усугубления негативных аспектов аномии информационного общества: в пространстве гетеронормативности принятие ограничительных практик (правовых, социальных, технологических) не снижает, а парадоксальным образом усиливает рост девиантного поведения, замыкая процесс в самовоспроизводящемся контуре.

3. Разработана философско-антропологическая концепция развития аномии в культуре информационного общества, в рамках которой установлено, что конвергенция общества потребления и информационного общества ведёт к формированию симулякра духовной жизни человека, функционирующего по правилам интернет-маркетинга и воспроизводящего аудио-, видео- и сенсорные знаки нарциссической культуры.

4. Обоснована ценностная альтернатива для снижения уровня аномии информационного общества: отказ от ценностей нарциссической культуры и трансляция в информационное пространство России и постсоветского пространства цивилизационных норм и образцов русской культуры с её традиционными духовно-нравственными идеалами, что позволяет преодолевать негативные экзистенциалы через обретение смыслов жизни.

5. Выявлены уровневые факторы преодоления аномии информационного общества на индивидуальном уровне: игра выступает как нормообразующий и культуuroобразующий фактор, формирующий интенциональный (намеренный, волевой) опыт и сознание, что обеспечивает последовательное снижение аномии на взаимосвязанных уровнях: дом – институт – город – государство – цивилизация.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аномия информационного общества проявляет себя как информационное пространство гетеронормативности, где потенциально может

сформироваться любая структура норм. В этом пространстве любое поведение человека воспринимается другими людьми одновременно как нормальное и девиантное, в связи с отсутствием общепринятых норм и образцов культуры в этом пространстве.

2. Принятие ограничительных практик в информационном пространстве гетеронормативности способствует усугублению негативных аспектов аномии, выражающихся в росте девиантного поведения.

3. В рамках сформулированного содержания философско-антропологической концепции развития аномии в культуре информационного общества установлено, что в результате конвергенции общества потребления в информационное общество значительно ускорился процесс передачи и потребления информации. В результате возникает симулякр духовной жизни человека, существующий по правилам интернет-маркетинга как организационной функции и совокупности процессов создания и продвижения товаров, информационных продуктов или услуг, а также аудио, видео и сенсорных знаков нарциссической культуры.

4. Для снижения уровня проявления аномии информационного общества необходим отказ от ценностей нарциссической культуры. Вместо них в информационное пространство необходимо транслировать цивилизационные нормы и образцы культуры, тем самым способствуя преодолению негативных экзистенциалов через обретение смыслов жизни, способствующих снижению проявлений девиантного поведения.

5. Для снижения уровня аномии в информационном обществе, необходимо прибегать к игре как средству формирования сознания человека. Причина кроется в том, что игра является видом деятельности человека, в процессе развития которой возникает произвольность внимания и мышления. Игра, как социальное действие является нормообразующим и культуuroобразующим фактором.

Теоретическая значимость исследования: заключается в прояснении и расширении философско-антропологической парадигмы для изучения аномии информационного общества. Диссертация является одним из первых опытов исследования проблемы аномии с точки зрения представления способов её преодоления у человека. Это становится возможным благодаря тому, что в качестве предмета исследования предстают антропологические аспекты, воздействие на которые способствуют снижению уровня аномии информационного общества. Среди них в рамках данного исследования выявлены такие антропологические феномены, как сознание человека, формирующееся в процессе игры. Понимание данного механизма может снизить уровень аномии в информационном обществе и привести к выявлению условий её преодоления на индивидуальном уровне. Другой аспект значимости работы заключается в том, что положения и выводы диссертации связывают воедино процессы глобализации, информатизации и секуляризации в условиях нарциссической культуры информационного общества, потери личностных смыслов, целей, стремлений, проявляющиеся в переживании негативных экзистенциалов, с которым могут «совладать» только люди с сознанием. На основе теоретических выводов диссертационного исследования уточняются характерные особенности представлений об аномии в рамках философско-антропологического осмысления развития информационного общества. Предлагаемый в диссертационном исследовании материал и концептуальные положения создают предпосылку для углубленного и дифференцированного изучения аномии информационного общества и дальнейших методологических разработок.

Практическая значимость работы. Методологические установки, предложенные в работе, являются полезными для выявления возможностей снижения уровня аномии информационного общества, поскольку демонстрируется их практическая применимость для рассмотрения процесса формирования сознания человека. Таким образом, разработанный в данном исследовании материал может быть использован для учебных курсов по

философии, политологии, этике, теории и истории культуры, и смежных с ними дисциплин, а также как рекомендательный материал по практическому регулированию социальной политики.

Достоверность и обоснованность результатов. Результаты проведенного исследования обладают высокой степенью достоверности, которая обусловлена тем, что диссертант обосновано использовал принятые в философской антропологии методы исследования и подробно и системно изучил многочисленные источники и тексты опубликованных по данной теме научных работ.

Апробация результатов исследования. Основные идеи, положения и результаты диссертации легли в основу публикаций и докладов автора на международных и всероссийских научных конференциях: Первой Всероссийской научно-практической конференции «Север России: стратегии и перспективы развития» (Сургут, 27 мая 2016); III Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века» (Сургут, 30 ноября 2017); XXVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 12-23 апреля 2021); Международном форуме «Благополучие человека в условиях цифровой трансформации» (Екатеринбург, 3-5 апреля 2022); Всероссийской научной конференции с международным участием «Философ и философия в современном мире» (Пермь, 22 октября 2025 г.).

Основные результаты исследования отражены в 8 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов исследования, шесть из них написаны самостоятельно (2,85 п.л.), две – в соавторстве (1,1 п.л., авторский вклад 0,45 п.л.) и трёх публикациях в материалах конференций. Общий объем публикаций по теме исследования – 4,65 п.л.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, состоящих из 6 параграфов, заключения и списка литературы. Объём диссертации

составляет 178 страниц машинописного текста. Библиографический список включает 313 источников: 305 источников на русском языке, 8 – на иностранных языках.

ГЛАВА 1. АНОМИЯ В ПРОЦЕССЕ ЭВОЛЮЦИИ

1.1. Аномия: становление содержания и осмысления

Термин «аномия» впервые встречается в период античности: в Древней Греции понятие «*anomos*» использовалось в значении «беззаконность», «неуправляемость». Его этимология обусловлена добавлением отрицательного префикса к слову «*nomos*», которое имело два значения. Во-первых, «*nomos*» означало закон, порядок; во-вторых, этим же термином греческие авторы обозначали административно-территориальные единицы в рамках единого государства. Таким образом, под «*nomos*» изначально понимался не закон как таковой (например, универсальный закон мироустройства или общепринятый неписанный закон), а совокупность норм, действующих в определённых пространственно-временных (естественных) и общественно-политических (волеустановленных) пределах. Соответственно, *аномия* в качестве понятия связана не только с разрушением закона или порядка, но и с представлением о выходе за некие границы естественного или искусственного происхождения, характеризующиеся свободой и несерьёзностью. Другими словами, аномия говорит, в том числе, о нарушении или разрушении некоего пространства, организованного в соответствии с этими законами, а игра, фундаментальными свойствами которой являются: наличие правил и создание порядка, выступает в качестве ведущей деятельности человека, направленной на её преодоление.

Кроме этого, латинское слово «*погма*» означает прибор, основной функцией которого было измерение углов. Некоторые авторы находят связь с понятием «*поско*», что означает «познавать» или «исследовать». Становится очевидно, что уже само понятие *аномии* как процесса, включает в себя проблему определения границы между нормой и не-нормой.

Также важно отметить необходимость различать понятия «*погма*» и «*номос*», которые в своих значениях соотносятся также как «правда» и «истина».

Истина понимается как закон Бога или Космический порядок, в то время как правда представляет из себя нормы возникающие в результате общественного договора. В этом смысле «Русская правда» является одним из ярчайших примеров сборников норм «в которой учитывались интересы определенной части народа»¹.

В работе Аристотеля «Политика»², которая и по сей день является примером защиты идей моногамной семьи и частной собственности, также содержит в себе философско-антропологическую идею об аномии. В ней Аристотель определяет человека как политическое существо, подчёркивая, что предметом политики является прекрасное и справедливое³. При этом он отмечает, что с точки зрения нравственности, люди, находящиеся за пределами государства, по сути, предстают перед нами либо «недоразвитыми»⁴ существами, либо сверхлюдьми, которые хотят воевать с окружающими. Здесь мы и наблюдаем аномию с позиции сверхчеловека, с одной стороны, как субъекта, который способен осознавать и выходить за границы нормы, формируя её своей враждой по отношению к окружающим. А с другой – как человека, который является недостаточно развитым в нравственном плане существом. В обоих случаях у совершенно разных субъектов возникает конфликт с жителями полисов, которых с точки зрения современных представлений, можно назвать нормальными людьми.

В рамках данной научной работы планируется изучение аномии как условия переходного, кризисного состояния общества. Для этого необходимо изучить само развитие понятия аномии, на основе герменевтического метода, позволяющего интерпретировать философские тексты, ставшие предметом научного осмысления. Мы проанализировали и систематизировали ряд работ авторов, которые так или иначе использовали в своих текстах понятие аномии.

¹ Ефимова С. В. Власть в призме феномена правдоискательства (история и современность) // Власть. 2011. № 2. С. 36.

² Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 38–57. 830 с.

³ Беляева О. М. Полития как наилучшая форма правления, по Аристотелю // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1 (19). С. 16.

⁴ Аристотель. Метафизика; Политика; Поэтика; Риторика: трактаты / пер. с др.-греч. В. Аппельрота, С. Жебелёва, А. Кубицкого, Н. Платоновой. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2023. С. 271.

Методологическим основанием сопоставления социологических теорий, философских концепций и современных культурных феноменов является наличие сущностной культурной общности трех «эпох» - доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной⁵. Наличие этой общности является объективным признаком того, что при переходе от одной эпохе к другой нормы адаптируются к новой реальности, но это происходило локально в разных частях света. Сегодня же, когда в условиях тотальной информатизации у нас появилось единое информационное пространство, мы стали наблюдать одновременное сосуществования множества норм буквально из различных эпох. Причина кроется в том, что ещё со времён Аристотеля и Платона существовало два представления о происхождении законов работы техники. «В первом случае законы техники по своему происхождению являются природными»⁶, а во втором «исключительно человеческими законами»⁷. Таким образом, «понимание такого уникального положения техники как принципа человеческой культуры не утратило своей актуальности»⁸.

Ближе к концу XIX и началу XX века, проблема аномии актуализируется в академическом научном и философском дискурсе. Происходит это на фоне активной миграции жителей традиционного общества в общество индустриальное, что приводит к столкновению норм и укладов общества традиционного и городского.

Этот период можно обозначить как начало рефлексии последствий индустриализации и её влияния на формирование не только современных городов, но и информационного пространства. Индустриальная эпоха имела своим основанием пооперационное разделение труда, и именно на нем основаны все индустриальные технологии. В постиндустриальной эпохе этот принцип

⁵ Федяев Д. М. Индустриальное начало в культуре постиндустриального общества // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 30.

⁶ Черняков А. А. Методология философии техники в античной классике // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2023. № 2 (17). С. 27.

⁷ Черняков А. А. Методология философии техники в античной классике // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2023. № 2 (17). С. 27.

⁸ Черняков А. А. Древнегреческое «техне» как основа культуры // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2024. № 1 (20). С. 29.

также распространился на внепроизводственную деятельность. Тем самым были заложены основы всего, что связано с вычислительной техникой: компьютерами, смартфонами, суперкомпьютерами и всей их атрибутикой. Этот принцип отражается в самой структуре работы персонального компьютера, каждый блок которого выполняет свою особую операцию: жёсткий диск хранит информацию, видеокарта обрабатывает и выдаёт изображение, процессор в рамках программного алгоритма производит вычислительные операции из оперативной памяти, выполняющей функцию хранилища информации с произвольным доступом и т.д. Принцип конвейера в производстве информации сохраняется в самой структуре вычислительной техники, буквально производящей информацию, создавая тем самым информационное общество.

Исходя из того, что «машинный идеал, порожденный производственно-технической сферой, бывший в индустриальную эпоху элементом культуры, в эпоху постиндустриальную стал ее системным качеством. По крайней мере, во многих сколько-нибудь «востребованных» видах деятельности осуществляется выделение элементарных составляющих, создаются их комбинации, производятся серии»⁹, что позволяет сделать вывод о сущностной культурной общности трех «эпох» - доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной. Таким образом, если в основе информационного общества, заложены системные качества индустриального и доиндустриального общества, то можно с уверенностью утверждать, что в нём будут проявляться как принцип развития, так и аномии.

Одним из первых учёных, затронувших данную проблему, стал Ж. М. Гюйо¹⁰. В своих книгах «Очерк о морали» и «Безверие будущего» Ж.М. Гюйо рассматривает аномию как явление, имеющее позитивное значение для развития человека. По его мнению, аномия позволяет индивиду освободиться от действия искусственно установленных законов, являющихся догмой для большинства людей и сковывающих рост жизненных сил. При этом недостаток

⁹ Федяев Д. М., Федяева Л. В. Всеобщность машины // ОНВ. 2015. № 4 (141). С. 82.

¹⁰ Гюйо Ж. М. Безверие будущего / пер. с фр.; под ред. Я. Л. Сакера. СПб.: Общественная польза, 1908. 518 с.

жизненной энергии порождает эгоизм, а её избыток служит основой для альтруизма. Очевидно, что Ж.М. Гюйо использует понятие аномии преимущественно в этическом (а также в эстетическом) смысле.

Своё социологическое и философско-антропологическое значение понятие аномии приобрело в трудах Эмиля Дюркгейма. Именно в таком качестве оно в дальнейшем было глубже изучено и развито американским социологом Робертом Кингом Мертоном. Э. Дюркгейм представляет аномию как патологическое явление, природа которого кроется в процессе несостоявшегося перехода от «традиционного общества» к «индустриальному». Понятие «аномии» используется в его работах «О разделении общественного труда» (1893)¹¹ и «Самоубийство»: социологический этюд» (1897)¹². Последняя работа признана к настоящему времени классической и основополагающей в науке для трактовки феномена аномии. Именно в ней Э. Дюркгейм вводит термин «девиантное поведение», характерное для человека, и раскрывает содержание обозначаемого им отклонения от норм, рассматривая в качестве разновидности девиантного поведения суицид как преднамеренное, самостоятельное и добровольное лишение себя жизни. Труд Э. Дюркгейма о самоубийстве заложил основы современной суицидологии, в рамках которой аномия считается одним из основных факторов, способствующих возникновению суицида.

Здесь важно оговорить, что суицид является наиболее крайней формой проявления аномии на антропологическом уровне, то будет уместно рассмотреть различные трактовки его причин. Во-первых, это позволяет обозначить философско-антропологический аспект аномии данного феномена. Во-вторых, обозначить её абсолютное проявление в наиболее крайней форме. В-третьих, органически развить заложенные Мертоном и Дюркгеймом дискурс об аномии в контексте современной научной парадигмы. В-четвёртых, удерживать во внимании именно философский аспект исследования, ведь как писал Камю в

¹¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. А. Гофман. М.: Канон, 1996. 432 с.

¹² Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Ильинского; ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

«Мифе о Сизифе»: «Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос – вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она того не стоит, – это значит ответить на основополагающий вопрос философии. Все прочие вопросы – имеет ли мир три измерения, существует ли девять или двенадцать категорий духа – следуют потом. Они всего лишь игра; сперва необходимо ответить на исходный вопрос»¹³.

Э. Дюркгейм одним из первых выдвигает теорию общественного перехода как процесса, порождающего условия и факторы массового девиантного поведения и аномии. Он исходит из представления о том, что общественный порядок поддерживается с помощью групповой интеграции и регуляции. По его мнению, общество в процессе своего развития разрабатывает нормативные модели поведения и системы верований в процессе эволюционных сдвигов. Во время периодов качественных переходов (прежде всего, перехода от сельского общества к городскому обществу) распространение новых норм и ценностей выводит традиционное общество из состояния равновесия, разрушая тем самым религиозные институты и традиционные верования. Новые общественные отношения открывают возможности для сомнений в необходимости придерживаться старых культурных ценностей и коллективных норм, что, по мнению Э. Дюркгейма, является и источником, и последствием аномии.

Конечно, Э. Дюркгейм не изучал перехода индустриального общества в постиндустриальное, но его теория может быть применима для объяснения процессов, происходящих в них. На сегодняшний день известно, что процесс перехода никогда не проходит плавно¹⁴, в связи с тем, что данный процесс изменяет государственное устройство, выявляет исторические раны этнических конфликтов и провоцирует гражданские конфликты различного происхождения. Кроме того, во время переходного периода экономическое благосостояние населения в той или иной степени ухудшается.

¹³ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула: сборник / пер. с фр. М.: АСТ, 2014. С. 128.

¹⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Ильинского; ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. С. 22, 23.

Благодаря Э. Дюркгейму, Роберт Мертон в 1938 году вводит понятие аномии в свою теорию общественного порядка. С помощью этого нововведения он намеревался объяснить, почему некоторые общности демонстрируют более высокие маркеры аномии, чем другие. Подход Р. Мертона к исследованию аномии предполагает её рассмотрение в контексте развития социокультурных структур. По его мнению, аномия является продуктом утилитарного поведения и дисбаланса между двумя основными компонентами общества¹⁵.

Принято считать, что в демократическом обществе барьеры для культурного, экономического, образовательного и карьерного роста высших социальных страт фактически отсутствуют, при этом существует явный порог для культурного развития в том же обществе для людей, принадлежащих к низшим стратам. Здесь важно отметить, что в нашей работе используется определение культуры Д.В. Пивоварова, которая определяет её как «идеалообразующую сторону человеческой деятельности»¹⁶.

Люди, находящиеся в самом низу классовой структуры, с большей вероятностью испытывают страдания от социокультурной деформации и аномии. Такое положение складывается потому, что новая культура, формирующаяся в рамках изменяющихся систем производственных отношений, оказывает давление главным образом на тех, кто находится на более низкой классовой ступени, вынуждая их принимать не самые законные, но при этом кажущиеся таковыми меры, действительно порой являющиеся эффективными средствами для достижения соответствующих целей.

Три тезиса в теории Р. Мертона являются наиболее значимыми для современных исследователей проблемы аномии:

- демократия является необходимым условием для широкого распространения аномии;
- аномия является не естественным (физиологическим), а социально индуцированным феноменом;

¹⁵ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 215.

¹⁶ Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. 2011. № 2. С. 137.

– неравенство людей – значимый источник аномии.

В то же время бедность сама по себе не является причиной деформации и отклоняющегося поведения. Бедность способствует появлению преступности только при условиях высокой мобильности населения по мнению Р. Мертон¹⁷. Аномия, следовательно, является побочным продуктом быстрых общественных изменений, обусловленных высокой мобильностью людей, синергия которых вызывает феномен адаптационной реакции индивида в вышеупомянутой открытой системе стратификации. Мы предполагаем, что любые быстрые общественно-политические изменения, такие как переход от авторитарного режима к демократии и наоборот, повышают уровень аномии, смывая границу между порядком и беспорядком.

Однако в результате изучения феноменологии суицида подход Р. Мертона может приводить нас в тупик при исследовании человека, а не общества. Например, суицид может быть представлен в качестве протеста, который имеет собственные цели и средства реализации, которые противоречат целям и средствам, принятым в культуре. Если у суицида есть цель, например, в демонстрации протеста и привлечения внимания к установлению нового порядка, или протеста против старого, как в случае самосожжения монахов буддистов, то реализация суицида в этом случае рассматривается с позиции Р. Мертона как инновация. Но является ли суицид инновацией в смысле создания чего-то нового?

В качестве примера исследования суицидов как протеста против норм и образцов культуры, также известно описание самосожжения христиан-старообрядцев из работы М. Саммерса, современника Э. Дюркгейма. Обозначенная тема и сегодня является актуальной проблемой в религиоведении и богословии, феномен самосожжения сохранялся вплоть до индустриальной эпохи¹⁸. В постиндустриальном обществе данная форма самоубийства может носить не только религиозный, но и политический контекст и характер¹⁹.

¹⁷ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 218.

¹⁸ Пулькин М. Самосожжение старообрядцев. М.: Литрес, 2013. С. 8.

¹⁹ Бочарникова И. С., Машковская А. Ю. Самоубийство как радикальный политический протест // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3. С. 63.

Чтобы осознать свою жизнь как экзистенцию и задаться вопросом о смысле своего существования, человек зачастую должен оказаться в пограничной, трансгрессивной ситуации, например, перед лицом смерти в рамках грядущей глобальной катастрофы. Самосожжение как форма суицида являлось следствием столкновения с этой ситуацией и невозможности иного выхода из нее. Переживая пограничные ситуации и не имея возможности трансформировать кризисное состояние экзистенциального переживания, сталкиваясь с экзистенциальной пустотой, экзистенциальным вакуумом, люди совершают волевой выбор в пользу прекращения своего существования.

Феномен аффективности здесь начинает играть ключевую роль, распространяя индивидуальное на коллективное, запуская коллективный процесс переосмысления экзистенциального опыта и неизбежно вводя неопределенное количество людей в подобные экзистенциальные кризисы. Так, Ж.-П. Сартр отмечал, что ощущения чего-либо всегда проецируются на другие внешние объекты²⁰. Человек проживающий негативные для него события начинает втягивать посредством аффекта людей вокруг себя в совместные переживания и повергать их экзистенциальные переживания в кризис. В результате целые семьи, трудовые коллективы, творческие группы и т.д. становятся подвержены этому влиянию. Неудивительно, что в условиях кризиса и целые общества способны погружаться в кризис, под воздействием незначительного количества людей, имеющих выраженное культурное и духовное влияние и впадающих в кризис экзистенции, что заставляет окружающих задумываться и переосмысливать вопросы подлинности собственного бытия. При этом, смерть отдельного человека сама по себе не может выступать в качестве источника смысла жизни, но она позволяет осознать собственную жизнь.

По мнению Ф. Ницше, в условиях государства все люди «вместе пьют этот яд»²¹, разделяя экзистенциальные переживания и их осмысление. Такое

²⁰ Сартр Ж. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. СПб.: Наука, 2001. С. 88.

²¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 56.

положение Ф. Ницше называл «жизнь»²², взяв это понятие в кавычки, выражая отсутствие её подлинного значения. С точки зрения Ф. Ницше, человек в целом имеет право на суицид²³. Размышления о суициде в рамках нарратива, обозначенного Ф. Ницше, могут быть полезны для индивидуального развития. В то же время, он осуждает своих современников, совершающих самоубийство²⁴.

В условиях аномии информационного общества наблюдается рост уровня экзистенциального кризиса человека. Причины кризиса обусловлены размыванием нормативных структур, которые с одной стороны порождают условия для формирования экзистенциального кризиса, а с другой – формируют необходимость его преодоления. Преодоление экзистенциального кризиса становится возможным благодаря адаптации ценностей прошлых эпох (доиндустриальной и индустриальной) к условиям информационного общества.

С точки зрения С. Кьеркегора, суицид, как наиболее значимый маркер аномии, является негативным следствием безграничной свободы²⁵. Здесь поиск позитивной формы подразумевает ответ на вопрос о смысле собственного бытия, выбор которого зависит, в первую очередь, от субъекта бытия, способного заглянуть в небытие и понять ради чего осуществляется бытие как таковое. Если же субъект не способен получить ответ на вопрос о смысле собственного бытия, то он вынужден останавливаться в своём развитии и следовать предписанному регламенту законов, норм и традиций.

Для Альбера Камю кульминацией философского вопрошания стал единственно важный для него вопрос – «вопрос о самоубийстве»²⁶. Самоубийство рассмотрено им как решение, отрыв от бессмысленного мира: зачем жить, когда всё бессмысленно? Однако А. Камю отвергает самоубийство; убить себя значило бы поддаться абсурду. Истинная смелость – это жить против абсурда, жить с

²² Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: Изд-во АСТ, 2015. 56.

²³ Уваров А. Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии // Соловьёвские исследования. 2015. № 4 (48). С. 35.

²⁴ Там же. С. 36.

²⁵ Кьеркегор С. Или — или. Фрагмент из жизни / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проект, 2014. С. 680.

²⁶ Камю А. Сочинения: в 5 т. Т. 2 / пер. с фр.; худож. М. Квитка, О. Квитка. Харьков: Фолио, 1997. С. 7.

осознанием того, что всё абсурдно, смотреть на абсурд – это бунт против абсурда, к которому нужно стремиться.

Ближе к середине XX века представления об аномии с точки зрения структурного функционализма начинают исчерпывать свои объяснительные возможности. Это связано с тем, что в этот период начинает формироваться представление о постиндустриальном обществе, о котором впервые заявил Д. Белл в 1959 году. На тот период доминировало мнение о том, что проблемы индустриального общества, связанные с периодами глобальных кризисов, войн и голода ушли на задний план и весь мир движется в условия общества материального изобилия и благополучия²⁷. Однако, более поздние, современные исследования, показывают, что постиндустриальное общество продолжает сталкиваться с современными вызовами, среди которых локальные конфликты, религиозный фундаментализм и пандемия COVID-19²⁸. Кроме этого, в условиях постиндустриального общества происходит трансформация религиозных институтов²⁹, которые подстраиваются под структуру информационного общества и активно осваивают Интернет, чтобы взаимодействовать с прихожанами. При этом отмечается, что в России переход в постиндустриальное общество даже сегодня до конца так и не произошёл, в связи с тем, что в нашей стране сохраняются черты как индустриального, так и постиндустриального общества³⁰. Кроме этого, на фоне воздействия массовой культуры постиндустриального общества граница между приемлемым и девиантным поведением остаётся неопределённой³¹.

²⁷ Новиков А. М. Постиндустриальное общество // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2009. № 3. С. 16.

²⁸ Олейников Ю. В. Сингулярность постиндустриального общества // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 2. С. 90.

²⁹ Лаврентьева, А. Ю. Религия в постиндустриальном обществе [Электронный ресурс] / А. Ю. Лаврентьева // Общество: философия, история, культура. — 2020. — № 8 (76). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-postindustrialnom-obschestve>.

³⁰ Талалушкина Ю. Н. Тенденции в изменении стратификационных моделей в постиндустриальном обществе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 98.

³¹ Карнаушенко Л. В. Право в условиях постиндустриального общества XXI века // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 101.

В этих условиях дуалистичный и неопределённый характер аномии постиндустриального общества привёл к тому, что его точный смысл стал трудно уловимым, а оттенки этого смысла варьировались в зависимости от различных стадий научной разработанности разными исследователями. Дюркгейм, как отмечалось выше, вводил и активно использовал данное понятие в своих трудах³², но не давал его строгого определения. Позже различные теоретики использовали основные идеи об аномии как об общественном, так и антропологическом феномене. Так, в частности, Д. Н. Левин³³ справедливо отмечает, что Э. Дюркгейм использует, по крайней мере, десять плохо увязанных между собой определений аномии. Это может говорить о высокой степени многообразия самого феномена, который проявлялся в условиях индустриального общества. Таким образом, в условиях постиндустриального общества аномия может проявлять себя ещё более разнообразно.

Философско-антропологический смысл аномии в работах Э. Дюркгейма раскрывался в контексте проблемы суицида. По его мнению, основной причиной суицида человека является одиночество. То есть, в контексте нашего дискурса человек отчуждается от общественного порядка и, таким образом, впадает в состояние одиночного безнормия, которое становится для него смертельно опасным. Человек становится изгоем в обществе, переживающим смертельное одиночество. Он не мёртв, но и уже не жив, подобно изгнанникам из племён австралийских аборигенов, которых было принято называть живыми мертвецами. В условиях постиндустриального общества проблема одиночества всё также остаётся актуальной³⁴. Несмотря на развитие средств коммуникации и увеличения скоростей передачи информации, человек остаётся парадоксально одинок из-за недостаточно развитых навыков общения и коммуникации³⁵.

³² Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Ильинского; ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. С. 19.

³³ Levine D. N. The Flight from Ambiguity: Essays in Social and Cultural Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 260 p.

³⁴ Соловьева Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7 (111). С. 80.

³⁵ Абдулатипова Э. А., Исламбекова И. С., Филимонов Р. М. Влияние коммуникаций в Интернете на процесс социализации молодежи // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2023. С. 9.

Одна из заслуживающих внимания трактовок феномена аномии появляется у Р. Мертона, который ставит вопрос о «нормальности» норм, в рамках различных культур³⁶, что станет особенно характерно в условиях цифровизации постиндустриального общества. В отличие от Э. Дюркгейма, определяющего феномен аномии как «безнормность» в отношении человека, Р. Мертон определяет её как феномен, не поддающийся однозначной оценке на предмет его соответствия или несоответствия принятым нормам, ставя тем самым вопрос о границе норм в разных культурах. В данном ракурсе различие между концепциями феномена аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона является особенно контрастным. Причина кроется в том, что Э. Дюркгейм описывал индустриальное общество, а Р. Мертон затрагивал период становления постиндустриального общества. Несмотря на это и другие отличия в их позициях по трактовке аномии, между воззрениями Э. Дюркгейма и Р. Мертона существует некоторая близость в понимании процессов, вызывающих её. Оба предполагают, что генезис и распространение аномии как массового феномена связаны с тем, что общество вступает в период, когда само существование норм становится проблематичным, так что это есть период, в пределе характеризующийся безнормностью, в котором нормальных людей попросту не существует.

Возникновение аномии как массового феномена в начале XX века Э. Дюркгейм объяснял тем, что процесс разделения общественного труда, а также его усложнения происходит значительно быстрее, чем развитие морального сознания людей, живущих в данных условиях. Люди фактически не успевают стать причастными к новому порядку, включиться в выстраивающиеся отношения с другими людьми в обществе, найти с ними общий язык, включиться в процесс общественного разделения труда, стать частью семьи и так далее. Сегодня, в XXI веке эти процессы также остаются актуальными в связи с изменением структуры общественного производства, появлением системы фриланса и самозанятых, представители которой вынуждены постоянно менять направление своей карьеры,

³⁶ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010. № 4. С. 220.

подстраиваясь под быстро меняющиеся условия труда. Те же проблемы испытывает современный прекариат³⁷ и креативный класс³⁸, которые также характеризуются крайне высокой степенью нестабильности своего общественного положения. Так, по мнению современных исследователей, прекариатизация является примером проявления аномии³⁹ в постиндустриальном обществе. Это также способствует стиранию нормативных границ и может приводить к тому, что индивид может на протяжении длительных периодов оставаться безработным и невостребованным, тем самым переживая негативные экзистенциалы одиночества, смерти и страха в условиях экономической нестабильности⁴⁰ на глобальных рынках.

Именно в этих условиях массовая культура в результате процесса конвергенции становится нарциссической культурой, основной задачей которой является удовлетворение базовых витальных потребностей и потребностей в удовольствии. В качестве субъекта и носителя данной культуры являются люди, для которых характерен нормальный и инфантильный нарциссизм (по О. Кернбергу), выступающий как в качестве стадии возрастного развития у детей, так и признаком инфантилизации взрослого человека. Обе эти группы характеризует низкая значимость или отсутствие потребностей, характерных для более поздних этапов развития, а также превалирование желания удовлетворения витальных потребностей и потребностей в удовольствии, а также «высокая самооценка и одновременно неспособность оценить свое поведение»⁴¹. Игра у нарциссов выступает в качестве ведущей деятельности, развитие которой способствует преодолению аномии как на индивидуальном, так и на общественном пространствах.

³⁷ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 10.

³⁸ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. С. 84.

³⁹ Сигитова М. А., Филиппова К. В. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6 (86). С. 39.

⁴⁰ Налбандян И. М., Рогова Т. М., Мурзин А. Д. Федеральное бюджетное планирование в условиях социально-экономической нестабильности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2022. № 1 (295). С. 14.

⁴¹ Черняков А. А. Студент эпохи постмодерна: штрихи к портрету // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2025. № 1 (24). С. 112.

Если рассматривать эти процессы с точки зрения Э. Дюркгейма, то подобное состояние в обществе возможно в случае как резкого улучшения качества жизни вследствие высокого темпа экономического развития, обусловленного изменениями в производстве, так и резким ухудшением в экономике. Для Э. Дюркгейма аномия – это естественное состояние для общества, но не для человека, на которого она воздействует также травматично, как боевые действия на новобранца в армии. С его точки зрения, естественность данного состояния обусловлена тем, что общественные институты декларируют общечеловеческий характер идеалов развития людей, однако в силу существования неравенства людей, граждане, принадлежащие к бедным слоям, для которых фактически невозможно приспособиться к существующему порядку, вследствие чего они испытывают ощущение несправедливости, расценивая прожитую жизнь как неудавшуюся. Переживания несчастливой участи, по мнению Р. Мертона, порождаемые бессилием и отсутствием возможностей быть частью общества, толкают людей к суициду, алкоголизму и наркомании.

Экономический аспект аномии, по мнению Э. Дюркгейма, обусловлен неравенством, возникшим в условиях капитализма. При этом, в условиях постиндустриального общества, заложенное неравенство продолжает сохраняться⁴². Данное неравенство приводит к тому, что люди, приехавшие из деревень в города, испытывают большие трудности в приспособлении к ритму и условиям, к приобретению необходимых навыков жизненного обихода и работы в городе, которые являются нормальными для городских жителей. Соответственно повышается вероятность того, что приезжие станут банкротами в плане жизненных ожиданий, очевидность чего обнаружится для них особенно явно на фоне успехов людей, которым повезло родиться в данных условиях и которым в процессе индивидуального развития с лёгкостью удалось приспособиться к ним. Проблема миграции⁴³ людей в XXI веке, возникшая на фоне роста населения в

⁴² Черныш М. Ф. Социальные сети и неравенство // Научный результат. Социология и управление. 2022. № 2. С. 7.

⁴³ Гофман А. А., Тимошук А. С. Устойчивое развитие России и мальтузианская ловушка // Манускрипт. 2021. № 4. С. 757.

современном постиндустриальном обществе, а также актуализация международных конфликтов в сочетании с ростом производства оружия свидетельствует о том, что аномия постиндустриального общества актуальна и сегодня.

В качестве основного фактора возникновения аномии в сфере семейных отношений Э. Дюркгейм выделял процесс смены власти внутри семьи. Он отмечал, что в более ранних, традиционных формах уклада главенствующую роль в семье занимал мужчина, в то время как по данным его наблюдений, главенствующую роль в индустриальном обществе начинает занимать женщина. С точки зрения Э. Дюркгейма, данное изменение было обусловлено тем, что женщина, играя, как и раннее, главенствующую роль в доме, в индустриальном обществе дополнительно к этому осуществляет производственную деятельность и вне семьи, не уступая в этом плане мужчине. В таких условиях мужчина, подсознательно продолжающий считать себя обладающим естественным правом на власть в семье, испытывает унижение, но не находит возможностей для того, чтобы успешно реализовать усилия для упрочения своего положения. При этом главенствующая роль женщины всё больше выступает как порядок, а не как аномия. Это закрепляет тот тип расстановки ролей в семье, когда мужчины продолжают с ещё большей силой испытывать унижение, не могут чувствовать себя уверенно и быть полноценными отцами семейства, тем самым отчуждаясь от семьи. На сегодняшний день, в условиях постиндустриального общества, всё также актуален кризис института семьи, который характерен как для западноевропейских стран⁴⁴, США⁴⁵ так и России⁴⁶. Философско-антропологическая причина кризиса семьи и распределения ролей в ней кроется в кризисе духовно-этической⁴⁷ сферы человека.

⁴⁴ Королева-Конопляная Г. И. Кризис семьи в западноевропейских странах (обществе) и проблемы демографии // Социология. 2023. № 6. С. 229.

⁴⁵ Парий-Сергеенко Е. П. Новейшие тенденции развития брачного права как проявление кризиса института брака в странах Западной Европы и США // Право и практика. 2023. С. 99.

⁴⁶ Скрынченко Б. Л., Тараканов А. В., Орлов В. В., Таточенко А. Л. Институт брака и демографические проблемы России XXI века в зеркале статистического анализа // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 375

⁴⁷ Москалев Е. Н. Философско-антропологический смысл брачно-семейных отношений // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 2. С. 18.

Среди большого числа последователей Э. Дюркгейма особое место занимает Л. Сроул, поставивший в середине XX века проблему аномии в собственно психологическом плане⁴⁸, отправляясь от концепции факторов и существа аномии Дюркгейма. Он попытался выявить особенности личности, существующей в условиях аномии. В отличие от исследователей, выступавших до него и в его время, он подходит к аномии как к личному опыту отдельного индивида. Индивид, обладающий низким статусом, болезненно переживает безразличное, безучастное отношение к своему существованию и его потребностям со стороны людей, занимающих высокое положение в обществе. В связи с этим, условия, в которых существует данный индивид, воспринимаются им как нечто нестабильное и не имеющее смысла. Поэтому он не верит в перспективу своего индивидуально-личностного развития, чувствует утрату смысла жизни. Индивид в таком состоянии зачастую не способен опираться в решении жизненных проблем на объективно существующие у него связи с окружающими людьми. Л. Сроул подчёркивает наличие взаимосвязи между социальной и личностной (индивидуальной) аномией, отмечая важность влияния как социальной аномии на индивидуальную, так и индивидуальной на социальную.

Р. Мертон, в свою очередь, рассматривал аномию как продукт дисбаланса между двумя основными компонентами общества: культурной и социальной. Исследуя аномию как общественный феномен, Р. Мертон в конечном счёте описывает её как характеристику индивида. Он ставит в центр внимания категории целей и средств жизнедеятельности, и на их основе выводит такие типы поведения как: инновация (поведение, при котором существует цель и отсутствуют средства для реализации этой цели), ритуализм (отсутствует цель, но имеются средства для осуществления любого типа поведения), ретритизм (отсутствуют и цели, и средства) и мятеж (цели и средства противоречат общепринятым в данном обществе). Отдельно в этот ряд следует поставить ещё

⁴⁸ Srole L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study // American Sociological Review. 1956. Vol. 21. P. 709.

один тип поведения – подчинение, так как оно подразумевает, что у индивида есть и цели, и средства, которые принимаются и являются легитимными в данном обществе, но реализовать их он не способен и подчиняется общепринятой системе ценностей, принимая навязанный способ их достижения. Данные типы приспособления всё также актуальны и сегодня.

Современные исследования указывают, что в политической сфере актуален ритуализм⁴⁹ для избирателей, а в условиях пенитенциарной системы чаще всего встречается ретритизм⁵⁰ в среде заключённых. Основной причиной сохранения различных форм девиаций и по сей день является отсутствие представления о делинквентном поведении⁵¹ в информационном обществе уже на этапе получения образования. В результате чего, не получив представление о нормах на этапе обучения, он не видит их как таковые. Т.е. даже если в обществе нормы и присутствуют, человек, остаётся не способен их воспринимать в принципе. В то же время в Китае, для решения данной проблемы «любое повторяющееся социальное действие в Китае требует тщательно установленного регламента, и пока его нет – реализуется с постоянными затруднениями на каждом этапе, а когда регламент устанавливается – может осуществляться только в соответствии с ним, и попытки варьирования наталкиваются на возрастающее сопротивление. Официальные лица на всех уровнях следуют букве установленного порядка и не рассматривают альтернативы»⁵².

Р. Мертон говорит о культурной компоненте принятия или непринятия (желательности или нежелательности) определённых целей и средств для отдельных индивидов. Он подчёркивает, что отчуждённость индивидов от существующих общественно-экономических условий оборачивается их ненужностью окружающим людям. Очевидно, что последнее вместе с оценкой

⁴⁹ Устюжанинова Е. В., Чумаченко А. П. Анализ сущности политического человека и свойственных ему типов аномичных приспособлений // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 120.

⁵⁰ Комбаев А. В. Социальная структура и аномия в местах лишения свободы: способы социального приспособления осуждённых в пенитенциарных учреждениях // Социология. 2020. № 4. С. 202.

⁵¹ Лилухин А. М., Баблюян Н. В., Корф Д. С. Девиантное поведение в молодёжной среде как проблема осуществления образовательного процесса в ВУЗе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 53.

⁵² Мартишина Н. И. Конфуцианское учение о ритуале в культуре Китая // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2022. № 1 (12). С. 22.

окружающими людьми и собственной оценкой индивида своего существования как «ненужного» и «бесполезного» (то есть, отчуждённого) провоцирует аномию – неадекватные способы адаптации к культуре общества. К числу таковых относятся аддикции, суициды и криминальное поведение.

В результате длительной и кропотливой работы Р. Мертон появилась теория аномии, получившая название «институциональная аномия», которую во многом обогатил выдающийся социолог Т. Парсонс. По его мнению, феномен аномии становится актуальным в сложные для общества периоды, когда оно не может быть самодостаточным в связи с нарушением баланса в и общественных сферах (сфера «конечной реальности», культурные системы, система личности, «организмы, обладающие поведением и физико-органическим окружением») и невозможностью их контроля со стороны общества. Автор представляет идею, в соответствии с которой общество в процессе своего генезиса вырабатывает защитные механизмы для поддержания равновесия с целью нейтрализовать негативное влияние аномии на собственное существование. Он особо выделяет такие механизмы, как сочленение системы норм с коллективной организацией и регулирование лояльности. Как считает Т. Парсонс, подобное становится возможным благодаря тому, что «повсеместно одобряется экономическое и технологическое действие», происходит «легитимизация осуществляемой постоянно законодательной функции» и реализуется «эффективная государственная монополия на применение силы»⁵³.

Э. Фромм, один из выдающихся представителей гуманистического направления, в своей работе «Здоровое общество»⁵⁴ также затрагивает тему аномии, рассматривая её как проблему лишённого смысла существования человека в мире капиталистического общества. По мнению Э. Фромма, желание обладать ценностями общества потребления породило в людях огромное количество неврозов, приводящих их к суицидам, причиной которых стала

⁵³ Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; ред. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 33.

⁵⁴ Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009. 544 с.

аномия. Он выделял проблему «балансового подхода»⁵⁵ к формированию жизненных стратегий. Данная проблема была особенно актуальна в период Великой депрессии в Штатах 1929 года. При этом современные методы исследования, применяемые к статистическим данным в условиях постиндустриального общества, всё также фиксируют связь между экономическими кризисами и ростом уровня самоубийств⁵⁶, проблема которых также обострилась в период пандемии COVID-19⁵⁷.

Мы считаем, что идеи Э. Фромма свидетельствовали не только о наличии связи между высоким уровнем общественного расслоения и нарушением вследствие этого индивидуальных норм, которые объективно констатируют отсутствие возможности у представителей низших классов конкурировать с представителями высших классов, вследствие чего представители первых прибегают к незаконным способам преодоления разрыва, но и об особой ментальности, которая и порождает выделенные им в дальнейших работах формы бегства от свободы.

Далее в других работах⁵⁸ Э. Фромм выделяет несколько видов бегства от свободы. Среди них, во-первых, авторитаризм. Аналогичную ему форму поведения Р. Мертон обозначает термином «подчинение». Наиболее ярко данная форма поведения проявлялась в первой половине XX века в авторитарных обществах СССР, Германии и Италии. Членам этих обществ, находящихся в состоянии аномии, предлагались новые идеологии, позволяющие жить в стабильном и законном обществе. В этих обществах люди отказываются от собственной свободы в обмен на безопасность, тем самым как бы перекладывая личную ответственность за собственное бытие на государство. В этих условиях общество гарантирует человеку не только безопасность через обеспечение его благами, обеспечивающими удовлетворение базовых физиологических

⁵⁵ Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009. 177.

⁵⁶ Дорошенко С. В., Санаева О. В. Метод структурного тематического моделирования в исследованиях взаимосвязи между финансовой задолженностью и суицидами // Суицидология. 2022. № 1 (46). С. 85.

⁵⁷ Розанов В. А. Насущные задачи в сфере суицидальной превенции в связи с пандемией COVID-19 // Суицидология. 2020. № 1 (38). С. 50.

⁵⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 288 с.

потребностей, но и формирует представление о некой уникальной стратегии бытия, в котором человеку через СМИ транслируются представления об идеальной семье, работе, образовании, вероисповедании и государственном строе, способном обеспечить всё это.

Второй вид бегства от свободы, по Э. Фромму, это автоматизирующий конформизм, означающий в его понимании стремление отказаться от своей личности в угоду внешней инстанции, мотивированное желанием быть или стать «нормальным» и обрести спокойствие. Такой «автоматизирующий конформизм» аналогичен поведению по алгоритму «ритуализма» у Р. Мертон. Самостоятельное и творчески продуктивное следование ценностям определённого сообщества подменяется общепринятыми поведенческими нормами вследствие того, что ценности культуры общества размыты и/или представляются неактуальными. При этом средства жизнедеятельности превращаются в её цель. Теоретическая модель поведенческого «ритуализма» по Р. Мертону, или «автоматизирующего конформизма» по Э. Фромму, вполне адекватно отражает, например, ситуацию периода «застоя» в СССР, когда общество располагало достаточно высоким уровнем развития науки, образования и военного комплекса, и в то же время имел место упадок в сферах производства услуг и товаров для населения, вследствие чего ценности высокой духовности и безопасности не могли должным образом сочетаться с запросами советского человека на удовлетворение материальных потребностей. Дефицит материальных благ к тому же порождал и обострял противоречия интересов представителей различных общностей.

Представители высшей номенклатуры, желая, как можно дольше оставаться у власти, обеспечивающей наиболее высокий уровень материального потребления, продвигали в массы идею «стабильности», тем самым вынуждая представителей остальных классов следовать поведенческим паттернам, противоречившим их интересам, но гарантировавшим стабильность их положения вместе со стабильностью социальной структуры в целом, порождавшей и

воспроизводившей отношения неравенства и внешнего конформизма при внутриличностных экзистенциальных кризисах бытия отдельных людей, чувствовавших свою несостоятельность и несвободу, выбравших путь алкоголизации и суицидов, при внешней благополучности. Исследователи отмечают, что в 60-70-е годы в СССР серьезно выросли показатели заболеваемости и смертности, связанные с алкоголизмом, что явилось наглядным воплощением внутреннего бегства от кризиса в деструктивное поведение.

Деструктивность – ещё одна поведенческая модель Э. Фромма, состоящая в стремлении уничтожить мир вокруг до того, как он уничтожит индивидуальное «Эго». Деструктивность аналогична понятию «бунта» у Р. Мертон. Фромм показывает, что данная форма бегства от свободы наиболее характерна для маргиналов, стремящихся идти наперекор устоявшейся системе ценностей. Таковыми, вслед за Э. Фроммом, нельзя не признать представителей наиболее радикальных субкультур, имеющих свои, совсем иные, нежели действующие в любом государственно устроенном обществе, ценностные представления о семье, способе заработка, образовании или способе мышления. Однако, по нашему мнению, в связи с развитием средств производства и установлением равенства, или наоборот, благодаря возрастанию разрыва между представителями различных страт, возникают различные формы приспособления к обществу, что модифицирует модель «деструктивности» Э. Фромма или модель «бунта» Р. Мертона. Наиболее успешно приспособляющиеся индивиды формируют свои собственные инновационные цели. Благодаря поискам и внедрению инноваций эти люди находят и формируют образ жизни, воспринимаемый в дальнейшем как маргинальный, иной и чуждый представителями иных страт по причине отсутствия у последних схожей потребности в благах, декларируемой определённой группой этих успешных индивидов.

Современные исследователи лишь подтверждают тезисы Э. Фромма. В.А. Кузьменков, исследуя личностные факторы аномии отмечает, что процессы социального отчуждения человека от общества лишают его смысла соблюдать

«моральные требования»⁵⁹. Другие отечественные авторы С.Г. Кара-Мурза и В.В. Кривошеев, исследовавшие аномию в России, приходят к выводам, что с одной стороны её источником является «индивидуализм»⁶⁰, а с другой – недальновидные планы на жизнь⁶¹.

В результате получают распространение социально-имитационные⁶² практики (ритуализм), делающие жизнь человека более примитивной, что усиливает переживание негативных экзистенциалов и общее ощущение экзистенциальной пустоты и бессмысленности. Молодые люди отказываются от коллективных ценностей⁶³ в пользу индивидуализма. На этом фоне развивается тревожность⁶⁴, одиночество, обусловленные неуверенностью в завтрашнем дне.

С. Жижек в своей работе «Киногид извращенца»⁶⁵, отмечает значение феномена «товарного фетишизма» в современном постиндустриальном обществе. Изучая данный феномен, С. Жижек фиксирует тот факт, что люди, обращая внимание на предметы вокруг, ориентируются на абстрактную стоимость жизни. Идеи постиндустриального общества, выражающиеся в поточном производстве информации, привели к появлению новой реальности «искусственного в искусственном»⁶⁶, в котором прекариат и креативный класс «ускользают»⁶⁷ от травматического переживания негативных экзистенциалов, которое усиливается под воздействием бессмысленности бытия человека в постиндустриальном обществе, обуславливающегося бесконечным перепроизводством бессмысленных

⁵⁹ Кузьменков В. А. Личностные факторы аномии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 7. С. 71

⁶⁰ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 124.

⁶¹ Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 6. С. 57.

⁶² Закирова Т. В. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 1. С. 109.

⁶³ Кобылкин Р. А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // Logos et Praxis. 2019. № 1. С. 39.

⁶⁴ Асташова Н. Д. Научный прекариат: индивидуализм против коллективизма // Epistemology & Philosophy of Science. 2022. № 3. С. 39.

⁶⁵ The Pervert's Guide to Cinema: trailer [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://www.thepervertsguide.com>.

⁶⁶ Басалаева О. Г. Специфика информационной реальности в информационной картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-1. С. 80.

⁶⁷ Роготнев И. Ю. Критика идеологии и анализ текстов // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 154.

информационных продуктов, создающих информационный шум⁶⁸ и вызывающих переживание тошноты. Информационный шум в культуре информационного общества оказывает перевозбуждающее воздействие на органы восприятия и таким образом притупляет переживание как положительных, так и негативных переживаний. В результате чего, человек становится не способен в том числе к нормативной дифференциации. Значимыми становятся лишь те информационные раздражители, которые вызывают наибольший уровень возбуждения нервной системы. Так, в современном постиндустриальном обществе возникает проблема создания и спроса треш-контента⁶⁹ и, в частности, треш-стримов⁷⁰. Их появление обусловлено тем, что информационный шум постиндустриального общества достиг настолько высокого значения, что конкурировать с ним могут только раздражители в форме крайней агрессии, вызывающие максимально высокий уровень напряжения. При этом, несмотря на очевидную аморальность и незаконность данного явления, на данный контент сохраняется чрезвычайно высокий спрос. влиянию информационного шума особенно подвержены подростки, которые обладают недостаточным уровнем культуры, в связи с чем они неспособны провести морально-этическую оценку происходящего и отрефлексировать опыт потребления подобной информации. Более того, вырастая в подобных условиях, формируя свой опыт через взаимодействие с подобным контентом и не получая обратной связи от окружающих, они воспринимают данные явления как норму. В свое время Ф. Ницше отмечал важность возможности человеком производить оценку⁷¹ окружающего его мира. Возможность иметь разные критерии оценки, позволяет людям обретать и сохранять свою сущность, а также формировать отношение к новому опыту. В условиях постоянного воздействия информационного шума люди начинают реагировать исключительно на самые агрессивные раздражители, концентрация

⁶⁸ Тимошук А. С. Математизация, цифровизация — дальше без остановок // Вестник ВятГУ. 2021. № 2. С. 147.

⁶⁹ Богатырев К. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде // Юрислингвистика. 2022. № 24 (35). С. 42.

⁷⁰ Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 141.

⁷¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра / пер. с нем. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 83.

которых в числе прочего создаёт условия для так называемых массовых убийств⁷².

Нейропсихолог А.Р. Лурия еще в XX веке описал третий блок головного мозга в области префронтальной коры, развитой только у человека, который «отвечает» не только за контроль, своих действий, но и за их оценку. Человек, благодаря этому блоку может сознательно себя контролировать⁷³. Даже дети в случае нормального развития этих блоков могут осознанно себя контролировать⁷⁴. Однако, в условиях информационного шума постиндустриального общества уровень самоконтроля снижается. Этот блок отвечает И за оценку окружающих людей, позволяя тем самым эффективно регулировать свою деятельность, общение и взаимодействие с окружающими людьми⁷⁵. Можно заключить, что человек, это действительно единственный источник, позволяющий осуществлять абстрактную меру всех вещей как существующих, так и не существующих. Прохождение стадии зеркала⁷⁶, описанной Ж. Лаканом, в условиях информационного шума становится затруднительной и по всей видимости приводит к росту нарциссизма, появлению и воспроизводству нарциссической культуры⁷⁷ направленной на удовлетворение витальных потребностей и потребности в развлечении, способствующей росту спроса на товары и услуги в информационном обществе. Наличие данной проблемы также подтверждают современные исследования, фиксирующие массовое распространение нарциссизма в визуальной культуре через феномен селфи⁷⁸.

⁷² Пиркина В. Г. Социально опасное поведение обучающихся как психолого-педагогическое явление // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. С. 7.

⁷³ Лурия А. Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 111.

⁷⁴ Масалович Ю. М. Нейропсихологические корреляты прогностической деятельности младших школьников (на примере исследования функций третьего блока мозга младших школьников) // Вестник магистратуры. 2012. № 11. С. 37.

⁷⁵ Лушникова О. Л. Связь третьего блока мозга с социальной активностью в период инволюции // Психология. Журнал ВШЭ. 2019. № 4. С. 685.

⁷⁶ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Русское феноменологическое общество «Логос». М., 1997. С. 7.

⁷⁷ Скорев В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 215.

⁷⁸ Гиниятова Е. В., Семенюк К. А., Пономарева О. М., Запекин С. Г. Нарциссизм в современной визуальной культуре: феномен селфи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 10.

Сегодня, в условиях кризиса идеологии либерализма⁷⁹, разочарования в религии, появления теневых лакун в глобальной сети Интернет, в которых возможно нарушение всех законов, этических норм и правил, аномия постиндустриального общества стала массовым явлением. Помимо этого, мы видим проблему и в декларации идеи конца истории Ф. Фукуямы, который, пытаясь продолжать дискурс Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, отстаивал идею превосходства либерализма и демократии⁸⁰, однако в условиях противостояния России и Запада⁸¹, мы видим столкновение двух цивилизаций, которые являют собой противостояние двух систем ценностей, а значит и различных нормативных порядков, затрагивающих смысловые основы существования человека.

Условия аномии приводят к необходимости решения проблемы глубинной самоидентификации и нахождения своего «Я», как для конкретного человека, так и для общества в целом, которое определяет структуру нравственных, морально-этических и цивилизационных ценностей. В рамках философии мы можем утверждать, что аномия является пространством ничто, где потенциально может сформироваться любая структура норм.

Содержание «пространства ничто» может быть раскрыто в контексте философии Г.В.Ф. Гегеля, где между бытием и ничто ставится знак равенства, однако «исходным пунктом является неопределяемое «пустое» бытие»⁸². В отношении него философ отмечает: «Задача сознания – понять, что оба этих начала есть не что иное, как пустые абстракции, и одно из них столь же пусто, как и другое»⁸³. В этом смысле, аномия как пространство гетеронормативности представляет из себя неопределённость, в которой может сложиться любая структура норм. Аналогичным образом Г.В.Ф. Гегель определяет бытие, «чистой

⁷⁹ Плетнев А. В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия Российского государственного педагогического университета. 2010. № 124. С. 353.

⁸⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. С. 84.

⁸¹ Рожковский В. Б. Кризис западных политических элит в контексте современного ценностного и культурно-цивилизационного противостояния России и Запада // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 42.

⁸² Федяев Д. М., Федяева Н. Д. Опыт антропологического прочтения гегелевской «Логики» // Манускрипт. 2019. № 2. С. 61.

⁸³ Гегель Г. В. Ф. Логика / пер. с нем. Н. Дебольского. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 180.

неопределенности и благодаря ей оно есть ничто»⁸⁴. Важно также отметить, что из учения Гегеля следует тот факт, что появление рассудочного сознания (третьей формы развития сознания), позволяет преодолеть аномию как неопределённость. Это становится возможно благодаря функции рассудка к «взвешиванию», точнее к соотношению вещей друг с другом. Здесь также проявляется связь с понятием «posco», означающее прибор, измеряющим соотношение углов и сторон. «Именно эта форма сознания служит основанием для перехода к более высокой связи индивида и рода, к самосознанию. Здесь, по Г.В.Ф. Гегелю, имеет место «царство законов явлений – их спокойное отображение», а закон и есть отношение разных сторон предмета в их единстве»⁸⁵. Таким образом, появление рассудка с точки зрения учения Г.В.Ф. Гегеля, может способствовать преодолению аномии.

В эпохе постиндустриального общества идеи паноптикума М. Фуко⁸⁶ трансформировались в идею о структуре ценностей, представляющей из себя не внешнего наблюдателя, а набор ценностей и смыслов, способных определять человеческое бытие и направлять его. Но при этом, социальные реальности⁸⁷, постиндустриального общества формируют нарциссическую культуру, в которой люди вместо того, чтобы пользоваться свободой самовыражения и быть уникально разнообразными, зачастую чрезмерно похожи друг на друга. Возможно, именно поэтому в науке устоялось представление о типичном портрете алкоголиков⁸⁸, наркоманов⁸⁹, суицидентов⁹⁰, для которых характерен высокий уровень тревожности. Причина этих состояний кроется в сочетании таких факторов как невозможность самореализации, одиночество, отсутствие признания и уважения, невозможность ценностной ориентировки в текущих

⁸⁴ Гегель Г. В. Ф. Логика / пер. с нем. Н. Дебольского. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 180.

⁸⁵ Барсуков И. С. Дialeктика сознания в «Феноменологии духа» Гегеля // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 2 С. 261.

⁸⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. — С. 220.

⁸⁷ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 55.

⁸⁸ Морев М. В., Попова В. И. Социальный портрет страдающих алкоголизмом и наркоманией // Проблемы развития территории. 2011. № 1. С. 72.

⁸⁹ Думан Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией // Вестник ВУиТ. 2013. № 2 (78). С. 52.

⁹⁰ Шамкова С. В. Социально-демографический портрет суицидентов среди молодежи Санкт-Петербурга // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. С. 89.

нравственно-этических условиях, нарушение общественных модусов существования.

Итак, выявлено, что аномия информационного общества проявляет себя как единое информационное пространство гетеронормативности, где потенциально может сформироваться любая структура норм. В этом пространстве любое поведение человека воспринимается другими людьми одновременно как нормальное и девиантное, в связи с отсутствием общепринятых норм и образцов культуры как идеалообразующей стороны человеческой жизни в этом пространстве.

1.2. Современные концепции аномии

В начале XX субстантивистская трактовка феноменов была преобладающей в научных исследованиях. Так, в работах Э. Дюркгейма в качестве подобной субстанции выступили «нормы и ценности»⁹¹. Понятие нормы в работах Э. Дюркгейма выступает в качестве достаточного основания, которое позволяет выстроить органическую концепцию общества. Чтобы выйти за границы онто-теологического дискурса в социологии, необходимо продвигаться вперед, «согласовывая разные представления о реальности»⁹², где в качестве основного предмета исследования может выступать категория смысла в рамках семантического подхода.

Нормы и ценности в работах Э. Дюркгейма выступали в качестве достаточных оснований, на которых базировалась концепция «аномии», но как сегодня, иной раз утверждается, что «единственно достаточным основанием является отсутствие основания»⁹³. Однако, если лишить понятие аномии основания, в качестве которых выступают субстанции «норм и ценностей», а сам термин представить в качестве небытия, то мы сможем обнаружить пространство гетеронормативности, в котором потенциально может оказаться любая норма в условиях современного информационного общества. Таким образом, аномия в нашей работе определяется как единое пространство гетеронормативности, в котором представлены нормы, не адаптированные под современное (в нашем случае информационное) общество, где есть потенциальная вероятность присутствия тех или иных норм, выраженная в категориях наличия смысла или его отсутствия. Как писал М. Хайдеггер: «Нормальное – это и есть существенное, а посредственное и потому общепринятое – это и есть истинное»⁹⁴.

⁹¹ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 36.

⁹² Керимов Т. Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. С. 113.

⁹³ Там же. С. 111.

⁹⁴ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 343.

Современный подход к проблеме аномии последовательно раскрывается в трудах Д. Агамбена «Чрезвычайное положение»⁹⁵. Основным достижением Д. Агамбена в рамках проделанной работы является то, что автор выявляет наличие противоречия, возникающего в результате введения чрезвычайного положения и представлением человека о нормах. В самом начале своих изысканий, он рассматривает техническое выражение «чрезвычайное положение»⁹⁶. Техническим он его представляет в связи с тем, что «неопределенности самого понятия в точности соответствует и неопределенность терминологическая»⁹⁷. Практика прекращения юридической силы законодательной нормы по мнению Д. Агамбена появилась в 1799 году, в ней было указано, что «В случае вооружённого восстания или беспорядков, угрожающих безопасности государства, закон может приостановить действие конституции в предусмотренных регионах и на определённый срок...»⁹⁸. Со временем применение данной практики становится по мнению Д. Агамбена всеобщей практикой управления. Так, вводя чрезвычайное положение в рамках законодательных практик, правительства могут ограничивать в свободе собственных граждан, что в свою очередь позволяет проводить политику, направленную на достижение собственных политических задач.

Как отмечает сам Д. Агамбен, «Одно из важнейших свойств чрезвычайного положения – временное упразднения различия между законодательной, исполнительной и судебными властями»⁹⁹. Данный подход позволяет нейтрализовать систему «сдержек и противовесов», таким образом позволяя воплощать в жизнь различные, самые радикальные для действующей системы норм и ценностей политические решения. Одной из основных проблем введения чрезвычайного положения заключается в том, что оно ограничивает права людей во многих конституциях. В то же время есть и исключения. Так, например, в основном законе ФРГ существует статья, в рамках которой при возникновении

⁹⁵ Агамбен Д. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. 148 с.

⁹⁶ Там же. С. 12.

⁹⁷ Там же. С. 12.

⁹⁸ Там же. С. 14.

⁹⁹ Там же. С. 17.

опасности демократического порядка граждане получают право на «сопротивление»¹⁰⁰. Таким образом в рамках системы «сдержек и противовесов» возникает баланс.

В некотором смысле, необходимость принятия чрезвычайного положения обуславливается экзистенциальной опасностью цивилизации, актуализирующейся в период войны. Можно предположить, что перед нами появляется классическая Гоббсовская модель общественного договора и отчуждения прав людей как основного механизма регуляции общественного пространства. Монарх в период «осадного положения» отчуждает у своих подчинённых имеющиеся права, чтобы направить все имеющиеся ресурсы на совладение с внешним врагом. Проблема возникает тогда, когда чрезвычайное положение направляется против собственного народа. Здесь важно отметить существование расхождения между моделью Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо и Дж. Локка. Авторы разнятся в своих представлениях. Т. Гоббс полагает, что монарх имеет абсолютную власть и человек должен следовать его воле неукоснительно, Ж.Ж. Руссо и Дж. Локк отмечают, что человек сам должен быть источником власти, легитимируя своего правителя. В результате идея отчуждения в эпоху Просвещения оформляется в чёткую концепцию противостояния человека и государства. Но человек выступает неполноценным, неподлинным, буквально лишённым своей сути, т.к. ряд прав у него были отчуждены в феодальной модели по факту рождения.

Причиной этого расхождения в те времена была политическая практика, в рамках которой возникало злоупотребление властью, а источником зла выступал монарх, лидер партии, президент и.т.д. Злом, в данном случае, является личное стремление к удержанию власти, ведущей к смерти. С точки зрения Аристотеля, данная позиция по своей сущности является классической формой тирании. Сам Д. Агамбен обозначает ее понятием «президентской диктатуры»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 12.

¹⁰¹ Там же. С. 17.

Именно в этот момент в дискурсе аномии появляется особое пространство, которое в рамках как повседневных, так и научных практик принято называть игрой. По мнению Д. Агамбена, основной причиной введения чрезвычайного положения выступает представление о том, что даже базовые законы необходимо нарушать, при условии, что «на кон поставлено само существование федерации штатов и юридического порядка»¹⁰².

Й. Хёйзинга, исследуя пространство игры¹⁰³, определил, что игра – это способ существования общественных институтов, которые организованы по принятым всеми участниками правилам. Помимо определения игры, Й. Хёйзинга также даёт нам категории игры, в число которых входят: свобода, правила и рамки, категориальный аппарат игры, несерьёзность, удваивание мира и честность в игре. В этом смысле, аномия возникает тогда, когда человек нарушает правила игры (в демократию), т.е. вводит чрезвычайное положение, без некоторых оговорок в правилах (как это, например, сделано в Германии). Далее Д. Агамбен задаётся вопросом: «Если особенностью чрезвычайного положения является приостановление (полное или частичное) правопорядка, то как подобный перерыв может по-прежнему осмысляться в рамках правовой сферы? И если чрезвычайное положение, напротив, есть лишь ситуация, фактически чуждая или противоречащая закону, тогда почему установленный порядок содержит лауну именно в том, что касается принятия решения о чрезвычайном положении? И в чём заключается смысл этой лауны»¹⁰⁴?

С нашей точки зрения, данной лауной становится пространство игры, где на кон ставятся права и свободы граждан. В таком случае харизматический лидер (по модели М. Вебера) может получить не только чрезвычайные, но и любые иные полномочия, которые необходимы для достижения цели игры.

¹⁰² Агамбен Д. *Номо Сакер. Чрезвычайное положение* / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 37.

¹⁰³ Хёйзинга Й. *Номо ludens. В тени завтрашнего дня* / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 152.

¹⁰⁴ Агамбен Д. *Номо Сакер. Чрезвычайное положение* / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 41.

Тезис о значении игры в развитии достаточно обоснован в трудах Выготского (о периодизации развития ребёнка), Эльконина (о психологии игры) и Лурии (о развитии конструктивной деятельности дошкольников), и доказан в рамках экспериментов.

Недостаточный уровень развития человека и отсутствие произвольности в игре и труде выступает в качестве базиса для формирования девиантного поведения. Прямая связь между недостатком образования и ростом уровня девиантного поведения доказана рядом исследований, именно поэтому существует понятие «типичного портрета преступника».

Игра является основанием (базисом) для преодоления аномии, выступая основанием для труда, который, в отличие от игры, приобретает серьёзность (по Хёйзинга), т.е. человек начинает нести ответственность за свои действия, так как предполагается, что он действует осознанно.

Для уравнивания беззакония нужна игра. Игровые формы формирования законности в обществе – это, например: выборы, суд, война. Игра здесь выступает в качестве основы для человеческой деятельности (труда). Это становится возможно благодаря тому, что в процессе игры человек получает удовольствие (так, данную методологию используют мошенники и казино с целью завладения чужим имуществом). Игра превращается в труд тогда, когда она становится серьёзной и человек начинает получать за это деньги и нести ответственность. Если человек неспособен к этому, он нарушает правила игры и вылетает из неё (умирает на войне, выбывает из выборов, проигрывает в суде).

И в этих процессах произвольность мышления (для понимания правил), а также внимание (для их соблюдения) играют существенную роль. Постоянная произвольность этих процессов очень энергозатратна, поэтому в основном человек регулирует своё поведение памятью. Это особенно видно на примере больных Альцгеймером, где сильно нарушается функция памяти. У тех людей, внимание и мышление которых недостаточно развиты, очень быстро начинает проявляться девиантное поведение. Так, они, например, могут начать стирать

домашних животных в стиральных машинах или варить на ужин нитки с пуговицами.

Так, например, когда мы видим, что животное соблюдает правила (например: собака переходит дорогу на зелёный свет, обезьяна пьёт кофе из кружки или покупает шоколадку в торговом терминале) – это воспринимается как человекоподобное поведение; тем не менее в этом случае животные регулируют своё поведение результатом либо запомненных действий других объектов (в форме рефлекса – отражения), либо при обретении локальной ориентировки под воздействием внешних факторов окружающей среды на гомеостаз.

Таким образом, игра является основанием (базисом) для преодоления аномии.

Пространство игровой деятельности человека допустимо назвать «зоной аномии» как пространство гетеронормативности, где есть вероятность присутствия тех или иных норм, выраженная в категориях наличия смысла или его отсутствия. В подтверждении этого тезиса, Д. Агамбен пишет, что «приостановление действия нормы не означает её отмены, а устанавливаемая тем самым зона аномии не то чтобы совсем никак не соотносится с правовой сферой»¹⁰⁵. Соотношение действительно сохраняется. В общественном пространстве игра проявляется как «основной феномен»¹⁰⁶ человеческого бытия, «согласовывая разные представления о реальности»¹⁰⁷. Проблема состоит в том, что пространство игры в современном информационном обществе носит шизофренический характер и с точки зрения Ж. Делёза и Ф. Гваттари воспроизводит шизофреников. Они буквально пишут, что «наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь и автомобили»¹⁰⁸. Э. Фромм, осмысляя данные процессы отмечает, что шизофрения – это скорее,

¹⁰⁵ Агамбен Д. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 42.

¹⁰⁶ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон; ред. пер. Л. Фуксон. М.: КаНОН+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 12.

¹⁰⁷ Керимов Т. Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. С. 113.

¹⁰⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 387.

«мышление, характерное для немецкого механистического материализма»¹⁰⁹. Их объединяет тот факт, что патологические для человека формы бытия человека «онормализуются»¹¹⁰.

В рамках правовой сферы процессы, описанные Д. Агамбенем можно трактовать как смену одного порядка на другой, который может полностью противоречить раннее действовавшему порядку, который превозносили немецкие материалисты. «Чрезвычайное положение» и «Осадное положение» – это условия, в которых дополнительные полномочия даются в руки политическому лицу, чья задача заключается в том, чтобы проявить свою тиранию в отношении врага, представляющего опасность для целостности общества. Проблемой это становится тогда, когда никакой фактической опасности не существует, а врагом становится сам народ, который и является источником власти для себя же самого с точки зрения демократии.

Аномия является пространством отсутствия закона, в то время как чрезвычайное положение является пространством чрезвычайных полномочий в руках политического лидера, проявляющего их в соответствии с личностными интересами, которые могут возводиться в степень крайней необходимости. Сам Д. Агамбен отмечает, что «основе чрезвычайного положения, лежит понятие крайней необходимости»¹¹¹. Также он отмечает, что «В юридической литературе ещё предстоит написать, – *necessitas legem non habet*, «необходимость не знает закона», что имеет два противоположных смысла: «необходимость не признаёт никакого закона» и «необходимость сама творит свой закон»¹¹². Здесь нет антонимичности, «необходимость не знает закона» исходит из закона необходимости. То, что обуславливает необходимость само по себе представляет из себя порядок действий. Необходимость не творит закон, она и есть закон. «Око за око» из Ветхого завета противопоставляется «Прощению» из Нового завета.

¹⁰⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер.; авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. М.: Республика, 1994. С. 409.

¹¹⁰ Купарашвили М. Д. Желание и аномальность: как психоанализ становится шизоанализом // Вестник ОмГУ. 2025. № 4. С. 19.

¹¹¹ Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 42.

¹¹² Там же.

Необходимость мести и прощения и есть формы законности сами по себе, сама их сущность подразумевает создание форм ритуалов, которые могут стать законодательной нормой. В этом смысле современные конституции христианских государств будут противоречить нормам шариата. Это две разных противоречивых нормы, которые даже могут иметь определённые вероятности возникновения, с учётом действующих политических тенденций. Более того, в рамках политических процессов в разные периоды могут приниматься абсолютно противоречивые решения, исходящие из того насколько релевантнее будет то или иное решение. Аномия в этом смысле – это пространство возможности, в том числе пространство возможности гибели цивилизации.

Также Д. Агамбен отмечает, что «Рассмотрение структуры и значения чрезвычайного положения, следовательно, предполагает изучение правового понятия «крайней необходимости», «нужды»»¹¹³. В контексте психоаналитической антропологии «нужды» или «необходимости» являются категории «потребности» и «смысла» – то, ради чего, совершается разрушение устоявшегося порядка, с целью организации нового порядка. Если правитель разрушает старый порядок с целью сохранения и развития своего государства – он становится героем как А. Линкольн. Если же разрушение старого порядка ведёт к разрушению цивилизации, государства и народа – таких людей запоминают так, как запомнили Гитлера. По мнению Д. Агамбена, каким бы не был закон, источником его появления служит «всеобщее спасение людей»¹¹⁴. При этом не учитывается тот факт, что порой люди стремятся не к жизни и спасению, а к смерти. Неспроста одним из основных феноменов аномии, рассматриваемых Э. Дюркгеймом был суицид.

Спасение людей всё же ближе к идеям, представленных в трудах последних авторов, однако, если рассматривать работу в контексте проблемы общественного договора, то мы можем прийти к выводу, что также может существовать закон,

¹¹³ Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 42.

¹¹⁴ Там же. С. 44.

направленный на сохранение власти монарха, задачей которой является сохранение безопасности. В качестве примера можно привести труды М. Фуко, который во вступлении¹¹⁵ в работу «Надзирать и наказывать» (что точнее переводится как «Дисциплина и наказание») приводит пример того с какой жестокостью расправляются с заключённым, который посягнул на монархию как структуру власти, априорно обладающую чрезвычайными полномочиями. Более того, классическая монархия по Т. Гоббсу стоит над законом, а это означает, что сами законы на монарха никак не распространяется. В условиях экзистенциальной опасности возникает необходимость принятия быстрых радикальных мер, в которых легальные и традиционные типы власти затрачивают значительно больше времени на принятие решения. Абсолютная власть в данном случае позволяет совершать быстрые и решительные действия. Если этой опасностью является война всех против всех, то для спасения нужен монарх. Но если источником опасности является монарх, то для спасения нужен народ.

Бытие власти в нормальных условиях носит ритуалистический характер, направленный на то, чтобы сохранять действующую власть. Ритуалы, нормы и образцы культуры, упорядочивающие общество, сохраняющие смыслы в пространстве игры, направлены на формирование не только правосознания, но и сознания человека. Это длительный, растянутый во времени процесс, имеющий структуру дисциплинарной практики усвоения норм и образцов культуры, где длительность времени улучшает качество результатов труда человека. В условиях же чрезвычайного положения, где время начинает работать против государства, возникает запрос на харизматического лидера, который в рамках игрового пространства предлагает новый, иной общественной договор, в результате которого он за короткий период берёт на себя ответственность за решение поставленной перед ним задачи ценой чрезвычайных полномочий. В мирное время данная практика проявляет себя в популистских речах, в которых с целью привлечения внимания к избирательному процессу политики делают громкие, но

¹¹⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 7.

невыполнимые обещания обществу. Низкий уровень политического образования и квалификации обывателя, в отличие от «интеллигента»¹¹⁶, нередко подводит его, он может согласиться отдать своё право (например, права на голосование, свободы слова, свободы вероисповедания, и т.д.) в рамках избирательного процесса. Избирательный процесс показателен тем, что в своей сущностной форме он носит характер игры в так называемом Д. Агамбенем «аномическом пространстве». Именно в нём наиболее проявляют себя практики соревнования, где свидетельством эффективного результата является наибольшее количество голосов избирателей. В крайних случаях, когда игра выборов нарушается, политики также могут прибегать к «чрезвычайному положению», привлекая войска или полицию для формирования общественного порядка, создавая тем самым легитимизацию избирательного процесса. Также, для этого возможна трансформация избирательных практик, позволяющая разделять людей на «пригодных» и «непригодных» для избирательного процесса. И здесь также возникает пространство онтологического этоса философии в таких понятиях как «надежда», «обещание», «прощение», «свидетельствование», «клятва», «верность», «решимость», «ответственность», «вера»¹¹⁷. Так, например, «к послевоенному двадцатилетию восходят первые действительно масштабные спекуляции прощением на уровне государственной власти»¹¹⁸.

Здесь важно отметить, ряд понятий онтологического этоса, обозначенного Т.Х. Керимовым, среди которых: «вера», «доказательство», «надежда», «раскаяние», «любовь» встречаются в работах философов Нового Времени, которые с особой тщательностью интерпретируют их, соотнося друг с другом. Так, например, Блез Паскаль пишет: «Доказательство зачастую и есть орудие веры, которую Бог сам вкладывает в сердце, *fi des ex auditu*, но вера живет в

¹¹⁶ Черняков А. А. Личностный аспект в качественном обучении и воспитании студентов // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 2 (15). С. 42.

¹¹⁷ Керимов Т. Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. С. 113.

¹¹⁸ Томильцева Д. А. Прощение: социально-политическая эволюция проблемы в XX в. // Философия и общество. 2012. № 3. С. 106.

сердце и заставляет говорить не *scio*, но *credo*»,¹¹⁹ не знаю, но верую»¹²⁰. Д. Юм даёт несколько другое определение веры, она есть «не что иное, как живая идея, связанная с наличным впечатлением»¹²¹. Рене Декарт, который в трактате «Страсти души» систематически классифицирует и исследует первичные страсти, среди которых есть надежда, как «предрасположение души полагать, что желаемое ею наступит»¹²². Р. Декарт в «Этике» пишет о том, что «истинным благом окажется другая любовь – любовь к вещам неизменным и вечным»¹²³. Т. Гоббс, рассматривая любовь отмечает, что «когда люди чего-либо желают, они говорят, что они это любят, а когда к чему-либо питают отвращение, они говорят, что они это ненавидят»¹²⁴.

Отмеченная взаимосвязь подтверждает идею, согласно которой «философия в своем инвариантном содержании уходит в глубины человеческого опыта, вплоть до коллективного бессознательного, а задача собственно философов состоит в том, чтобы выразить его, сформулировать и представить воочию, или, как сказал бы М. Хайдеггер, привести его из неявленного к присутствию, а тем самым осуществить «истинствование»¹²⁵.

Д. Агамбен отмечает, что «принцип, согласно которому «назначение любого закона – всеобщее спасение людей и лишь отсюда возникает сила и смысл закона»¹²⁶. Однако, если вновь переводить дискурс Д. Агамбена из структуры Ж.Ж. Руссо и Д. Локка в контекст Т. Гоббса, то мы можем отметить, что спасение власти монарха, как субъекта, находящегося над законом, также может быть его силой и смыслом.

Спасение людей по Д. Локку и Ж.Ж. Руссо – это удовлетворение их потребности в безопасности, так как тирания же сама по себе является

¹¹⁹ Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 83.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. Церетели. М.: Изд-во АСТ, 2022. С. 549.

¹²² Декарт Р. Рассуждения о методе; Начала философии; Страсти души: пер. с фр. М.: Эксмо, 2019. С. 480.

¹²³ Спиноза Б. Этика / вступ. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2020. С.24.

¹²⁴ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991. С. 40.

¹²⁵ Федяев Д. М., Чинакова Л. И. Архетипы философского знания // ОНВ. 2012. № 2 (106). С. 109.

¹²⁶ Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 44.

источником опасности для демократического принципа правления, поэтому и возникает апория, согласно которой тиран, являющийся источником опасности, берёт на себя чрезвычайные полномочия, которые даются в случае возникновения экзистенциальной опасности. В этом смысле и формируется парадокс, который легко разрешается, если мы переводим его в пространство игры, предметом которой служат права граждан.

По мнению Д. Агамбена «современное чрезвычайное положение, напротив, есть попытка включения в правовую систему самого исключения, что предполагает создание зоны неразличимости, внутри которой реальность и право совпадают»¹²⁷. Здесь, как мы видим, возникает нарушение правила, которое не даёт вывести нормотворчество в игровое пространство. Зоной неразличимости становится парадокс, формируемый тиранией, где сам тиран и выступает в качестве источника опасности, ведущего к появлению чрезвычайного положения. Таким образом сама структура законности ополчается против Тирана, направляя чрезвычайное положение против него самого. Неспроста, как указывает сам Д. Агамбен, у немцев есть законное право восстать против тирана.

«Чрезвычайное положение, как форма крайней необходимости предстаёт поэтому – наряду с революцией и фактическим утверждением конституционного порядка – хотя, как и «незаконная», но при этом как совершенно «правовая и конституционная мера», которая воплощается в производстве новых норм (или новой правовой системы)»¹²⁸. Важно подчеркнуть и дополнить Д. Агамбена в том, что речь идёт о чрезвычайной необходимости человека. Именно человек является источником этой необходимости, и именно ради него она формируется. Вопрос заключается лишь в том, кому в большей степени эта необходимость присуща – тирану или народу в современном обществе? По мнению Д. Агамбена «революция есть насилие, но насилие, определённым образом юридически организованное»¹²⁹. Здесь автор указывает также на наличие парадокса.

¹²⁷ Агамбен Д. *Номос Сакер. Чрезвычайное положение* / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 47.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 49.

Парадоксальность в данном случае можно представить, как причину и следствие. Если исходить из того, что революция – коренной и резкий переворот в общественно-политических отношениях, насильственным путём приводящий к смене общественного строя, то в таком случае происходит изменение одного порядка на другой порядок. Процесс смены одного порядка на другой – это процесс юридический. Отказ от старого порядка приводит к необходимости создания нового порядка, таким образом парадокс разрешается, рождая представление об аномии как пространства, потенциального становления той или иной формы нормы. Агамбен также отмечает наличие «апории, в силу которых любая попытка определить состояние крайней необходимости заканчивается неудачей»¹³⁰, однако мы предлагаем её разрешение, определяя аномию как предмет потенциала закона, а не недостаточное основание для норм и ритуалов.

Определение состояния крайней необходимости состоит в установлении нового общественного договора между правителем и народом. Если правитель ограничивает права народов и даёт им возможность совершить общественную, научную, государственную революцию, он становится героем. Если ему это не удаётся – он становится тираном, против которого восстаёт народ, желая вернуть свои права у правителя, который договор не выполнил, чтобы потом передать их другому правителю в случае экзистенциальной опасности или вызова, возникающего в результате необходимости достичь цель. По этой причине «понятие крайней необходимости полностью субъективно, связано с целью, которую нужно достичь»¹³¹.

Речь, в данном случае, не обязательно должна идти об опасности или угрозе. Существует понятие коллективного запроса. Политики, имеющие в своих руках власть, могут встать на Путь Героя (по Дж. Кемпбелу) и ответить на этот общественный запрос. В ответ на него народ даёт правителю чрезвычайные полномочия. Если правитель справляется – он становится героем. Если он не

¹³⁰ Агамбен Д. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 49

¹³¹ Там же. С. 50.

оправдывает ожиданий – его личность очерняется в рамках исторической памяти, становясь нарицательным именем, характеризующим безуспешность.

«Как в одной ситуации, так и в другой... обращение к крайней необходимости подразумевает моральную или политическую (или, как бы то ни было, внеправовую) оценку, при которой выносится суждение о правопорядке, о том, достоин ли он сохранения или усиления даже ценой его возможного нарушения»¹³². Основным смыслом является сохранение безопасности государства. Однако, им также может быть любовь, уважение, познание, эстетика. Если смыслы несут аристократический, но не тиранический характер, чрезвычайное положение может быть оправдано. Игровое пространство взаимоотношения людей здесь выступает в качестве пространства «различий между учреждаемой и учреждённой властью»,¹³³ которая на практике проявляется в конфликте интересов политиков, преследующих противоположные цели.

В этих условиях по мнению Д. Агамбена возникает «учение о суверенитете. Суверен, имеющий право принимать решение о чрезвычайном положении, обеспечивает его фиксацию в правопорядке»¹³⁴. Здесь, как мы можем наблюдать, возникает уже концепт Т. Гоббса, который противопоставляется тезисам Ж.Ж. Руссо и Дж. Локка. Таким образом, правитель с помощью применения чрезвычайного положения «отделяет норму от её применения для того, чтобы сделать возможным само применение»¹³⁵. Таким образом он осуществляет свою власть в игровом пространстве. Когда он делает это, он создаёт пространство аномии, в котором запускается политическая игра, субъектом которой может стать кто угодно. Законность данного пространства в результате устанавливает субъект, обладающий наибольшими полномочиями. Безусловно, в этом пространстве не обходится без «штрейкбрейхеров»¹³⁶ (субъектов, которые разрушают игру). В результате чего они могут ввести одну из

¹³² Агамбен Д. Homo Sacer. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 51.

¹³³ Там же. С. 56.

¹³⁴ Там же. С. 58.

¹³⁵ Там же. С. 60.

¹³⁶ Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 316.

тех потенциальных структур законов, которая может быть присуща освободившемуся игровому пространству.

Таким образом «чрезвычайное положение – это пространство аномии, в котором ставка является сила закона без закона»¹³⁷. Слово «закон» в данном случае зачёркнуто, т.к. под ним понимается не закон в прямом смысле, а беззаконие, т.е. аномия. Ставка "силы закона" без закона – это игра по Й. Хёйзинге. Аномия здесь носит характер игры, как проявления свободы, т.е. отсутствия закона. Аномия здесь отличается от реальной повседневной жизни. Её течение и смысл заключены в ней самой. Она устанавливает порядок и порядком является. Она требует полного порядка. И она никоим образом не связана с материальным интересом. «Такая сила закона, ... где потенциал и действие полностью разделены, безусловно является неким мистическим элементом или скорее *factio****, посредством которого право пытается присвоить саму аномию»¹³⁸. Игра здесь предстаёт в качестве того как в пространстве аномии формируется культура, проявляющаяся в ритуалах. Если ритуалы начинают иметь смысл, то они становятся новой нормой закона.

Данный тезис также подтверждает положение о том, что «чрезвычайное положение – открытие пространства, где применение и норма демонстрируют своё разделение и ~~чиетая сила закона~~ осуществляет (то есть применяет, прекращая применение) норму, применение которой было приостановлено»¹³⁹. Открытие пространства в данном случае можно понимать, как появление возможности появления новых норм в структуре аномии. Интересно также и то, что само наличие такой возможности и не установление структуры нормы в игровом пространстве также может приносить выгоду. Поэтому использование управляемых политических конфликтов позволяет формировать или удерживать появление чрезвычайного положения в других зонах, постепенно отбирая у людей все имеющиеся у них права с целью поддержания собственной власти. Этот

¹³⁷ Агамбен Д. Номо Сасер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 63.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

процесс становится особенно возможным в условиях цифровизации, где игра может разворачиваться в пространстве Интернета.

Важно также понимать, что возникновение этих пространств является жизненной необходимостью для сохранения власти и формирования условий для появления новых людей, способных эту же власть сохранить. Так, например, если общество находится под негативным внешним воздействием сил природы, то может возникнуть необходимость применения чрезвычайного положения. «Когда в республике отсутствует такого рода институт, неизбежно приходится либо гибнуть, соблюдая установленные порядки, либо ломать их, дабы не погибнуть»¹⁴⁰.

Особый акцент в своих трудах Д. Агамбен делает на том, что чрезвычайное положение могло стать повседневной нормой. Однако, правительства не учли тот факт, что люди не были готовы, да и в целом никогда не стремились к такой форме власти. Даже страх смерти в условиях пандемии, никак не приводил к тому, чтобы люди захотели отказываться от своих прав и свобод в условиях карантина. Человек, который в отличие от животных имеет бесконечный потенциал развития, обусловленный гregarным и орудийным отбором, будучи ограниченным несправедливо, рано или поздно восстанет лишь для того, чтобы передать ненужные ему права другому правителю. Тиран, который лишь ограничивает граждан в правах, не давая ничего своему народу, в скором времени будет свергнут.

Именно таким образом в обществе «на смену праву теперь приходят гражданская война и революционное насилие, то есть человеческое действие, отказавшееся от каких-либо отношений с правом»¹⁴¹.

В игровом пространстве анонии возникает проблема того как относиться к насилию. Причина кроется в том, что «право кажется может существовать только

¹⁴⁰ Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 75.

¹⁴¹ Там же. С. 93.

посредством захвата аномии, так же как язык может существовать только посредством захвата неязыкового»¹⁴². Захват и насилие здесь носят также символический характер, т.к. при появлении новой сферы деятельности человека, которой сегодня стало Интернет-пространство, возникает потребность и необходимость означать новую реальность в языке, для чего человеку необходимо сознание. Уже само означение нового пространства представляет из себя дискурсивную практику насилия, которое присваивает не только пространство в целом, но и ход мысли других людей. В этом и есть сущность политической воли, где объединение людей происходит в языковом пространстве, благодаря использованию одних и тех же смыслов, а также лингвистических конструкторов. Таким образом, «в обоих случаях спор разворачивается вокруг пустоты: аномия, правовой вакуум, с одной стороны, и чистое бытие, свободное от любого определения и реального предиката, – с другой»¹⁴³, что также определяет пространство аномии, как некий потенциал возможного установления того или иного порядка.

Важно отметить связь между концепцией чрезвычайного положения Дж. Агамбена и подходом Й. Хёйзинга об игре как особом пространстве с определёнными правилами. В этом смысле чрезвычайное положение можно сравнить с пространством игры, обладающим определёнными правилами, которое необходимо для достижения поставленных целей. Таким образом, если в пространстве чрезвычайного положения в рамках установленных правил достигается поставленная цель, то его введение имеет под собой смысл, ради которого человек будет соблюдать установленные правила. Однако, если в рамках поставленных правил поставленные цели не достигаются, то соблюдение этих правил не имеет никакого смысла.

Таким образом, аномия с точки зрения Д. Агамбена предстаёт перед нами пространством чрезвычайного положения, которое обладает реальной

¹⁴² Агамбен Д. Номо Сакер. Чрезвычайное положение / пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. М.: Европа, 2011. С. 94.

¹⁴³ Там же. С. 95.

возможностью установления той или иной нормы. Разворачивается данное пространство в рамках игровых практик, в процессе которых формируется культура и ритуалы. В результате игровых практик происходит легитимизация и фиксация возникших ритуалов, которые в результате принимают форму нормы, которой руководствуются люди, способные извлекать из них выгоду для людей вокруг, или себя самих. Фиксация этих ритуалов осуществляется в информационном пространстве, через средства массовой информации и коммуникации, формируя культуру информационного общества. Поэтому, если транслировать нормы и образцы культуры в информационное пространство, таким образом фиксируя их, уровень аномии постепенно снижается, даже если осуществляется ограничение в правах различных групп населения, неспособных противодействовать норме чрезвычайного положения. В этом случае было бы корректно опираться на цивилизационные нормы и образцы культуры, способствуя тем самым повышению уровня образования и снижению уровня аномии в информационном обществе. При этом важно учитывать, что нормы могут терять свой смысл и носить характер бессмысленного принуждения. Поэтому, нормы должны корректироваться с целью их адаптации под новые условия, если этого не происходит, и норма не достигает поставленной перед ней цели, возникает ритуализм, как пример аномии в концепции Р. Мертона.

Существует и другая теория, описывающая аномию в России. Её автором является С.Г. Кара-Мурза, который в 2013 году опубликовал одноимённое исследование. В отличие от Д. Агамбена, который разрабатывает подход к проблеме аномии, Сергей Георгиевич проводит подробный анализ социологических маркеров аномии в России. В связи с этим, он даёт нижеследующее определение понятие аномии в постиндустриальном обществе.

«Аномия (букв. беззаконие, безнормность) – такое состояние общества, при котором значительная его часть сознательно нарушает известные нормы этики и права»¹⁴⁴. Здесь можно наблюдать, что в качестве основания определения аномии

¹⁴⁴ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 4.

выступает человеческое сознание. Таким образом сознательное поведение человека, регулируемое его потребностями и субъективным пониманием своего положения в общественном пространстве, определяет то, каким образом он будет достигать поставленных им же целей, даже если они противоречат устоявшимся правилам. Однако в условиях современной аномии, характеризующейся единым информационным пространством гетеронормативности и нарциссической культурой важно выделить момент, при котором мы живём в обществе, где инфантильные субъекты обладают «недостаточно развитым Я»¹⁴⁵, т.е. их поведение не может определяться именно сознанием. Их поведение определяют исключительно сиюминутные желания, направленные на удовлетворение неудовлетворённых потребностей. В этом смысле важно актуализировать труды не только А. Лэнгле, но также Г. Маркузе, Э. Фрома, Ж. Делёза, Ф. Гваттари и С. Жижека. Все эти авторы в конце прошлого века, раскрывая современного человека, делают акцент на его инфантилизме и редуцированности до машины желаний, до некрофильного субъекта, обладающего «ложными» потребностями, целью которых является поддержание работоспособности капиталистической системы, которая с течением времени оказывается в состоянии перманентного экономического кризиса. Возникающий контекст психоаналитической антропологии имеет принципиальное значение в связи с тем, что сознание не врождённо человеку и формируется в процессе его взросления через преодоления личностных кризисов, возникающих в результате противоречия между воображаемым (осознающим себя), и символическим, представленным в виде норм и законов. В этом смысле, С.Г. Кара-Мурза охватывает своим определением субъектов, которые смогли преодолеть стадию зеркала и сформировать собственное сознание, в то же время, его определение не охватывает субъектов, которые эту стадию не преодолели.

¹⁴⁵ Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей / пер. с нем.; вступ. ст. С. В. Кривцовой. М.: Генезис, 2005. С. 66.

Множество общественных изменений привели к возникновению «характерной европейской шизофрении»¹⁴⁶. Источником расщеплённости сознания субъектов выступает состояние общественных институтов, и в этом смысле определять источником аномии сознательность в целом некорректно. Безусловно, сознательное и умышленное нарушение законов ради достижения той или иной цели по Р. Мертону может выступать в качестве инновации, но эта тенденция является скорее частностью, она не может определяться как всеобъемлющая. Таким образом мы предлагаем скорректировать определение данное С.Г. Кара-Мурзой с учётом данных современных исследований о нарциссической культуре, тезисов французских философов, а также положениями из работы самого автора. Таким образом, аномия информационного общества представляется как единое информационное пространство гетеронормативности. Нормы в условиях присутствующего обилия вариативности сами по себе расщепляются, начинают представлять из себя рассогласованные убеждения, лишённые основания, понятийный нормативный аппарат в целом нарушается, что ведет к нарушению динамики их воспроизведения и, как итог, искажает их смысл на фоне снижения уровня критичности субъектов, сформировавшихся в условиях нарциссической культуры. В этом смысле появление дисциплинарных практик по М. Фуко представляет собой логичное и закономерное явление, возникающее вследствие сосуществования друг с другом множества норм, которое становится необходимым в описанных условиях неопределённости. Очевидно, что для решения проблем, возникающих в этом пространстве, возникает запрос на стороннего наблюдателя, который становится носителем внешних норм, регулирующих поведение людей с нарциссизмом и шизофренией.

Данная проблема актуализирует и проблемы зарождения высшей степени нормативности – тоталитаризма, процесс становления которого описан Ханной Арендт. Как известно, тоталитарность обычно носит негативную коннотацию, т.к. такие формы общества редуцируют поведение людей посредством методов

¹⁴⁶ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 5.

классической тирании, о которых писал Аристотель. Неоднозначность подхода к оценке возникает в условиях, при которых подобное воздействие становится обусловленным необходимостью контроля поведения разрозненного общества с обилием противоречащих правил, выживаемость которого зависит от успеха внешнего регулирования.

«Аномия – это двойная жизнь как норма. Более того, это необходимая сторона жизни общества в целом»¹⁴⁷ – данное определение полностью соответствует приведенному нами ранее, где аномия представляется как социальное пространство гетеронормативности, в котором может возникнуть любая норма. Таким образом общество перестаёт делиться на социально-приемлемые и антисоциальные элементы. Как отмечает сам С.Г. Кара-Мурза «считалось немыслимым, чтобы в советском обществе целые общественные группы могли сознательно отвергнуть привычные установленные нормы, т. е. вести двойную жизнь»¹⁴⁸. Речь в данном случае может идти о людях, жизнь которых была напрямую связана с партийной деятельностью, с работой системы правоохранительных органов, работе в сфере правового, а также социального обеспечения и т.д. Непосредственные субъекты этих структур могли в рамках своей основной должности декларировать нормы в общество, уподобляясь французским моралистам XVII-XVIII веков вроде Жан де Лабрюйера или Н. Буало и в то же время после трудовой деятельности совершать действия, которые принято было считать антисоциальными для этого времени.

Дискурс об аномии нередко соотносят с теорией социального отчуждения К. Маркса. Так, например, В.О. Рукавишников, который отделяет отчуждённость российского общества от политики и власти. В то же время сам С.Г. Кара-Мурза выступает против данного подхода, т.к. «отчуждение – категория размытая и исключительно туманная»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 5.

¹⁴⁸ Там же. С. 6.

¹⁴⁹ Там же.

Автор также отмечает тот факт, что независимо от строя общества, отчуждение являлось естественным для человека, из чего можно сделать вывод о том, что отчуждение носит не сколько общественный, сколько природный характер, во многом обусловленный отчуждением, во-первых, от природы, и уже потом от продуктов труда, процесса труда, от людей вокруг и от себя самого.

Мы не можем согласиться с выводами С. Г. Кара-Мурзы уже на этапе постановки определения. Так Т. Гоббс, приходя к выводу о том, что «не все права могут быть отчуждаемы»¹⁵⁰, пишет в известнейшей работе: «Когда человек переносит свое право или отрекается от него, то он это делает или ввиду какого-нибудь права, которое взамен переносится на него самого, или ради какого-нибудь другого блага, которое он надеется приобрести. В самом деле, такое отречение, или отчуждение, является добровольным актом, а целью добровольного акта всякого человека является какое-нибудь благо для себя»¹⁵¹. Таким образом, мы можем обозначить отчуждение по Т. Гоббсу как отречение от собственных прав в пользу кого-то другого. В данном случае используется понятие «alienation».

Если же и это определение видится «туманным»¹⁵², то мы можем также обратиться к «Феноменологии Духа» Г.В.Ф. Гегеля, где рассматривается понятие «Entfremdung». Под ним Гегель понимал «объективацию абсолютной Идеи»¹⁵³. Опять же, процесс объективации Г.В.Ф. Гегель непосредственно связывает с деятельностью сознания: «Само по себе сознание такого рода есть процесс, в коем действительно познающий субъект стремится преобразовать все то сущее, на которое направлена его активность, в свой собственный объект, т. е. оно стремится все сущее представить себе, как объект. От такого сознания как субъекта всех своих волений проистекает представляющий процесс, имеющий характер

¹⁵⁰ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М.: Мысль, 1991. С. 101.

¹⁵¹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 101.

¹⁵² Там же. С. 106.

¹⁵³ Бурков Р. Б. Отчуждение у Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 17.

объективации»¹⁵⁴. Фейербах идёт дальше, раскрывая значение понятия объективации, он отмечает: «Ты приписываешь Богу любовь, потому что любишь сам, ты находишь Бога мудрым и благим, потому что считаешь доброту и рассудок своими высшими качествами...»¹⁵⁵.

Л. Фейербах здесь вводит антропоцентрический контекст, в котором человек сталкиваясь с внешним объектом должен вернуть от него отчужденные от других, живших ранее людей в пользу тотема, мифа, Бога свойства, делавшими их сильными как львы, всемогущими как Зевс, или всепрощающими как Иисус. Таким образом, отчуждая в свою пользу, объективированные идеи, человек знакомится с культурой. А культурой, в рамках нашего исследования является «идеалообразующая сторона человеческой деятельности. Именно поэтому по Г. В. Ф. Гегелю, человек способен преодолеть отчуждение через труд (деятельность), в основу которого он ставит «сущностную силу человека – сознание»¹⁵⁶.

Г. В. Ф. Гегель буквально определяет «действие» как «движение самосознания в отношении к другому самосознанию»¹⁵⁷. Также важно отметить наличие тождества версий Г. В. Ф. Гегеля и Т. Гоббса в отношении пространства, в котором исследуется отчуждение. В обоих случаях – это пространство власти. У Т. Гоббса речь идёт об отношении между вассалом и сюзереном, в то время как у Г.В.Ф. Гегеля – об отношениях раба и господина в главе «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство»¹⁵⁸.

То, что С. Г. Кара-Мурза означает «туманностью»¹⁵⁹ фактически является достаточно сложным процессом, напрямую связанным с аномией. Когда у человека появляется рассудочное сознание, оно позволяет ему объективировать идеи в вещах и соотносить их друг с другом. Таким образом, в рамках немецкой

¹⁵⁴ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. 3-е изд. М.: Академический проект, 2020. С. 473.

¹⁵⁵ Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. М.: Наука, 1995. С. 38.

¹⁵⁶ Бурков Р. Б. Отчуждение у Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 17.

¹⁵⁷ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. 3-е изд. М.: Академический проект, 2020. С. 113.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 6.

философии и философии Нового времени, преодоление аномии становится возможным благодаря деятельности, направленной на постижение идей.

Цитируя К. Вольфф и Р. Хилберта, которые пишут, что «идеи Э. Дюркгейма об аномии... лишь незначительная, но зловещая прелюдия»¹⁶⁰, «аномия есть тенденция к социальной смерти»¹⁶¹, С. Г. Кара-Мурза подчёркивает, что социальное отчуждение – это лишь незначительный симптом аномии. Также автор затрагивает индивидуальный аспект аномии (о котором мы писали в прошлом параграфе) со ссылками на работы Л. Сроула и Р. Макайвера, выделившими понятие психологической аномии. И если Л. Сроул выделял индивидуальную опустошённость, то Р. Макайвер обозначал данную проблему в контексте «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу»¹⁶².

Одной из важнейших причин возникновения аномии по мнению С. Г. Кара-Мурзы является «нанесение народу культурной травмы»¹⁶³, в связи с навязыванием иной формы культуры, противоречащей базовым ценностным установкам. При этом травма определяется как культурный феномен, воздействующий как на «социальные структуры»¹⁶⁴. «Травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму»¹⁶⁵. В результате, ранее общепринятые значения начинают носить различные и порой даже противоречивые смыслы, тем самым дезориентируя общество в целом, а «символы обретают значения, отличные от обычно означаемых»¹⁶⁶. И если в этот момент человек начинает формировать своё представление о мире, оно в рамках когнитивных практик начинает приобретать шизофренический или расщеплённый характер. Человек усваивающий значение структур в условиях аномии, начинает считать их общепринятыми, т.е. нормальными. Как писал М. Хайдеггер, «нормальное – это и есть существенное, а посредственное и потому

¹⁶⁰ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 7.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же. С. 10.

¹⁶⁴ Там же. С. 12.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же.

общепринятое – есть истинное»¹⁶⁷. В результате и возникают парадоксы и апории. Так В. В. Кривошеев отмечает, что различные авторы по-разному трактуют проблему аномии и не могут однозначно определиться с тем, как именно ее интерпретировать. Для одних данный процесс является следствием переходного периода общества, а для других это буквально «катастрофа»¹⁶⁸. Сам же С. Г. Кара-Мурза определяет состояние общества «стабильно тяжелым», но стабильным»¹⁶⁹.

Отмечается также наличие широкого спектра проявлений аномии, среди которых есть мягкие и жёсткие формы. К мягким формам чаще всего относят «мимикрию»¹⁷⁰, а к более жёстким формам бандитизм и разгульную преступность. Проведя анализ большого количества исследований, журнала «Социологические исследования» за период с 1989 по 2011 годы, Сергей Георгиевич приходит к выводу о том, что в качестве основной причины аномии исследователи выделяют «социально-экономические потрясения и обеднение большей части населения»¹⁷¹. Помимо этого, принято выделять чувство несправедливости, а также отсутствие возможности повлиять на что-либо в своей жизни и обществе.

Именно теория Р. Мертона, описывавшая аномию американского общества, может быть применима к тому, что происходит в России. На наш взгляд, это не совсем корректно, т.к. данная теория хоть и охватывает понятия средств и целей, определяемых общественными институтами, она всё же упускает сферу смыслов, природа которых также носит социальный характер. Так, например, при разрушении института семьи, может утрачиваться смысл любви, который для него характерен. При увольнении с работы, человек может терять смысл уважения и безопасности. В этом смысле очень важно учитывать данный аспект, который в работах Р. Мертон не был представлен в достаточной мере.

Также важно отметить, что аномия информационного общества отличается от аномии индустриального общества тем, что люди вынуждены адаптироваться

¹⁶⁷ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 343.

¹⁶⁸ Кривошеев В. В. Особенности аномии современного российского общества // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 94.

¹⁶⁹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 17.

¹⁷⁰ Бойков В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 2.

¹⁷¹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 19.

под тренды оцифровки и цифровизации, которых не наблюдалось в прошлых эпохах в таких масштабах.

С. Г. Кара-Мурза также отмечает отсылки Р. Мертона, на труды Э. Мэйо, полагавшего, что одним из следствий аномии является тот факт, что деньги являются единственным мерилom общественной значимости. Важно при этом отметить, что не только Э. Мэйо выражал такую мысль, об этом также писал Э. Фромм, рассматривая данную проблему в контексте подхода к жизни как к балансовому отчёту¹⁷². На первый взгляд данная идея выглядит контекстом, возникающим в русле левых марксистских движений, выступавшие против капиталистической системы, где деньги являются главным мерилom успешности. В то же время, у этой идеи есть и другие, более древние корни, уходящие в культ Тельца¹⁷³, который упоминается в книге Бытия. Метафорой этого культа является идея золота, как основной ценности. Здесь, с одной стороны, очевиден смысл идеи сотворения данного тотема из золотых серёжек, явно имевших ценность для их носителей. В результате ценность золотых серёг переносится на тотем Тельца, который начинает представлять из себя эту ценность как таковую. Если следовать теории С. Г. Кара-Мурзы, то израильтяне должны были испытать культурную травму, которая должна была привести общество в состояние аномии, т.к. поклонение тотему Тельца считается нарушением первой заповеди. Далее, по сюжету Ветхого завета было уничтожено около трёх тысяч человек, потому что они совершили великий грех¹⁷⁴. Главной проблемой теории Р. Мертона является тот факт, что он учитывает лишь цели и средства, но не учитывает смысл действия. Если соотносить события в США второй половины XX века, России конца XX и начала XXI века и события, описанные в Ветхом Завете на территории Израиля, то из них можно вывести одно, достаточно конкретное суждение, выведенное из категорий области абстрактного. Если деньги становятся единственной ценностью, общественные институты атомизируются и

¹⁷² Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009. С. 85.

¹⁷³ Исх. 32:24

¹⁷⁴ Исх. 32:31

разрушаются, когда заповеди не исполняются, то нарушается смысл игры. Игра, в данном случае, имеет значение культуруобразующего фактора, о котором в своё время писал Й. Хёйзинга. Если пропадает смысл соблюдать правила и люди их перестают соблюдать, игра перестаёт быть, в результате чего культура перестаёт воспроизводиться в обществе, что приводит к формированию «ничто», где могут возникать любые противоречивые и бессмысленные действия, которые ведут в «ничто». Это и есть, собственно говоря, противоречивое пространство небытия в котором всё само по себе бессмысленно. Ничто, в данном случае, предстаёт перед человеком в качестве небытия по отношению к бытию, что по содержанию можно определить, как смерть. В парадигме гуманизма смерть и смысл – это две категории, на фоне которых финансовый доход всегда уходит на второй план по степени своей важности. Именно по этой причине множество современных авторов XX и XXI века, описывающих аномию, представляли её посредством наиболее крайней формы нарушения нормы – суицида. Чаще всего в исследованиях именно собственноручное лишение жизни предстаёт в качестве мерила степени аномии в обществе, формируясь в пропорциональную зависимость количества суицидов от уровня аномии. На практике, в дорелигиозных мифологических обществах восприятие смерти сопряжено с презрением, отрицанием. Так, например, в Южной Индии ссорящиеся разбойники могли убить себя лишь для того, чтобы доказать неправоту своего оппонента¹⁷⁵, а в Китае приговорённые к смерти богатые люди могли найти людей, жалеющих умереть вместо них¹⁷⁶. Древние Фракийцы играли в повешение, где проигрывал тот, кто в конце умирал. Не менее интересен и другой обычай, описанный Посидонием: подавать на стол заднюю часть свиньи, которую должен был забрать самый храбрый человек. Если появлялось несколько претендентов, то в результате завязывался смертельный бой, победитель которого забирал себе награду. С точки зрения члена информационного общества, а также человека, придерживающегося религиозных норм, традиции язычников представляют из

¹⁷⁵ Саммерс М. История вампиров. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 199.

¹⁷⁶ Там же. С. 200.

себя пример классической аномии, где мерилom человеческой жизни могут выступать даже не богатства или человеческая жизнь, а свиной зад, поданный на стол в рамках ритуального пиршества. Совершенно очевидно, что смысл подобной схватки заключался в том, чтобы доказать людям и богам, свою храбрость и вызвать уважение у окружающих, даже с учетом возможной смерти соучастников. Сегодня в XXI веке, мифологическое мышление продолжает проявлять себя в деятельности современного человека, о чём свидетельствует высокая распространённость примет и суеверий как в профессиональной, так и в повседневной сферах человеческой жизни¹⁷⁷.

«Разрушение символических праздников – генератор аномии»¹⁷⁸. Структура образцов, норм и ритуалов носит важное значение не только как средство, снижающее уровень напряжения в обществе, она также является процессом сохранения и воспроизводства культуры. Причина кроется в том, что символы и знаки в структуре норм, образцов и ритуалов, имеют метафорическое значение, и раз за разом в ритуалах разыгрывают архетипический сюжет. Это позволяет в рамках действий, основанных на определённых правилах получать удовольствие от процесса. Эта точка зрения подтверждается идея К. Лоренца, на которые ссылается С. Г. Кара-Мурза. Он пишет, что современный молодой человек, имеющий достаточно высокий уровень развития критического мышления «выносит безапелляционный приговор традиционным нормам социального поведения как пережиткам – нормам, как действительно устаревшим, так и жизненно необходимым»¹⁷⁹. К. Лоренц также отмечает, что такому человеку совершенно не приходит в голову вынуть из автомобиля «лишнюю», на его взгляд, деталь, однако это нисколько не мешает вести себя так в отношении культуры. Э. Фромм называл эту проблему характерной для «немецкого механистического материализма» связывая её с влечением к смерти, а Ж. Делёз и

¹⁷⁷ Мартишина Н. И. Приметы как форма сохранения и воспроизводства мифологического мышления // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 43.

¹⁷⁸ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 38.

¹⁷⁹ Lorenz K. La acción de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988. P. 164.

Ф. Гваттари говорили о таких людях как о шизофрениках¹⁸⁰. Сам же К. Лоренц называет таких людей «молодыми либералами»¹⁸¹. В то же время, с точки зрения социального конструктивизма огосударствление традиционных праздников, «закрепляется именно потому, что эта форма по сравнению с другими практикуемыми схемами действий оказывается оптимальной»¹⁸²

«Именно это мы наблюдали во все годы перестройки и наблюдаем еще сейчас в России – угасание «всех культурных норм социального поведения» под давлением «молодого либерала»¹⁸³. Важно отметить, что именно такие группы людей становятся наиболее подвержены риску стать жертвой создателей «групп смерти»¹⁸⁴. И именно вокруг таких людей сегодня выстраиваются современные паноптикумы, о которых писал М. Фуко. Проблема данной тенденции обуславливается тем, что таких людей в действительности становится довольно много, о чём свидетельствует рост нарциссизма¹⁸⁵ в нарциссической культуре¹⁸⁶. Вместе с этим, рассматривая состояние общественных институтов, С.Г. Кара-Мурза выделяет несколько типов раскола в России под воздействием аномии. Среди них он выделяет раскол на бедных и богатых, возникший в результате приватизации, которая в результате привела к структурной бедности населения¹⁸⁷. Бедность чаще всего рассматривается в качестве основной причины смертности, в том числе из-за суицидов. На практике же в мире существует достаточно много стран, которые ведут достаточно бедный и традиционный образ жизни. Такой страной, например, является Вьетнам, где уровень жизни недостаточно высок, а вот уровень суицидов достаточно низок. Это связано с тем, что в данной стране

¹⁸⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 387.

¹⁸¹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 38.

¹⁸² Мартишина Н. И., Постников П. М. Традиции в культуре и образовании // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2024. № 2 (21). С. 31.

¹⁸³ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 38.

¹⁸⁴ Путин подписал закон об уголовной ответственности за создание «групп смерти» [Электронный ресурс] // Интерфакс. Информационное агентство. — 2017. — 7 июня. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/565686>.

¹⁸⁵ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 237.

¹⁸⁶ Скорев В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 215.

¹⁸⁷ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 74.

всё ещё сохраняется традиционный уклад и всё ещё существуют практики матриархата, а самих по себе ритуалов суицида в целом не наблюдается. Межпоколенческий раскол¹⁸⁸, также выступает в качестве ведущей проблемы. С.Г. Кара-Мурза отмечал, что «по уровню самоубийств среди подростков Россия на первом месте в мире»¹⁸⁹. Дети, воспитанные в условиях аномии, активно приобретают черты личности, способы мышления и характеры, о которых писали Э. Фромм, Ж. Делёз, Ф. Гваттари и К. Лоренц. Становясь продуктами общества, где культура перестаёт воспроизводиться и носит расколотый шизофренический характер, риск суицидов со стороны подростков становится высоким ещё и потому что они попросту не имеют опыта, позволяющего им ценить жизнь. В своём поведении они уподобляются древним фракийцам, играющим в повешенных. Сам же С.Г. Кара-Мурза определяет «кризис культуры как генератор аномии»¹⁹⁰. Из чего следует, что транслирование собственных цивилизационных норм и образцов культуры будет способно снизить уровень негативных проявлений аномии. В то же время трансляция бессмысленных ритуалов и игры приводит к тому, что культура не воспроизводится и не сохраняется, что в результате не позволяет детям учиться, взрослеть и осознавать себя в таком обществе. Основным опасением детей в этих условиях выступает именно страх смерти «Боюсь, что не доживу до 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым – меня убьют»¹⁹¹. Мировоззренческий раскол, источником которого служит «этнический нигилизм»¹⁹², приводит к тому, что люди лишаются «основы деятельности»¹⁹³. Здесь С. Г. Кара-Мурза отмечает, что в данном случае попирается моральный императив И. Канта, заключающийся в тезисе о том, что необходимо вести себя так, «чтобы максима твоей воли в то же

¹⁸⁸ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 62.

¹⁸⁹ Там же. С. 103.

¹⁹⁰ Там же. С. 117.

¹⁹¹ Мошкин С. В., Руденко В. Н. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 83.

¹⁹² Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 144.

¹⁹³ Мартишина Н. И. К вопросу о составе и типологии мировоззрения // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2025. № 2 (25). С. 87.

самое время могла иметь силу принципа всеобщего законодательства»¹⁹⁴. С. Г. Кара-Мурза отмечает, что именно этот принцип лежит в основании философии права Нового времени. Это верно, но неточно. Так, например, в концепции общественного договора Т. Гоббса, воля монарха стоит над законом, а законы не распространяются на монарха (впрочем, об этом мы писали чуть раньше). Также важно отметить позицию Лакана, по мнению которого между философией И. Канта и Де Сада можно в целом ставить знак равенства. Об этом он писал в семинарах об Этике психоанализа¹⁹⁵. «Оба мыслителя проблематизируют общий вопрос (отношение между субъектом и моральным Законом)»¹⁹⁶. Весь смысл тезиса сводится к тому, что для того, чтобы не попирали моральный императив люди, обладающие властью должны быть честными и им нельзя обманывать население. Так, Де Сад отмечает, что «либертены являются продуктом того самого общества, основанного на господстве и порабощении, насилии и грабежах»¹⁹⁷. Об этих либертенах сам же С.Г. Кара-Мурза пишет в своей работе со ссылкой на К. Лоренца, определяя их как «молодых либералов». Этнокультурный раскол, смысл которого заключался в том, чтобы «сдвинуть массовое сознание нерусских народов от русоцентричного к этноцентричному»¹⁹⁸.

Отмечается также и «краткосрочность жизненных проектов»¹⁹⁹. Чаще всего эту особенность аномии принято выделять в контексте бизнеса, однако он имеет непосредственное отношение к теме жизни, смерти, смысла и игры. Недолгосрочность бизнес-проектов, безусловно, способствует снижению уровня их нравственности, что приводит общество в состояние аномии. Человека же, неспособного выяснить кем он станет, когда вырастет, В. Франкл относил к

¹⁹⁴ Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. С. 23

¹⁹⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа. М.: Гнозис, 2006. 416 с.

¹⁹⁶ Азарова, Ю. О. Этика Канта и де Сада в интерпретации Ж. Лакана [Электронный ресурс] / Ю. О. Азарова // Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 25 апреля 2015 г.). — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — С. 9–14. — Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/37028>.

¹⁹⁷ Алташина, В. Д. Руссо и маркиз де Сад [Электронный ресурс] / В. Д. Алташина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — Т. 18, № 2. — С. 253–256. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russo-i-markiz-de-sad>.

¹⁹⁸ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 61.

¹⁹⁹ Там же. С. 208.

людям, страдающим от экзистенциального кризиса. Действительно, если в обществе основным мерилом становятся деньги, эта проблема становится особенно актуальной. Он приводит в пример данные опроса 189733 студентов в 360 университетах, по результатам которых 73,7 % из них мечтали о том, чтобы их жизнь стала осмысленной²⁰⁰. В обратном случае они совершают суицид, вероятнее всего, потому что не научились ценить свою жизнь и не воспринимая смерть как нечто серьёзное, тем самым выводя её за пределы игровых контекстов.

В условиях аномии информационного общества наблюдается рост уровня экзистенциального кризиса человека. Причины кризиса обусловлены размытием нормативных структур, которые с одной стороны порождают условия для формирования экзистенциального кризиса, а с другой – формируют необходимость для его преодоления. Преодоление экзистенциального кризиса становится возможным благодаря адаптации ценностей прошлых эпох (доиндустриальной и индустриальной) к условиям информационного общества.

Исследуя аналогичную категорию молодых людей С.Г. Кара-Мурза отмечает «молодежную преступность и делинквентность»²⁰¹. По мнению С.Г. Кара-Мурзы молодёжная преступность увеличивается вместе с ростом бедности²⁰², причины видятся ему в разрушении института семьи, а также продолжительных либеральных реформ в России. Таким образом, исследование С.Г. Кара-Мурзы, теоретический базис которого находится на трудах Р. Мертона переосмысливает проблему аномии, как процесса, который появляется в результате разрушения общественных институтов, происходящих в связи с причинением травмы через навязывание чуждых ценностно-смысловых структур. Их насаживание приводит к разрушению устоявшихся моделей в обществе, атомизирует его в дальнейшем разрушает. Кроме этого, С.Г. Кара-Мурза основывает свои тезисы на том, что данный процесс проходит в результате осознанных действий, направленных на уничтожение государственности. Он

²⁰⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. С. 5.

²⁰¹ Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 213.

²⁰² Там же. С. 215.

также выделяет тот факт, что под особым негативным воздействием находится культура, которая под влиянием аномии перестаёт воспроизводиться и постепенно деградирует.

В результате исследования теорий аномии информационного общества было выявлено, что в культуре возникает и пространство гетеронормативности, где принятие ограничительных практик способствует усугублению негативных аспектов аномии, выражающихся в росте девиантного поведения. Поэтому, для снижения проявления негативных аспектов аномии информационного общества в информационном пространстве необходимо транслировать цивилизационные нормы и образцы культуры, способствуя повышению уровня культуры людей и снижению уровня аномии. В то же время, аномия как информационное пространство гетеронормативности может иметь парадоксальный характер. В условиях наличия множества противоречивых, не адаптированных под условия информационного общества норм может возникать ситуация отсутствия актуальных норм. В связи с этим возникает необходимость их корректировки для новых условий.

1.3. Специфика анонии в культуре информационного общества

«Россия в течение последних десяти лет является государством, в котором развитие цифровых технологий стало национальным приоритетом»²⁰³. Наша страна характеризуется высоким темпом²⁰⁴ производства информации и услуг, приводящему к кризисному состоянию²⁰⁵ общественных институтов, усугубляющих анонию информационного общества. Россия может служить примером анонии информационного общества. С одной стороны, это связано с тем, что на материале нашего государства этот феномен был ярко представлен в работах целого ряда авторов (А. Ю. Карпова, А. В. Никонов, В. Т. Жалкиев, М. А. Крупский, А. О. Панфилова, М. С. Бороздина, Н. Н. Мещерякова, В. М. Горшенин, А. В. Плетнёв, Д. Г. Геращенко, К. В. Филиппова, К. О. Малинина), а с другой это обусловлено тем, что она находится под воздействием беспрецедентного количества международных санкций число которых на начало 2026 года достигло 28,5 тысяч что позволяет нам сделать вывод о наличии беспрецедентного уровня гетеронормативности, обусловленного внешними формальными и неформальными ограничениями, создающими условия гетеронормативности.

Данная проблема актуальна не только для нашей страны. Лидерами в этом вопросе на сегодняшний день остаются Китай, США, Индия, Великобритания, Канада, Япония, Южная Корея, Франция, для которых проблема анонии информационного общества также является чрезвычайно актуальной. Главной общей чертой всех вышеуказанных государств является высокоразвитый сектор информационных товаров и услуг. Их наличие также способствует ускорению объёмов передачи информации, усилению уровня гетеронормативности в информационном пространстве и росту анонии. Исследование проблемы

²⁰³ Лексин В. Н. Синтез общества потребления и информационного общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 195.

²⁰⁴ Фейгин Г. Ф., Гайдук А. Б. Рынок аутсорсинга информационных услуг: новейшие тенденции // Известия СПбГЭУ. 2021. № 4 (130). С. 85.

²⁰⁵ Ямщиков С. В., Мельникова Н. Е., Король М. П., Боклагов Е. Н., Казанская И. В. Экзистенциальный кризис цифровой эпохи: спасёт ли ВУЗ человека? // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 74.

потребления в процессе перехода от общества потребления к информационному обществу, может позволить нам сформировать философско-антропологическую концепцию развития аномии в культуре информационного общества.

Проблему общества потребления²⁰⁶ принято связывать с трудами Э. Фромма и Ж. Бодрийяра. В философии и науке этот термин распространился к 80-м годам, в том числе благодаря работе Д. Белла²⁰⁷. При этом, если Э. Фромм определял общество потребления как совокупность общественных отношений, основанных на потреблении товаров и услуг в условиях социального отчуждения, то Ж. Бодрийяр определял его через воспроизводство пустых и бессмысленных знаков²⁰⁸. Д. Белл, в свою очередь, характеризует общество потребления как классическое постиндустриальное общество с превалированием сферы услуг над сферой производства. Принято считать, что в этих условиях, человек не может в достаточной степени выразить себя, проявить подлинную силу творчества и проявляет свои преимущественно негативные стороны, что приводит к появлению ложного представления о том, что изначально человек по своей природе склонен лишь ко злу. Данная идея распространяется в условиях постиндустриального атеистического общества, находя своё подтверждение в идеях христианства об «изначальной греховности человека» в дискурсе «оспаривания потребления»²⁰⁹.

Причина такого положения дел заключается в том, что структура общества потребления ограничивает и редуцирует человека посредством массовой культуры, представленной в виде бессмысленных знаков (симулякров), формирующих «квалифицированных потребителей», «одномерных людей» или субъектов с недостаточно развитым сознанием.

Массовая культура представляет собой «слепок» общества, а не только той его части, которая обычно выражается термином «масса». Массовая культура –

²⁰⁶ Фромм Э. Человек одинок / пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230.

²⁰⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.

²⁰⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. // М.: Республика; Культурная революция. 2006. С. 263.

²⁰⁹ Там же. С. 264.

это конструкт, состоящий из нескольких уровней – китч, мид, арт²¹⁰. Она не является однородной. Нарциссическая культура появляется в результате конвергенции массовой культуры. Причиной является кризис глобальной экономической модели, меняющей структуру спроса и потребления. Нами было проведено исследование данной модели, представленное в работе «Генезис мужского и женского сознания»²¹¹, через сосуществующие процессы: формирование модуса желания, желание предмета потребления, поиск предмета желания, потребление.

Развитие идеи в рамках данной работы приводит к выводу о том, что для преодоления негативных последствий нарциссической культуры необходимо, чтобы человек потреблял не для себя, а для окружающих его людей. Таким образом, бытие потребителя для другого было охарактеризовано следующими процессами: «формирование модуса желания предмета потребления в позиции другого, осознание желания предмета потребления другого, поиск предмета желания»²¹² другого, предоставление объекта желания другого другому.

Важно отметить и другое принципиальное различие нарциссической и массовой культуры. Если мы говорим о потреблении в контексте Ж. Бодрийяра, З. Баумана и П. Бурдьё, то в центре потребительской культуры стоит статус субъекта, определяющий образ и стиль потребителя. Человек является тем, что он потребляет. Ярким примером постановки этой проблемы в массовой культуре является работа Ч. Паланника «Бойцовский клуб», где Тайлер Дёрден напоминает зрителю, что он не является тем, что он потребляет.

Нарциссическая культура, становящаяся на базе культуры общества потребления, определяемой как культура, направленная на удовлетворение витальных потребностей и потребности в развлечении, способствующая росту спроса на товары и услуги, возникает в результате кризиса глобальной экономической модели. Нет задачи выражать статус потребителя, нет задачи

²¹⁰ Ильин А. Н. Борьба идей в интерпретации явления массовой культуры // ОНВ. 2009. № 1 (75). С. 103.

²¹¹ Долгицкий О. Д. Генезис женского и мужского сознания // Kant. 2024. № 4 (53). С. 191.

²¹² Там же. С. 193.

выражать его индивидуальность, статусность, массовость и т. д. Основная задача – удовлетворять базовые витальные потребности и потребности в удовольствии. Тем самым снимаются ограничения на статус потребителя, его роль в обществе, его пол и даже его родовое свойство. Так, например, люди начинают потреблять товары для животных, а животные товары для людей ради веселья или удовольствия. Потребление здесь лишено принципа определения статусности в отличие от потребительской культуры, основная цель – это рост спроса для сохранения глобальной экономической модели. На экономическом уровне это можно описать в качестве реакции на системный экономический кризис, который мы сейчас можем наблюдать в мире.

Данный тезис делается на основании анализа дискурса актуализировавшего в 2020-х годах в трудах С. М. Журавлевой, В. А. Скорева, П. А. Ореховского, В. И. Разумова., Г. А. Илларионова, В. И. Кудашова, Ю. В. Хвастуновой, Н. И. Мартишиной. Анализ данных работ позволяет охарактеризовать нарциссическую культуру посредством «отказа от модернистских установок служения, где профессионализм во многом обесценивается, уступая место самореализации, критерием которой служит известность, популярность, а не признание заслуг перед государством, обществом, профессиональной корпорацией»²¹³. П. Ореховский и В. Разумов отмечают проявление нарциссической культуры в условиях информатизации, через изменение цели жизни человека, а которой достижение социально значимых задач подменяется на известность и популярность сами по себе. Такое желание авторы и называют нарциссичным, обусловленным влиянием нарциссической культуры. Мартишина Н. также отмечает, что «в качестве оснований нарциссической культуры рассматриваются демассификация производства и девальвация объективного знания в информационной динамике»²¹⁴. В этом смысле, нарциссическая культура, в отличие от массовой представленной в структуре иерархии «кич-мид-арт»²¹⁵, где

²¹³ Ореховский П. А., Разумов В. И. Нарциссическая культура и проблема политической легитимации // Идеи и идеалы. 2023. №4-2. С. 286.

²¹⁴ Мартишина Н. И. Нарциссическая культура и места её обитания // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 194.

²¹⁵ Ильин А. Н. Борьба идей в интерпретации явления массовой культуры // ОНВ. 2009. № 1 (75). С. 102-104.

каждый сегмент направлен на удовлетворение потребностей разных групп населения и предстаёт перед нами гомогенным образованием, в котором «смысл труда»²¹⁶, а также «ценность социальных связей»²¹⁷ недоступны для инфантильного нарциссического субъекта и теряют свою значимость. Общественный смысл этой проблемы лежит в экономической плоскости, т. к. появление категорий смыслов и ценностей у человека способствует снижению не только уровня потребления, но и уровня производства».

Основной спецификой нарциссической культуры является отсутствие необходимости непосредственной коммуникации людей друг с другом на фоне прогресса в сфере информационных технологий. С одной стороны, прогресс несёт пользу, позволяя преодолевать пространство и время, а также непосредственно общаться друг с другом на расстоянии. А с другой, может лишать общение людей «первоначального смысла практического, или этического»²¹⁸. Именно поэтому «реабилитация чувственной сферы»²¹⁹ потребителя, позволяющая преодолеть нарциссизм в потреблении может способствовать преодолению инфантильности в информационном обществе. Но для этого потребуется переосмыслить даже не саму культуру, а темпы её преобразования под воздействием блогосферы, искусственного интеллекта, а также непрерывно ведущихся информационных войн.

С нашей точки зрения нарциссическая культура представляет из себя «идеалообразующую сторону человеческой деятельности»²²⁰, направленную исключительно на рост спроса и потребления в условиях глобального экономического кризиса. А т. к. наибольший спрос обеспечивают нарциссические субъекты, постоянно находящиеся в невротических поисках внешнего объекта,

²¹⁶ Горнова, Г. В. Культурные смыслы цикла «производство — потребление» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (33). С. 24.

²¹⁷ Там же. С. 20

²¹⁸ Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. 2011. № 2. С. 137.

²¹⁹ Горнова, Г. В. Культурные смыслы цикла «производство — потребление» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (33). С. 24.

²²⁰ Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. 2011. № 2. С. 137.

обеспечивающего достаточный уровень их состоятельности, то и культура в целом начинает носить нарциссический характер.

Принципиальным отличием между обществом потребления и информационным обществом является отсутствие усреднения потребителя и товаров для него. Так, если в обществе потребления товары сегментированы на конкретные категории целевой аудитории, то в информационном обществе возникает необходимость массового производства товаров на максимально возможное количество категорий.

В этих условиях «способность товаров» адаптироваться, кастомизироваться под любые категории потребителей является их главным конкурентным преимуществом. Один и тот же товар должен подразумеватьсонастройку для разных аудиторий как в случае цифровых товаров и услуг, позволяющих опционально настроить интерфейс и функции для разных аудиторий.

Э. Фромм отмечает, что неповиновение Богу было следствием появления осознанности²²¹ у человека, который в итоге смог делать самостоятельный этический выбор. Первая часть христианской Библии – Ветхий Завет несёт идею, согласно которой что люди способны самостоятельно делать этический выбор как в хорошую, так и в плохую сторону, независимо от Божественной воли. Однако, в период Просвещения, возникла идея о том, что всё зло, является экстернальным и не зависит от воли самого человека, а смена обстоятельств приводит к тому, что человек перестаёт совершать аморальные поступки²²². Как мы можем видеть, поиск добра и зла в природе человека в культуре западной цивилизации во многом был связан с христианским дискурсом. Однако, события Второй Мировой войны показали, что в период Просвещения склонность человека ко злу была недооценена. Тезис о человеческой деструктивности сегодня трансформировался в идеи «архаизации»²²³, с точки зрения которой, в условиях резких общественных изменений, люди склонны либо к изобретению инноваций, либо к «откату» к тем

²²¹ Фромм Э. Душа человека / пер. М.: Республика, 1992. С. 17.

²²² Там же. С. 18.

²²³ Беломыцев А. А. Проблематика социальной деструктивности в философской мысли второй половины XX в. // Социология. 2021. С. 234.

формам поведения, которые были актуальны в прошлом. Однако, в условиях постиндустриального общества, данный «откат» становится невозможен в условиях инфантильной нарциссической культуры, в рамках которой людям остаются лишь инновации, появление которых также становится затруднительным. С точки зрения современной концепции «архаизации» современный человек, не имея средств и возможности подстраиваться под динамически меняющийся мир, впадает в состояние кризиса.

Э. Фромм, описывая проблемы общества потребления также говорит о «трех феноменах, которые... лежат в основе наиболее вредной и опасной формы человеческого ориентирования: любовь к мертвому, закоренелый нарциссизм и симбиозно-инцестуальное фиксирование...»²²⁴. Данная тема остаётся актуальной и сегодня, в связи с ростом нарциссизма²²⁵ в культуре²²⁶ постиндустриального общества²²⁷. Для Ж. Бодрийяра потребление товаров и услуг – это признак общества изобилия²²⁸, которое производит множественные товары. Для современного постиндустриального общества характерно производство не только товаров, но также информации и услуг.

На фоне процессов индустриализации, с точки зрения механистического общества, возникает распад механизмов, тогда как с точки зрения органического подхода Э. Дюркгейма²²⁹ при переходе из традиционного общества в общество индустриальное, обладающее другим набором органов и способов их функционирования, человек сталкивается с иными для него способами поведения, в которых и начинает проявляться anomia индустриального общества. Чуть позже, Р. Мертон²³⁰ отмечает различные типы поведения человека в условиях anomia. В своих трудах они лишь закрепляют негативистичный дискурс по

²²⁴ Фромм Э. Душа человека / пер. М.: Республика, 1992. С. 19.

²²⁵ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 237.

²²⁶ Скорев В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 215.

²²⁷ Жеребин В. М., Ермакова Н. А., Махрова О. Н. Потребление в информационном обществе // Народонаселение. 2009. № 1. С. 79.

²²⁸ Бодрийяр Ж. Система вещей. // М.: Рудомино, 1999. С. 4.

²²⁹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Ильинского; ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

²³⁰ Мертон Р. К. Социальная структура и anomia // Социология власти. 2010. № 4. С. 220.

отношению к природе человека. В этом нет ничего удивительного, т.к. в основном данные авторы исследовали различные формы деструктивного и отклоняющегося [от нормы] поведения, противоречащие нормам морали. Таким образом, человек в их работах виделся существом аморальным.

Э. Фромм, отмечает, что в процессе перехода в индустриальное общество и отрыва от традиционных институтов, люди вынуждены задаваться вопросом о том, кто они и кем они являются. Это именно тот вопрос, который в философской форме сформулировал Р. Декарт, давая на него ответ о том, что, если Я мыслит, значит Я существует. В этом ответе сделан акцент только на опыте «Я» в качестве субъекта любой мыслительной деятельности и упущено из виду то обстоятельство, что «Я» переживается также в процессе чувствования и творческой деятельности²³¹.

Данная проблема всё ещё является актуальной в русле современного психоанализа, описывающего человека в структуре постиндустриального общества. Нэнси Мак-Вильямс говорит о формировании «ложного Я»²³², Альфред Лэнгле о «Недостаточно развитом Я»²³³, Отто Кёнберг о «патологически грандиозном Я»²³⁴. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в структуре постиндустриального общества проблема осмысления Я и его развития, травматичности и проблемности занимает важное место.

В качестве механизма, формирующего структуру недостаточно развитого Я, Э. Фромм определяет механизм социального отчуждения, в результате которого человек становится чужд самому себе²³⁵. Аналогичные процессы происходят сегодня, но уже в структуре постиндустриального общества, где несмотря на

²³¹ Никонова С. Н. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 95.

²³² Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. В. Снигура. М.: Независимая фирма «Класс», 2015. С. 259.

²³³ Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей / пер. с нем.; вступ. ст. С. В. Кривцовой. М.: Генезис, 2005. С. 66.

²³⁴ Кернберг О. Ф. Отношения любви: норма и патология / пер. с англ. М. Н. Георгиевой. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. С. 179.

²³⁵ Фромм Э. Человек одинок / пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230.

высокие темпы роста количества средств коммуникации и скорости связи между ними, человек всё также остаётся одиноким²³⁶.

Ж. Бодрийяр отмечает, что в структуре общества потребления формируется новая уникальная ментальность с «опорой на знаки»²³⁷, благодаря которым у человека появляется иллюзорная возможность обладания внешним миром. Речь здесь идёт о массовой культуре общества потребления, которая чуть позже станет массовой культурой информационного общества, основная задача которой – это постоянное воспроизводство знаков, на которые может ориентироваться человек с недостаточно развитым Я и проецировать свое Я на них. Слияние с этими знаками вызывает у человека ощущение «духовной жизни», которая не является подлинной, что ведет сначала к кризису. Симулякр духовной жизни человека, подчиняющийся правилам маркетинга как организационной функции и совокупности процессов создания и продвижения продукта или услуги покупателям, управление взаимоотношениями между услугой и покупателем взамен духовной жизни человека создает иллюзию подлинной духовности, в то время как в его духовной жизни ничего не происходит. И если раньше роль этих знаков выполняли продукты потребления, то сегодня ими стала информация²³⁸, которая может быть представлена в качестве логотипов²³⁹, рекламы²⁴⁰, медиа контента и т.д. На наш взгляд, повышенный спрос на них формируют люди с нарциссической структурой психики. В результате символичные обозначения брендов фетишизируются и становятся предметом культа, подменяя собой нормы и образцы религиозной и мифологической культур.

Снижение способности человека к рефлексии обусловлено ещё и тем, что помимо экспоненциально растущих объемов информации нас окружает не менее

²³⁶ Соловьева Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7 (111). С. 80.

²³⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. // М.: Республика; Культурная революция. 2006. С. 263.

²³⁸ Белик И. Ю., Пивоварова И. А. Характеристика потребления информации в постиндустриальном обществе // Молодой исследователь Дона. 2021. № 5 (32). С. 85.

²³⁹ Туркин К. Е. Логотип и его социальная роль в обществе потребления // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 4 (32). С. 171.

²⁴⁰ Зотова А. С. Концепт общества потребления в современном коммуникативном пространстве рекламного дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2022. № 1. С. 131.

растущая совокупность дезинформации, к которой относятся дезинформирующая пропаганда, манипулирующая коммерческая реклама, различного рода fake-news, создаваемый нейросетями ложный контент и т.д. Кроме того, со стороны государств в рамках информационной войны осуществляется работа по информированию и агитации населения²⁴¹.

Духовная жизнь человека обесценивается в культуре информационного общества. Она отрицается на идеологическом уровне в рамках нигилизма и атеизма. Таким образом, люди фактически перестают вести духовную жизнь, не изучают свой внутренний мир, в результате чего теряют интерес к собственному Я, воспринимая окружающий мир в сфере интимно-личностного общения на уровне сюжетно-ролевой игры. В результате подобного восприятия и новой реальности Г. Маркузе ставит под сомнение сам феномен отчуждения как внешнего фактора (по К. Марксу). Отчуждённое бытие становится новой современной нормой, становится повседневной с точки зрения данного автора. Таким образом он не воспринимает его как проблему, нуждающуюся в решении, а просто констатирует её как данность. По этой причине отказ от самости, отказ от самоидентификации, декларирование свободы как основной ценности является источником «новой этики». «Новая этика»²⁴² воспроизводит структуру знаков массовой культуры информационного общества. Этот процесс сопутствует отказу от моральных установок²⁴³. Духовная жизнь человека (например, в рамках норм и образцов религиозной культуры) приводит к тому, что он перестаёт вписываться в массовую культуру потребления (например, благодаря практике поста и образцов аскезы), у него снижается уровень потребления товаров и информации ради самоидентификации с ними и восполнения экзистенциального вакуума, который наполнен внешними впечатлениями. Человек ведущий самостоятельную

²⁴¹ Долгийский О. Д., Варыгина Л. Б., Вилковский А. В., Свинцов А. Н. Анализ изменений в сфере массовых коммуникаций на постсоветском пространстве // Контекст и рефлексия: философия о мире человека. 2025. № 8. С. 72.

²⁴² Тульпе И. А. «Новая этика» в проблемном поле философии культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2022. № 1. С. 86.

²⁴³ Там же. С. 98.

духовную жизнь – это тот, кто не стремится к сверхпотреблению информационных продуктов и услуг.

«Новая этика» подразумевает отказ от традиционных форм норм и образцов культуры. Положительной стороной в этом случае является факт освобождения человека от неактуальных стереотипов. Негативным аспектом является отсутствие средств адаптации в информационном обществе. Поэтому, на наш взгляд, в рамках новой этики необходим не отказ от ранее сформировавшихся форм культуры, а адаптация к условиям информационного общества уже имеющихся норм.

Культура информационного общества имеет предметом маркетинга не только рекламные товары и услуги, но и сферу духовных практик и знаний, продуцируя контент, который позволяет людям с недостаточно развитым Я вступать в отношения с продуктами «духовности». В этом смысле возникает не только ритуалистическое потребление религии как феномена культуры общества информационного потребления, это также формирует целый сегмент рынка товаров и услуг, которые ассоциированы с «просветлением» и «знанием сакральных тайн». Люди, неспособные к осознанию процессов собственного мышления и внимания, ритуалистически потребляют информацию, ассоциирующую их бытие и представление о собственном Я как процесс духовного просветления. В результате этого появляется рынок информационных продуктов с сомнительной ценностью²⁴⁴. Новый тип товаров подстраивается под уже существующее воспроизводство в обществе людей с нарциссической и шизофренической структурой психики.

Современное общество по своей структуре находит в себе признаки, присущие что классическому символу «Уробороса», который поглощает сам себя. Человек в современном обществе «заиклен» на себе как эгоцентрический субъект, исповедующий свободу для того, чтобы ничто не ограничивало его потребление. Так современное постиндустриальное общество характеризуется

²⁴⁴ Завгородняя П. М. Эксперты или инфоцыгане: как блогеры продают свои курсы // Социодиггер. 2021. № 5 (10). С. 42.

такими феноменами, как «потребительство, индивидуализм, постмодернистский стиль фрагментированного субполитического бытия»²⁴⁵ человека. Даже семья становится всего лишь «единицей потребления»²⁴⁶.

Все окружающие человека люди, вещи и природа становятся объектами потребления. В этих условиях он (человек) теряет способность к игре, как к творческой деятельности, выступающей в качестве подготовки к взрослому серьёзному труду. Человек в этой системе изначально ставится в условия, где он не будет способен развить в себе возможности переживания любви, уважения, эстетики, творчества²⁴⁷ и познания, а, значит, будет испытывать негативные экзистенциалы²⁴⁸ одиночества, тошноты, смерти и страха, которые могут подталкивать людей не только на преступление против других, но и на преступления против себя (суицид и самоповреждение, с гуманистической точки зрения). Люди информационного общества ведут себя как «дремлющие дети, легко поддаются влиянию»²⁴⁹, т.к. это позволяет сохранять существующий порядок. По этой причине сегодня начались судебные процессы против продавцов информационных продуктов, обладающих сомнительной ценностью²⁵⁰.

Кризис нарциссической культуры информационного общества сегодня лишь усугубляется на фоне процесса «массовизации общественной жизни»²⁵¹, а также из-за высокого темпа её динамизации и развлекательного характера²⁵². В этих условиях формируется культура, в которой люди, так и не ставшие взрослыми, уговаривают окружающих детей с самого детства покупать только их товары, играть по их правилам, следовать за ними чтобы сохранять существующий цикл производства и воспроизводства, отношений с

²⁴⁵ Дугин А. Г. Четвёртая политическая теория. М.: Амфора, 2009. С. 6.

²⁴⁶ Никонова С. Н. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 65.

²⁴⁷ Кальней М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе // ЭСГИ. 2017. № 4 (16). С. 41.

²⁴⁸ Гагарин А. С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 2. С. 71.

²⁴⁹ Фромм Э. Душа человека / пер. М.: Республика, 1992. С. 16.

²⁵⁰ Завгородняя П. М. Эксперты или инфоцыгане: как блогеры продают свои курсы // Социодиггер. 2021. № 5 (10). С. 42.

²⁵¹ Фромм Э. Душа человека / пер. М.: Республика, 1992. С. 177.

²⁵² Абдурахманов А. К. Недостатки массовой культуры // Форум молодых ученых. 2017. № 5 (9). С. 33.

маркетинговыми политиками определенных сфер товаров и компаний. В этих условиях людям в целом никто не запрещает следовать собственным смыслам, но никто их и не поощряет и уж тем более не формирует через культуру общества массового потребления. По этой причине в рыночных категориях ценность смыслов теряется на фоне ценностей вещей. Смыслы образуют внутреннюю структуру человеческой личности, с которой невозможно сливаться, как это возможно с внешним материальным объектом. Поэтому, если у человека нет развитого духовного мира, ценность вещей, услуг и информации, безусловно, начинает преобладать над всем остальным. Невозможно объяснить нарциссу или шизофренику то, как сопереживание смыслов одновременно с другим человеком приводит к формированию принципа, о котором писал И. Кант: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства»²⁵³. У шизофреника и нарцисса недостаточно развито Я, их мышление и внимание не являются произвольными, а потому у них нет внутренней воли, появление которой обуславливается осознанием процессов своего сознания. Из-за невозможности осознавать себя, они становятся неспособными к морально-этической оценке своего поведения и действий окружающих людей, в результате чего она начинает проявлять инверсивный и перверсивный характер.

Человеку, выросшему в условиях культуры общества потребления, недостаёт нравственных этических ценностей и опыта их переживания. По этой причине современные авторы констатируют процесс деградации²⁵⁴ нравственных духовных ценностей. Важно учитывать, что индустриальная культура Западного общества строилась на ценностях «феодальной культуры»²⁵⁵. По этой причине, она вступает в противоречие с идеями сверхприбыли и сверхпроизводства индустриального общества и идеями массовой культуры информационного общества, характеризующейся постоянным воспроизводством симулякров

²⁵³ Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. М.: Эксмо, 2015. С. 23

²⁵⁴ Минаков И. П., Ханова Р. В. Феномен массовой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 10. С. 55.

²⁵⁵ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 75.

информационных товаров и услуг. Так, например, в феодальной культуре семья с большим количеством детей является ведущим условием, необходимым для роста урожая среди крестьян и сохранения власти в среде феодалов. В условиях потребительской культуры мы наблюдаем снижение количества детей в семье, т.к. их появление приводит к появлению дополнительных расходов в семье.

В связи с этим «старые» смыслы стали чуждыми в современном мире. Они действительно чужды для информационного общества, т.к. ведут к снижению уровня производства и прибыли. Смыслы любви, надежды, веры и творчества становятся не нужными в этой культуре, что в свою очередь и приводит к формированию экзистенциального вакуума. Без возможности обрести надежду, испытывать любовь и само реализовываться, выход из кризисного состояния и впрямь невозможен, что заставляет человека раз за разом испытывать и переживать одиночество, страх, потерянности, отчужденность, что в итоге делает его жизнь невыносимой и заставляет прибегать к крайним мерам. Парадоксальным становится ещё и то, что экзистенциальный вакуум лишь способствовал росту потребления информации и услуг. Если люди XX века потеряли осмысленный мир, то люди в XXI века, живущие в постиндустриальном обществе, не обрели ни его, ни собственное Я.

Не обладая произвольностью процессов внимания и мышления, в условиях культуры информационного общества, человек в целом не отделяется от неё. Т.е., чтобы быть отчуждённым от этой культуры, человек сначала должен осознать свою чуждость ей, но т.к. он не способен мыслить произвольно, то в целом не обладает возможностью воспринимать себя отдельно от культуры. Материальный контекст здесь, безусловно, имеет место. Человек может быть отделён от вещей вокруг, но он не может быть отделён от себя самого, т.к. своё Я отдельное от бытия ещё не зародилось. В этих условиях актуализируется не только проблема формирования нравственных норм, но и правотворчества²⁵⁶ в культуре

²⁵⁶ Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 4. С. 128.

постиндустриального общества, причина которого кроется в отказе от структуры ценностей традиционной культуры, который актуализировался в XIX веке.

Во многом этому поспособствовала отказ от идеи Бога в XIX веке. Так, по мнению П. Тиллиха, структура традиционных нравственных ценностей²⁵⁷ активно критиковалась и отрицалась. В результате, в XXI веке в рамках неолиберализма была провозглашено превосходство индивида над семьёй, гражданина над государством, рабочего над владельцем капитала, человека над Богом. Таким образом общественные примеры перестают быть означены тем, кем человек хотел бы стать. Означенными в результате остаются только деньги, выступающие единственным универсальным мерилom как материальных, так и духовных ценностей.

В структуре глобализма информационного общества конституировалось превосходство «частного предпринимательства над тоталитарным коллективизмом»²⁵⁸. В этих условиях актуализировалась проблема кризиса самоидентичности²⁵⁹, т.к. субъекты стали отчуждены от себя самих, восприятия собственного сознания как самотождественного, а себя самого как уникальной, онтологически целостной и самостоятельной личности. Будучи неспособным осознать процессы своего сознания, человек лишается возможности обрести своё Я и совладать с состоянием экзистенциального вакуума. Он не может создавать глубокие межличностные отношения, искренне доверять и любить, а, значит, его существование не может быть созидательным по своей природе. Оно становится индивидуалистичным и деструктивным, на фоне процессов информатизации, усугубляющих одиночество, порождающее необходимость постоянного потребления информации и услуг. Становление личности в этих условиях становится затруднительным «в культуре, где каждый, независимо от возраста,

²⁵⁷ Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. О. Седаковой. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. С. 131.

²⁵⁸ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуневой. М.: Гнозис; Прагматика культуры, 2002. С. 14.

²⁵⁹ Мананникова М. В. Отчуждение: кризис самоидентичности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 6. С. 147.

продолжает во что-то играть»²⁶⁰, тем самым оставаясь инфантильным и капризным ребёнком, жаждущим насыщения, но не способным к производству благ.

Кризис института брака в информационном обществе может быть объяснён тем, что молодожёны не планируют повзрослеть и состариться вместе²⁶¹. Свадьба, информация о ней и сопутствующие услуги принимают форму объектов потребления. Взрослые в таких семьях ведут себя инфантильно, т.к. они не могут найти основания собственных поступков²⁶². Постиндустриальное общество, в котором взрослые дети воспитывают детей и пытаются быть со своими детьми на равных, приводит к аномии на уровне детско-родительских отношений, в которых взрослый субъект, несущий в себе функцию Номоса, перестаёт существовать. Его место занимает инфантильный ребёнок с «инфантильной психикой»²⁶³ с ярко выраженной «девиацией когнитивных и коммуникативных практик»²⁶⁴, которому границы собственного Я мешают быть социально приемлемым.

Человек становится «сверхзанятым, несобранным, раздробленным существом»²⁶⁵, который в условиях постиндустриального общества следует в своём сознании исключительно за информационным потоком. Время, потраченное человеком на учёбу, воспринимается им бессмысленно проведённым, т.к. его окружение, начавшее свою трудовую деятельность, несколько раньше может потреблять больше товаров, услуг и информации. В этом и есть суть культуры информационного общества, основанного на огромном разнообразии услуг. Под этот запрос меняется наука и образовательный процесс, которые, например, с недавних пор пытаются убедить студентов отдавать больше

²⁶⁰ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуновой. М.: Гнозис; Прагматика культуры, 2002. С. 77.

²⁶¹ Там же. С. 85.

²⁶² Поляков А. В. Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М. К. Мамардашвили) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 401.

²⁶³ Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуновой. М.: Гнозис; Прагматика культуры, 2002. С. С. 78.

²⁶⁴ Асеева И. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. Т. 2. С. 25.

²⁶⁵ Швейцер А. Благоговение перед жизнью / пер. с нем.; сост. и послесл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. М.: Прогресс, 1992. С. 24

денег в учебные заведения, мотивируя их повышением зарплаты после того, как они получают диплом, удостоверяющий тот факт, что они всё это время потребляли научное знание. Образование теперь становится сферой конкурентной борьбы между компаниями, которые стараются предложить получение как можно более внушительных результатов за более короткие сроки. Проблема в том, что данная система никак не коррелирует с идеями осознания и осмысления полученной информации. Осознание становится второстепенным в условиях постоянного информационного потока.

Это становится очевиднее на фоне распространения огромного количества геймифицированных информационных образовательных продуктов, которые приводят к «повышению эффективности использования кадров»²⁶⁶, с недостаточным развитием функции сознания. Классическое образование становится слишком сложным, в результате чего обучение в информационном обществе низводится до уровня игровой деятельности. Упрощение образовательного процесса приводит людей к постоянному поиску готовых решений²⁶⁷, которые нужно просто «подойти и взять»²⁶⁸, без опоры на внутреннюю уверенность и самостоятельный поиск решений. Современные «преподаватели сталкиваются с изменившимся восприятием самих правил игры – например, того принципиального момента, что некую идею можно вывести из имеющихся данных посредством рассуждения, а не быстро найти в сети»²⁶⁹. Таким образом, люди лишают себя творческого процесса познания, формируя у себя экзистенциальный вакуум.

Ранее под воздействием культуры индустриального общества происходило слияние индивидуальных и коллективных потребностей²⁷⁰. В этом процессе

²⁶⁶ Лытнева Н. А., Солодкин В. В. Анализ геймификации как инструмента повышения эффективности управления персоналом крупной корпорации // ЕГИ. 2022. № 44 (6). С. 448.

²⁶⁷ Эрнест В. Д. Х. И нет меры счастью и отчаянию нашему / пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 241.

²⁶⁸ Донских О. А., Чешев В. В., Клисторин В. И., Логунова Л. Ю., Мартишина Н. И., Барбашина Э. В., Разумов В. И., Курленя К. М., Черных С. И. Цифровизация в социокультурном измерении // Идеи и идеалы. 2024. № 4-1. С. 215.

²⁶⁹ Мартишина Н. И. Как важно быть логичным: размышления над книгой Г. Ч. Синченко «Логика диссертации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 4 (99). С. 442.

²⁷⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 10.

осуществлялся отказ от потребностей, которые приводили человека к повышению его свобод²⁷¹. По мнению Г. Маркузе, таким образом происходило формирование ложных потребностей, которые, с этой точки зрения переходят из внешнего плана человека во внутренний.

Сегодня для квалифицированного потребителя с недостаточно развитым Я, аудио, видео и сенсорные знаки нарциссической культуры, представленные во внешнем плане, регулируют не только поведение, но также внимание и мышление человека. Будучи лишённым внутренней духовной жизни, он беспрекословно следует им, т.к. не способен произвольно мыслить. На фоне этих процессов также появляются интерактивные методы образования «как ответ на изменившиеся когнитивные возможности и потребности человека»²⁷² информационного общества.

Интернет, играющий значительную роль в формировании современной молодёжной культуры²⁷³, представлен сегодня в виде норм и образцов культуры, которые определяют не только дискурс, но и функцию «опоры» сознания, которое остановилось в своём развитии на уровне памяти и существует благодаря воспроизведению из неё лейблов, логотипов, слоганов и рекламных роликов как системы символично-сигнальных знаков. Человек информационного общества регулирует свои когнитивные механизмы на основании уже существующих информационных потоков²⁷⁴.

Таким образом, в рамках сформулированного содержания философско-антропологической концепция развития аномии информационного общества мы установили, что в результате конвергенции общества потребления в информационное общество, значительно ускорился процесс передачи и потребления информации. В результате возникает симулякр духовной жизни

²⁷¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. С. 11.

²⁷² Переводчикова Д. А. Интерактивные методы в образовании как ответ на изменившиеся когнитивные возможности и потребности человека постиндустриального общества // Гуманитарная информатика. 2016. № 10. С. 107.

²⁷³ Сайлиев Р. Ш., Айлиев А. Д. Роль интернета в современной молодёжной культуре // Инновационная наука. 2023. № 4-1. С. 102.

²⁷⁴ К Куницына Н. В. Семиотика культуры в контексте интернет-коммуникации // Вестник ВУиТ. 2021. № 4 (36). С. 129.

человека, существующий по правилам интернет-маркетинга как организационной функции и совокупности процессов создания и продвижения товаров, информационных продуктов или услуг, а также аудио-, видео- и сенсорных знаков нарциссической культуры.

Выводы по Главе 1

Переход от общества потребления к информационному обществу ознаменовал собой не только технологическую революцию, но и глубинную трансформацию социальных связей, ценностных ориентиров и принципов формирования норм человеческого бытия. В рамках философско-антропологического анализа этого перехода становится очевидным, что ключевой характеристикой новой социальной реальности выступает аномия, которую в индустриальную эпоху принято было определять, как ослабление или распад единой системы моральных и культурных норм, обеспечивавших прежде социальную сплоченность. В эпоху информационного общества аномия приобретает уникальные, гипертрофированные формы, проявляя себя как пространство гетеронормативности, где потенциально может сформироваться любая структура норм.

Это пространство представляет собой цифровую среду, где сосуществует, сталкивается бесконечное множество нормативных систем, идеалов и поведенческих паттернов. В отличие от традиционных обществ с относительно четкими границами дозволенного, здесь потенциально может быть сформирована и легитимирована любая структура норм. В результате само понятие нормы теряет своё изначальное содержание, в связи с чем, нередко, признаётся в качестве термина, утратившего своё значение в информационном обществе. Любое явление таким образом начинает носить парадоксальный характер, представая одновременно как нормальное и девиантное. Эта двойственность порождается фундаментальным отсутствием общепринятых, разделяемых всеми

культурных образцов и устоев. Что является эталоном в одном цифровом сообществе, в другом означается как неприемлемое отклонение.

Исследование теорий, описывающих природу аномии в информационном обществе, позволяет выявить важный и тревожный парадокс. С одной стороны, пространство гетеронормативности декларирует плюрализм и свободу самовыражения. С другой – внутри него неизбежно возникают и ужесточаются ограничительные практики. Такая ситуация не разрешает, а, напротив, усугубляет негативные аспекты аномии, что выражается в росте маргинального и девиантного поведения, социальной атомизации, экзистенциальной тревоги у людей.

В результате конвергенции общества потребления в информационное общество, значительно ускорился процесс передачи и потребления информации. В результате возникает симулякр духовной жизни человека, существующий по правилам интернет-маркетинга как организационной функции и совокупности процессов создания и продвижения товаров, информационных продуктов или услуг, а также аудио-, видео- и сенсорных знаков нарциссической культуры

В такой системе координат модус духовного акта определяется правилами интернет-маркетинга, основная задача которого – рост прибыли. Человек в этом процессе лишается возможности бытия в соответствии с собственными смыслами жизни. Следовательно, для смягчения деструктивных последствий аномии информационного общества недостаточно просто констатировать плюрализм норм. Требуется активная и осмысленная работа по трансляции и воспроизводству цивилизационных норм и образцов культуры в цифровой среде, уходящих своими корнями в доиндустриальную эпоху. Речь идет не о навязывании единомыслия, а о сохранении и адаптации к новым условиям базовых гуманистических принципов, этических максим и культурных кодов, веками служивших основой социального доверия и диалога между людьми. Целенаправленная культурная политика в информационном пространстве, поддержка качественного гуманитарного контента и просветительских практик

могут способствовать росту общей культуры людей, тем самым снижая степень проявления негативных аспектов аномии.

Глава 2. Проблема преодоления аномии в культуре информационного общества

2.1. Экзистенциальные аспекты аномии информационного общества

Поиск смысложизненных оснований является неординарной задачей для человека в условиях аномии современного постиндустриального общества. Осознание онтологического модуса²⁷⁵ бытия в структуре нарциссической культуры, может вызвать переживание негативных экзистенциалов смерти, одиночества и страха перед бытием.

Преодоление этих переживаний чрезвычайно сложно, ведь сталкиваясь с самим собой, человек, находящийся в кризисном состоянии может не обнаружить своё Я, а мир вокруг, как и всегда, выступает в качестве источника абсурда и скуки, приводящих его в состояние кризиса экзистенции и идентичности. В этом смысле человек, находясь между молотом скуки и наковальней конечности существования своего Я, смог создать «сложное общественное устройство, чтобы управлять созданным им техническим механизмом»²⁷⁶ индустриального общества, а затем различные структуры постиндустриального общества^{277,278} с характерной аномией, вызванной процессами информатизации.

Характерной особенностью аномии информационного общества является девиантное поведение в форме деструктивных практик²⁷⁹, с целью возвращения себе ощущения жизни. Сталкиваясь с трансгрессивным переживанием смерти,

²⁷⁵ Ялом И. Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. С. 26.

²⁷⁶ Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009.

²⁷⁷ Фиговский О. Л., Пенский О. Г. Конкретные проекты постиндустриального общества // ИВД. 2022. № 3 (87). С. 1.

²⁷⁸ Пашинцев Е. В. Евразийская модель постиндустриального общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1. С. 315.

²⁷⁹ Ялом И. Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. С. 11.

человек становится способен к переоценке ценностей, но такой подход очевидно сопряжён с реальным риском для жизни. В противовес столкновению со смертью человек способен заниматься творческой деятельностью²⁸⁰, которая может наполнить жизнь смыслом без риска для жизни. Однако в условиях общественной нестабильности и неопределённости, являющимися признаками аномии информационного общества, представители прекариата и креативного класса ограничены в возможностях и способах преодоления переживания смерти, одиночества и страха. Причина кроется в том, что для преодоления этих переживаний, человеку необходимы устойчивые общественные институты, функционирующие по известным правилам, позволяющие человеку находить себя в тех или иных ролях. В результате кризиса общественных институтов, мы столкнулись с ситуацией отсутствия условий, необходимых для преодоления экзистенциального кризиса.

С точки зрения К. Маркса, в процессе продуктивной, т.е. родовой жизни, человек под воздействием отчуждения терял свою сущность в условиях индустриального общества, становясь средством для поддержания собственного существования²⁸¹. Аналогичные процессы релевантны и для структур информационного общества, в котором прекариат и креативный класс живут в обществе только для того, чтобы поддерживать в нём собственное существование.

Поиск и сохранение своего Я в условиях аномии информационного общества становится сложной задачей. В единое информационное пространство гетеронормативности, где потенциально может сформироваться любая структура норм, актуализируется проблема сохранения «традиционных императивов смысла жизни»²⁸². В условиях превалирования идеи прогресса в начале XX века, в период индустриализации М. Шелер выделяет экзистенциал любви в качестве

²⁸⁰ Озеров А. А. Некоторые аспекты проблемы смысла жизни в условиях цифровизации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5. С. 152.

²⁸¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. С. 331.

²⁸² Юсупова Г. И., Магомедалиева К. М. Духовные ценности сквозь призму «философии смысла жизни» // Научная мысль Кавказа. 2022. № 2. С. 33.

основного²⁸³, но любовь как основу, как известно, проповедовали задолго до индустриальной и постиндустриальной эпохи. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»¹. Так в послании Коринфянам, на которое позже сошлётся З. Фрейд в трактовке либидо, любовь также выделялась в одного из самых значимых аспектов жизни человека. Современные исследования показывают, что любовь и семья и по сей день являются источником счастья²⁸⁴ более чем у половины опрошенных молодых людей, в то время как материальные ценности приносят счастье лишь 9 % опрошенных. Несмотря на то, что «каждый человек по-своему подходит к пониманию смысла жизни»²⁸⁵, условиях формирования смыслов жизни в онтологическом модусе бытия сходны. Здоровая семья, порождающая переживание любви, всё также является источником счастья для человека.

По мнению В. Франкла, экзистенциальный вакуум возникает у человека по причине отсутствия традиций и инстинктов, подсказывающих ему то, как он должен жить²⁸⁶. Э. Фромм, подтверждая эту мысль, отметил, что в изменившихся общественно-экономических условиях, человек вновь потерял самого себя. По словам Э. Фромма: «потребление было средством для достижения цели, т. е. счастья. Теперь оно превратилось в самоцель»²⁸⁷. Если в условиях индустриального общества, человек находился под влиянием экономического капитала, посредством которого его эксплуатировали, то сегодня мы можем наблюдать воздействие социального капитала (представленного в качестве «эффективного функционирования социальной группы посредством межличностных отношений, общего чувства идентичности, общего понимания, общих норм, общих ценностей, доверия, сотрудничества и взаимности»²⁸⁸. Его

²⁸³ Гагарин А. С. М. Шелер: экзистенциал любви в антропологии сердечной интенциональности // Дискурс-Пи. 2009. № 1. С. 59.

²⁸⁴ Никонова Э. И. Российская молодёжь в условиях кризиса: трансформация традиционных ценностей // ВЭПС. 2022. № 2. С. 132.

²⁸⁵ Пешеров Г. И. В чем смысл жизни: философский анализ различных точек зрения // Власть. 2021. С. 198.

²⁸⁶ Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с англ. С. С. Панкова. Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во, 2011. С. 9.

²⁸⁷ Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009. С. 157.

²⁸⁸ Подручный М. В. Социальный капитал как фактор социальной модернизации // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2022. № 2 (263). С. 115.

воздействие осуществляется через лидеров мнений из социальных сетей, которые эксплуатируют своих подписчиков и рассматривают их как товар, интеллектуального капитала (как совокупность знаний, способную давать надбавочную стоимость)²⁸⁹, который оказывает активное влияние на рост прибыли и конкурентоспособности компаний, эксплуатируя работников. С другой стороны, есть и обратное влияние человеческого капитала²⁹⁰, который оказывает влияние на государство.

Человек в этом процессе представляется как существо с искажённой сущностью. Он перестаёт быть человеком как существом познающим, как существом, способным к тому, чтобы открывать новое не только в мире, но и в себе самом. Его собственные желания – это лишь отголоски истинных потребностей, в мире гиперинформатизации, в котором человеку некогда столкнуться с собой самим. Его желания неподлинны, навязаны и подчинены превосходящей силе довлеющих капиталов постиндустриального общества. Всё это фрустрирует субъекта, т.к. «человечество безудержно стремится к нахождению окончательного ответа на вопрос о смысле жизни»²⁹¹. Здесь, собственно говоря, и всплывают проблемы нарциссизма и инфантилизма, о которых писал А. Лэнгле: в постиндустриальном обществе, люди, которые смогли обрести собственное Я, не нуждаются в постоянном увеличении своего потребления.

Работы Э. Фромма, основанные на классической немецкой философии, весьма ярко иллюстрируют тот факт, что мир продуктов в эпоху капитализма, которые человек потребляет и производит в процессе своей жизни, подменяют не мир как таковой, а само человеческое Я, которое начинает подстраиваться под

²⁸⁹ Журавлева Л. А., Зарубина Е. В. Интеллектуальный капитал как фактор повышения интеллектуализации труда // АОН. 2021. № 2. С. 6.

²⁹⁰ Дедолко Ю. В. Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания // Гуманитарный вектор. 2021. № 5. С. 15.

²⁹¹ Лапатин В. В., Шарипова В. В., Кузнецов М. П., Суендигов И. А., Аликов К. А. Проблема смысла жизни в современных произведениях кино, мультипликации и литературы // Социология. 2022. № 3. С. 318.

условия производства и потребления. Ж. Делёз и Ф. Гваттари подтверждают этот тезис, определяя общество как «извращённый заколдованный мир»²⁹².

Для Э. Фромма субъект эпохи капитализма видится инфантильным, нарциссичным, склонным к мазохистическим тенденциям, а Ф. Делёз и Ж. Гваттари в свою очередь, всю эпоху капитализма и людей в ней определяют в качестве субъектов, подверженных влиянию шизофрении. Капиталы, которые люди обслуживают, предстают перед нами в виде превосходящих сил (или тела без органов²⁹³), доминирующими над субъектами. Если труд – это машина, а капитал – это тело без органов, то человек в эпоху капитализма, отчуждённый от своего Я, например в результате эмоционального выгорания на работе, начинает отождествлять себя с машиной или ее частью в индустриальном обществе и частью информационной сети в культуре информационного общества. Об этом говорит Э. Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности». В этом смысле шизофреник Делёза и Гваттари, находится в тех же условиях, что и некрофил Фромма. «Некрофил – антипод биофила». Проблема заключается в том, что в информационном обществе некрофил и шизофреник «онормализуются»²⁹⁴. Данный тезис также подтверждают работы современных исследователей²⁹⁵ человека в условиях аномии информационного общества.

Подлинная человеческая сущность, которая обретается в результате индивидуального развития, раскрывающая в полной мере духовный и культурный аспект жизни человека, остаётся в зачаточном, редуцированном состоянии, в то время как культура должна выступать в качестве идеалообразующей стороны человеческой деятельности. Человек здесь даже не «винтик системы», теперь он часть сети, ризомы. В этом смысле человек оторванный от мифологии, религии, идеологии и культуры, будучи индифферентным структуре информационных потоков, не может найти своё Я и преодолеть экзистенциальный кризис. В

²⁹² Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 27.

²⁹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 26.

²⁹⁴ Купарашвили М. Д. Желание и аномальность: как психоанализ становится шизоанализом // Вестник ОмГУ. 2025. № 4.С. 19.

²⁹⁵ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 237.

условиях кризиса институтов семьи, религии, государства и культуры он не может найти смысложизненных оснований, сформировать свое Я и неизбежно сталкивается с кризисом экзистенции в форме переживания исключительно негативных экзистенциалов без ощущения переживания любви, веры и надежды.

В долгосрочной перспективе рост капиталов IT компаний информационного общества как превосходящей силы, подменяющей истинное бытие, будет лишь способствовать усилению аномии в мире и переживанию экзистенциального кризиса человека, что мы, в общем и целом, наблюдаем. Благодаря процессам глобализации и информатизации, происходит подмена мифологических, религиозных, идеологических и культурных оснований бытия людей, потреблением товаров, услуг и развлечений. В результате человек лишается самоидентификации, теряет связь со своими предками, единомышленниками и становится не способен к глубинным переживаниям, затрагивающим смысложизненные основы духовного бытия. Вещи и симулякры из парадигмы «первого мира» становятся предметом фетиша, а расставание с ними провоцирует переживание страха и смерти. При этом «независимо от того, декларирует ли человек своим смыслом жизни накопление и умножение вещного богатства, сама вся его жизнедеятельность может подтверждать или опровергать данную смысложизненную установку»²⁹⁶.

На сегодняшний день западноевропейские страны начали осознавать эти проблемы. На первый взгляд, это выражается в развитии экологической повестки, в рамках которой идут призывы к снижению уровня потребления и сохранению природы, однако капиталы подчиняют себе любые гражданские низовые инициативы, в связи с чем товары со значком «ecology» становятся также предметом торга, спекуляции и источником маржинальной прибыли. Вместо того, чтобы отказаться от сверхпотребления как такового, люди потребляют больше дорогих и экологичных товаров. Плата за эти товары – это буквально снятие ответственности за ту вину, которую человек испытывает за осознание объёмов

²⁹⁶ Алексеева М. С. Диалектика индивидуального и общественного в концепциях смысла жизни российских мыслителей советского периода // Вестник БГУ. 2021. № 1. С. 33.

вреда, который ежесекундно наносится природе в результате потребления товаров. Разумеется, образованные люди, обладающие сознанием, быстро понимают, что новая идеология – это всего лишь новый маркетинговый ход. Образованный человек по этой причине никогда не будет квалифицированным потребителем, для него будет в большей мере характерна роль «творца нравственного смысла жизни»²⁹⁷.

Возвращение себе человеком качеств своего Я у превосходящей его силы, позволяет ему обрести себя подлинного, буквально взрастить в себе своё Я, осознавая отличие навязанных и собственных потребностей и неся ответственность за свое поведение и свой выбор в полной мере. Герберт Маркузе был одним из первых авторов, который описал понятие «ложных потребностей», которые навязываются человеку превосходящей силой капиталов постиндустриального общества, особыми групповыми интересами, которые подавляют человека и внутренний голос его совести. Сюда можно отнести все потребности, связанные с потреблением товаров сферы услуг и развлечения, которые необходимы, чтобы заполнить экзистенциальную пустоту человеческого бытия, в первую очередь речь, конечно же, идёт о потребности в развлечении²⁹⁸. Люди, которых ведут чужие, ложные потребности, буквально следуют за превосходящей силой капиталов, вместо того чтобы исследовать свой духовный мир и вырабатывать собственные внутренние ценности, взращивая свое Я. Когда эта сила перестаёт их направлять и сопровождать, такие люди начинают впадать в состояние экзистенциального кризиса.

Принято считать, что человек с развитым Я обладает рядом собственных потребностей, среди которых физиологические потребности, потребности в безопасности, любви, уважении, познании и эстетике, которые выделял в своих работах А. Маслоу, сам он отмечает: «Когда у человека появляются другие (и высшие) потребности, именно они скорее доминируют в организме, нежели

²⁹⁷ Кулешов В. Е. Гедонизм и образование: диалектика взаимосвязи // Манускрипт. 2021. № 8. С. 1647.

²⁹⁸ Кобылкин Р. А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ // Logos et Praxis. 2019. № 1. С. 38.

физиологические стремления»²⁹⁹. Потребности начинают проявляться как следствие изучения себя, искреннего интереса и любви к ближнему, изучения культуры и истории своего общества, в результате чего и обретаются смысложизненные основания бытия отдельного индивидуума в условиях аномии постиндустриального общества.

Однако для людей, у которых наблюдается недостаточно развитое Я, которые не понимают и не контролируют собственные потребности, не знают, что ими самими движет, мир предстаёт в качестве объектов удовлетворения сиюминутных потребностей и видится в качестве «абстрактной стоимости, которую символизируют деньги»³⁰⁰. Такие люди не проживают свою жизнь в истинном понимании, а увеличивают уровень потребления, заглушая внутренний голос внешними атрибутами успеха, чтобы преодолеть экзистенциальный кризис существования. Подход к жизни как к балансовому отчёту³⁰¹, характеризует жизнь человека в условиях аномии индустриального и постиндустриального обществ. Условием преодоления сведения смысла жизни к финансовому отчету, при котором высшей ценностью становится абстрактный выход «в плюс», является осознание сложности оценки неоценимых вещей, таких как дружеская близость, семья, радость от познания, от полезного труда и близость к результатам этого труда, возможность жить в соответствии с внутренним голосом совести и иметь возможность творческого самовыражения.

Чтобы познать и обрести в себе свою человеческую сущность, обрести своё подлинное Я, человеку необходим опыт проживания любви и веры, переживания надежды и положительный опыт, вдохновляющий его в рамках ежедневного бытия. В здоровых семьях, в качестве такого образа выступают родители. В мифологии эту задачу выполняют герои легенд. В религии роль внешнего объекта (образца культуры), задающего смысложизненные основания и образцы

²⁹⁹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. С. 63.

³⁰⁰ Голованов Б. Д., Фролова О. В. С. Жижек о бессознательных предпосылках идеологии // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2019. № 2 (41). С. 134.

³⁰¹ Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2009. С. 85.

подражания, выполняют пророки и герои притч. Однако, в условиях анонии информационного общества, в условиях социального отчуждения на фоне цифровизации, глобализации и секуляризации, человек не может в полной мере осознать близость и единение с семьей, Богом или самим собой, информационное общество находится в состоянии кризиса без возможности конкурировать с превосходящими капиталами, подменяющими бытийственные основания, оказывая тем самым негативное влияние на процесс преодоления экзистенциального кризиса.

Мишель Фуко, изучая дискурс власти, выделяет феномен паноптикума, который актуализируется в рамках процессов глобализации и информатизации. М. Фуко пишет, что основная цель паноптикума «привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти»³⁰². Для М. Фуко власть, как превосходящая сила – это, в первую очередь, сила, которая довлеет над человеком, угнетает его. Власть и подчинение, в этом смысле, выступают в качестве формы подавления человеческого Я, через бессмысленные социально-имитационные практики³⁰³.

В этом смысле требование к имитации и репликации, выказывает и превосходящая сила капиталов ИТ компаний информационного общества, требующая массового ритуального потребления информационных товаров и услуг вместо индивидуальных желаний отдельного человека, что ведет к универсализации ценностей, но и одновременно к их смене по независимой от него необходимости. Выход новой модели телефона заставляет владельцев желать актуальную модель вне зависимости от собственных потребностей, принуждая нежелающих мимикрировать под актуальные тренды и потребности корпоративных структур. Помимо тирании капиталов информационного общества существует и аристократия капитала, склонная к биофилии (по Э.

³⁰² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 188.

³⁰³ Закирова Т. В. Социокультурные функции социальной имитации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 356.

Фромму), которая стремится всеми силами взрастить поколение сильных и достойных людей. Такие процессы формируют человеческие капиталы³⁰⁴, которые способствуют развитию науки, искусства, медицины, стремясь тем самым взрастить в человеке то лучшее, что он в себе объективирует. С другой стороны, есть капиталы тиранические, которые стремятся обезличить человека, буквально забрать у него его сущность, даже развивая такое гуманистическое направление как медицина. Ни для кого не секрет, что фармацевтические компании, продвигают свои интересы за счёт обычных людей, фармацевтическая промышленность не столько создаёт лекарства, сколько клиентов и наркоманов³⁰⁵, зависимых от лекарств. Сущность этого тезиса заключается в том, что фармакологической промышленности, нацеленной на рост продаж своей продукции априорно не выгодно избавлять людей от болезней, т.к. это приведёт к снижению их прибыли. Именно поэтому лекарства создаются таким образом, чтобы пациент потреблял их как можно дольше, желательно на протяжении всей его жизни.

Данный процесс оказывает деструктивное влияние не только на отдельных людей, но и на общество в целом. Огромную роль в росте смертности играют именно корпорации, специализирующиеся на продаже медикаментов, которые в долгосрочной перспективе вызвали зависимость у людей. Это заставляло их либо покупать больше лекарств, либо использовать уличные наркотики, чтобы перестать испытывать боль и синдром отмены. Это типичный пример того, как «капитал становится весьма таинственной вещью, поскольку, как кажется, все производительные силы рождаются в его лоне и ему и принадлежат»³⁰⁶.

Показательным примером отказа субъекта от его человеческих свойств и навязывания регулирующей роли внешнего объекта является формирование зависимости от снотворных препаратов, применение которых «сопровождается

³⁰⁴ Деделко Ю. В. Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания // Гуманитарный вектор. 2021. № 5. С. 15.

³⁰⁵ Головки А. И., Иванов М. Б., Рейнюк В. Л., Ивницкий Ю. Ю., Барин В. А., Бородавко В. К. Токсикологическая характеристика дизайнерских наркотиков из группы синтетических опиоидов // Токсикологический вестник. 2019. № 1 (154). С. 3.

³⁰⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 27.

развитием зависимости»³⁰⁷. Другим примером влияния превосходящей силы на человека является дисморфофобия как навязчивая идея о телесной деформации³⁰⁸. Мода, как часть нарциссической культуры, «дает возможность людям присваивать себе чужие индивидуальные особенности»³⁰⁹. Однако, в связи с этим возникает проблема того, что фармакологическая индустрия, индустрия фитнеса, модной одежды, и т.д. создают совершенно нереалистичные образы человека, лишённого онтологического модуса бытия. Так по мнению Жилия Липовецкого посредством влияния этих процессов произошло разрушение «традиционного мироустройства»³¹⁰. Отдельно важно обозначить номофобию как «боязнь остаться без телефона и желание им постоянно пользоваться»³¹¹.

Потребителей ежедневной информационной «повестки», обновляемых модных трендов и транслируемых посредством СМИ ритуалов и образцов культуры для подражания, заставляют испытывать вину, стыд и несостоятельность на фоне декларируемых «идеалов» человека. В погоне за этими идеалами, в своём нарциссическом стремлении слиться с превосходящим объектом, люди жертвуют не только своим временем, но и собственными жизнями, своим внутренним мироощущением переживания индивидуального бытия. Многие спортсмены-бодибилдеры, изнуряющие себя высокоинтенсивными тренировками, чтобы соответствовать критериям заданными индустрией, вынуждены употреблять, в том числе, запрещённые препараты, рискуя в результате попасть либо в тюрьму, либо на операционный стол.

Женщины, стремятся соответствовать нереалистичным, зачастую болезненным образам, лишают себя индивидуальной естественной

³⁰⁷ Дати́ева В. К., Ля́шенко Е. А., Ле́вин О. С. Применение мелатонина при нарушении сна // СТПН. 2015. № 1. С. 36.

³⁰⁸ Хра́мцова Н. И., Зая́кин Ю. Ю., Пла́ксин С. А., Ку́ркина В. А. Синдром дисморфофобии / дисморфомании: литературный обзор // Пермский медицинский журнал. 2020. № 2. С. 20.

³⁰⁹ Бе́ляев И. А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей: монография. Оренбург: ОГИМ, 2011. С. 268.

³¹⁰ Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и её судьба в современном обществе / пер. с фр. Ю. Розенберг; под науч. и лит. ред. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 31.

³¹¹ Черняков А. А. Девиантное поведение и аддикции студентов как одно из возможных следствий социальной аномии // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2025. № 4 (27). С. 129.

привлекательности. Так, например, мода на «героиновый шик», ставшая популярной в 1990-ых годах продвигала образ истощенно худых, бледных девушек с синяками под глазами и сигаретами, равнодушно смотрящих на окружающий мир как на декорации, что привело к росту распространения препаратов для похудения, которые изначально разрабатывались для лечения диабета. Воплощением этого образа стала модель Кейт Мосс, сама имевшая немало проблем с наркотиками и алкоголем. У «героинового шика» есть многое от Танатоса как во фрейдовском психоаналитическом понимании, так и в культурном³¹². Стремление угнаться за изменяющимися потребностями капиталов, которые транслируют свои правила в качестве повсеместных и обязательных к исполнению догматов, ведет к заглушению внутреннего голоса и лишению человека внутреннего душевного основания, отдаляет его от осознания своего Я, что приводит в какой-то момент к экзистенциальному кризису и невозможности полагаться на внешние, превосходящие человека свойства. Антропологический аспект аномии информационного общества, проявляющийся в желании слиться с внешней превосходящей силой в результате, способствует порождению запроса на эту силу, которая в результате появляется и начинает влиять как на отдельных людей, так и на целые общества и цивилизации. Так Ж. Бодрийяр выделяет «модель управляемой антиципации, гипермаркета»³¹³, в которой человек, потребляя товары, услуги и рекламу, ассоциирует свою жизнь с бесконечным проходом вдоль витрин с товарами.

Гипермаркет, выступающий в качестве источника средств к существованию, становится новым божеством, создаёт нормы и образцы культуры информационного общества, новые идеи потребления, в которых субъект находит те аспекты бытия, с которыми он желает слиться в своём невротическом стремлении преодолеть экзистенциальный кризис, вызванный отсутствием интереса и знания о своем собственном Я.

³¹² Саввина О. В. Стандарты женской красоты: естественное и культурное // Человек и культура. 2017. С. 29.

³¹³ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. // М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. С. 105

Для снижения уровня проявления аномии информационного общества необходим отказ от ценностей нарциссической культуры. Вместо них в информационное пространство необходимо транслировать цивилизационные нормы и образцы культуры, тем самым способствуя преодолению негативных экзистенциалов через обретение смыслов жизни, способствующих снижению девиантности поведения.

2.2. Преодоление аномии через обретение духовности

В 2005 году, в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» обосновывалась необходимость перехода от «информационного общества» к «обществу знания». Для осуществления этого перехода констатируется необходимость свободы доступа к информации и свободе выражения мнений. В то же время авторы ставят вопросы о том, всякая ли информация должна быть доступна? Каким должно быть отношение к свободе выражения мнений? Так, например, по мнению авторов, бесконтрольное распространение непроверенной и непреднамеренно ложной информации также является характерной чертой «информационного общества». В условиях отсутствия четких морально-этических критериев, на первый план докладчики выносят два негативными следствиями развития информационного общества – цифровое и когнитивное расслоение населения планеты. «В условиях существования такой ценностной нейтральности знаний нам как никогда необходимо учитывать этические и политические аспекты сознания»³¹⁴, а также его значимость в процессе преодоления негативных аспектов информатизации, приводящих к аномии информационного общества.

Далеко не секрет, что проблема осознанности напрямую связана с темой сознания, истоки которой заложил Р. Декарт. Именно он дал общеизвестную дуалистическую трактовку, согласно которой сознание противопоставляется реальности. Это, так называемая, гносеологическая трактовка сознания³¹⁵. Мы в рамках нашей темы будем исходить из онтологической трактовки сознания, которое выступает в как «феноменальная данность самого мира»³¹⁶. Поэтому рассматривать проблему осознанности, на наш взгляд, было бы корректнее не через интерпретацию дуальной природы сознания, а возможности его удвоения. В этом смысле, подход к проблеме сознания с точки зрения Духа и его бытия,

³¹⁴ Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знаний», Unesco's World Report «Towards Knowledge Societies». — Париж: UNESCO, 2005, <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf>, русский перевод // <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf>.

³¹⁵ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 186.

³¹⁶ Там же. С. 190.

представленной в работе Г.В.Ф. Гегеля «Феноменология Духа». Именно этот труд оказал сильнейшее воздействие на таких философов как Л. Фейербах, К. Маркс, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и других известнейших философов.

Как известно, понятие «дух» является одним из центральных у Макса Шелера. По его мнению, связь человека с трансцендентным духом позволяет субъекту трансцендировать собственное бытие³¹⁷. Задолго до М. Шеллера Кьеркегор отождествлял дух с человеческим Я, выделяя три степени отчаяния, среди которых «отчаявшийся, не сознающий своего Я (неистинное отчаяние), отчаявшийся, не желающий быть собою, и отчаявшийся, который желает быть таковым»³¹⁸. Но в отличие от С. Кьеркегора, М. Шелер определил дух в качестве «части мировой основы»³¹⁹. Человек с точки зрения М. Шелера является неким сосудом или медиумом, через который дух себя трансцендирует. Сам дух является результатом суммы «влечений и аффектов»³²⁰, отражённых в сознании. Л. Бинсвангер, в свою очередь, противопоставлял дух человека природе³²¹, отмечая, что дух субъективен, а природа, в которую он трансцендируется, объективна. Таким образом основным свойством человека является наличие духа, трансцендирование которого, позволяет человеку находится в процессе постоянного развития, способствуя тем самым освобождению от превалирующего воздействия биологических влечений.

С. Кьеркегор со ссылкой на идеи Б. Спинозы и Г.В.Ф. Гегеля отмечает, что «первосущее постигает себя самого в человеке»³²². Однако, если сознание человека недостаточно развито, то в условиях постиндустриального общества

³¹⁷ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 296.

³¹⁸ Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014. С. 29.

³¹⁹ Кушнаренко Я. В. Антропология и аксиология М. Шелера // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 45.

³²⁰ Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; под ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. С. 177.

³²¹ Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ / пер. под ред. С. Римского. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. С. 51.

³²² Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; под ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. С. 190.

этот процесс становится невозможным под влиянием негативного воздействия «постправды»³²³.

Как мы отметили в прошлой главе, со ссылкой на А. Лэнгле, Н. Мак-Вильямс и О. Кернберга человек, обращаясь к себе в вопросах фундаментальной мотивации, не находит себя, испытывая тем самым переживание негативных экзистенциалов, ввергающих его в состояние экзистенциального кризиса. Ограничиваясь таким образом в духовном развитии, субъект лишается одного из основных свойств, отличающих его от животных – бесконечного развития духа, обозначенную М. Шелером, который отмечает, что человек «имеет не ограниченную способность своего разумного духа к развитию»³²⁴, однако развитие это становится возможным только в условиях постоянного взаимодействия на трансцендентальном уровне с другими людьми.

По М. Шелеру человек в своём бытии изначально нацелен на Я других людей. «Личность всегда уже есть «направленность на другое Я»³²⁵, направленность на общность. При этом, если у личности недостаточно развито «Я», этой направленности быть не может. Со-бытие людей друг с другом по М. Шелеру происходит на трансцендентальном уровне, которое выступает в «онтологической базой эмпирического сознания»³²⁶.

По мнению А. Гелена, человек не является «недостаточным существом»³²⁷. Хотя он лишён когтей, зубов и шерсти, однако, в противовес этому, он открыт миру³²⁸. Как указывает сам А. Гелен, люди встраиваются с помощью технологий в природу, чтобы «принудить эту стихию»³²⁹, получая тем самым необходимую ему энергию для обеспечения собственной жизнедеятельности. Он подчеркивает, что

³²³ Асеева И. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. Т. 2. С. 25.

³²⁴ Шелер М. О сущности философии: работы разных лет / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 141.

³²⁵ Финченко С. Н., Богатырева В. Ю. Диалоговая природа личности в творчестве Макса Шелера // Проблемы науки. 2016. № 1 (43). С. 150.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2008. С. 46.

³²⁸ Андрушина Л. В. Человек как культурное животное в немецкой антропологии начала XX // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 103.

³²⁹ Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 84.

человека всегда «влечёт за пределы простого биологического минимума потребностей»³³⁰.

М. Шелер, в отличие от Х. Плеснера, строго отделяет «порыв», характерный только для животного, от «духа», характерного только для человека. Порыв является примером простейших реакций, представляющий собой «универсальное демоническое начало»³³¹.

Подобно Шелеру, в отличие от А. Гелена, Х. Плеснер рассматривает человека в горизонтальной (человек как субъект-объект культуры) и вертикальной (человек как субъект-объект природы) плоскостях. Плеснер пишет, что «человек, обретя знание, утратил из-за него прямооту отношений»³³². Под прямооту отношений здесь понимаются взаимоотношения с природой, от которой человек был отчуждён. Здесь речь идёт о философии живого бытия (Dasein). Т.е. «осцилляция между двумя модусами: быть – телом и обладать – телом»³³³. При этом как телесность может возобладать над эксцентричностью, так и эксцентричность может возобладать над телесностью. Источником эксцентричности Плеснер полагает «совместный мир», как сферу других людей³³⁴. Таким образом, по Плеснеру человека можно считать «укоренённым Logos-ом в Bios-ом, Polis-ом в Ökos-e»³³⁵.

Духовная сфера человека формируется через взаимодействие с другими людьми в общественных институтах семьи, образования, государства, производства. В них и формируется уникальное человеческое Я, которое определяет его интенцию, формирует смысл через вопросы фундаментальной мотивации, А. Лэнгле, определяет направление, в котором «дух» трансцендирует своё бытие через другого человека, посредством экзистенциалов. В рамках этого

³³⁰ Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 198.

³³¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 359.

³³² Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. С. 269.

³³³ Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2008. С. 39.

³³⁴ Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. С. 129.

³³⁵ Fischer J. Philosophische Anthropologie: Zur Rekonstruktion ihrer diagnostischen Kraft // Unter offenem Horizont. Anthropologie nach Helmuth Plessner / Mit einem Geleitwort v. Dietrich Goldschmidt. Frankfurt a/M., 1995. P. 253.

процесса преодолевается абсурдность бытия способствуя тем самым в процессе трансцендентной коммуникации людей появлению жизни «порождающей жизнь»³³⁶. Однако, в условиях аномии индустриального и постиндустриального обществ коммуникация между людьми нарушается. Жизнь человека в этих условиях становится лишённой переживания положительных экзистенциалов и протекает в модусах отрицательных экзистенциалов (одинокства, страха, «смерти»³³⁷).

Эта же абсурдность остаётся характерной в постиндустриальном обществе, характеризующимся нарушением коммуникаций³³⁸ между людьми. Данная проблема обуславливается нарциссической культурой³³⁹, порождающей нарциссов с недостаточно развитым Я, которые не могут трансцендировать дух, в силу своего недостаточного развития. Нарциссы, сосредоточенные на своих собственных информационных потоках, априорно отчуждены от окружающих. И пока современные СМИ порождают фэйки³⁴⁰ как методы ведения информационной войны, возникает парадокс³⁴¹ одинокства, в котором человек, постоянно находящийся на связи со всем миром, переживает экзистенциальный кризис в модусах негативных экзистенциалов.

Современная массовая культура постиндустриального общества противоречит идее Мартина Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия»³⁴². Современный Интернет – это дом симулякров, лишённых смыслов, а общение на уровне этого языка способствует формированию экзистенциального кризиса человека, протекающего в модусе негативных экзистенциалов смерти, страха и одинокства.

³³⁶ Кондрашов П. Н. Какого же Маркса мы читаем? Часть 1 // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4. С. 40.

³³⁷ Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Антиномии. 2009. № 9. С. 8.

³³⁸ Михальков Г. М. Коммуникативный абсурд как реальная абсурдная ситуация // МНИЖ. 2017. № 2-1 (56). С. 76.

³³⁹ Першин Ю. Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях // Идеи и идеалы. 2022. № 2-1. С. 158.

³⁴⁰ Руженцева Н. Б. Абсурд в зеркале СМИ: язык — речь — текст — дискурс // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 26.

³⁴¹ Соловьева Л. Н. Одинокство в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7 (111). С. 80.

³⁴² Хайдеггер М. Письма о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 313.

В период осмысления индустриального общества, К. Маркс отмечал, что такие общественные институты, как семья, государство, гражданское общество не пустые абстракции, а «формы существования человека»³⁴³. В их структуре люди находятся в состоянии постоянного взаимодействия, преодолевая тем самым состояние экзистенциального кризиса, обретая смысл жизни посредством общения с окружающими индивидуума людьми, перенимая их духовный опыт, познавая их личность. В XXI веке институты семьи^{344,345,346}, гражданского общества³⁴⁷ и государства³⁴⁸ находятся в состоянии кризиса, коммуникация между людьми внутри них осложнена в связи с гетеронормативностью. Происходит это в первую очередь на уровне языка, где одни и те же явления могут иметь разные значения, что приводит к недопониманию и неспособности людей к совместной деятельности. В современных семьях это проявляется в несоответствии ролевых функций, идеалов, образцов и норм культуры как у мужа и жены в семье, так и у граждан страны в государстве. Люди становятся неспособными к совместной деятельности (труду), т.к. не могут договориться на уровне пространства онтологического этоса философии, для которого характерны «надежда», «обещание», «прощение», «свидетельствование», «клятва», «верность», «решимость», «ответственность», «вера»³⁴⁹.

В этих условиях, человек становится не способным обрести своё Я и проявить его ни в семье, ни в учёбе, ни на производстве. Аномичное состояние современных общественных институтов, выступающих в качестве структуры взаимодействия людей, выражается в невозможности персонального причастия к

³⁴³ Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс; пер. А. Малыш. — М.: Либроком, 2012. С. 178.

³⁴⁴ Королева-Конопляная Г. И. Кризис семьи в западноевропейских странах (обществе) и проблемы демографии // Социология. 2023. № 6. С. 229.

³⁴⁵ Парий-Сергеев Е. П. Новейшие тенденции развития брачного права как проявление кризиса института брака в странах Западной Европы и США // Право и практика. 2023. С. 99.

³⁴⁶ Скрынченко Б. Л., Тараканов А. В., Орлов В. В., Таточенко А. Л. Институт брака и демографические проблемы России XXI века в зеркале статистического анализа // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 375.

³⁴⁷ Новоженина И. В. Конституционно-правовое закрепление тенденций развития отношений российского государства и гражданского общества в условиях глобального кризиса // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 1 (36). С. 21.

³⁴⁸ Антонюк Е. Ю., Трунев С. И. Кризис государства как становление нового государства? // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 26.

³⁴⁹ Керимов Т. Х. Онтология как онто-геология и ориентиры ее преодоления // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. С. 113.

смыслам любви, надежды, веры и творчества. Абсурдность проявляет себя в отсутствии развития человека, в «девиации когнитивных и коммуникативных практик»³⁵⁰ между людьми в процессе взаимодействия внутри игры без правил.

Важно отметить, что современные общественные институты, и люди, с недостаточно развитым Я, не ведут продуктивную родовую жизнь, предполагающую наличие смысла. Их коммуникация становится поверхностной и неглубокой. Сама жизнь, абсолютно лишённая смысла, приводит общество в состояние абсурда. Мораль человека как представление о плохом и хорошем, добре и зле, лживом и истинном появляется в опыте человека благодаря взаимодействию в структурах общественных институтов, не подверженных аномичным процессам, сохраняющих на протяжении долгого времени образцы нормы, взаимопонимания и взаимопринятия между людьми, которые способны к искреннему общению. Они являются источником категорий, определяющих ориентировку человека в мире. Возможно, по этой причине ортодоксальные монастыри с жестко-установленными рамками и правилами, не меняющимися на протяжении сотен лет, всё еще привлекают людей, стремящихся отгородиться от хаотичной абсурдности современного мира с его противоречиями и излишней информатизацией, чтобы обрести путь к подлинному бытию и открыть для себя мир духовного взаимодействия, любви, веры и надежды. Таким образом предполагается зависимость аномии постиндустриального общества от состояния общественных институтов, но в то же время сами общественные институты напрямую зависят от людей, включённых в них. Так, если они включают в себя людей с недостаточно развитым Я, которые не способны к взаимодействию на трансцендентальном уровне, они приходят в кризисное состояние. Источником этих кризисных состояний выступает нарциссизм³⁵¹ отдельных людей и нарциссическая культура³⁵² постиндустриального общества в целом.

³⁵⁰ Асеева И. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. Т. 2. С. 25.

³⁵¹ Журавлева С. М. Нарциссизм или некрофилия? // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 237.

³⁵² Скорев В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение // Идеи и идеалы. 2022. № 1-1. С. 215.

Мишель Фуко демонстрирует работу общественных институтов через структуру дисциплинарных практик, характеризующихся поощрением и наказанием³⁵³. Сегодня для информационного общества становятся характерны: фетишизация³⁵⁴; виртуализация³⁵⁵, усиливающая процессы глобализации; отчуждённость человека, возникающая на фоне влияния корпоративных структур³⁵⁶.

Цель человека в условиях информационного общества является внешней, приходящей к человеку от его окружения, тогда как смысл – есть то, чем человек наполняет содержание мира вокруг себя, посредством вопрошания к собственному Я. Т.е. даже при наличии и целей, и средств, человек может не видеть в окружающем его мире никакого смысла, по причине его абсурдности, бессмысленности. Это приводит к тому, что человек начинает осмысливать самого себя в модусах негативных экзистенциалов (одиночества, страха, смерти). Однако, если человек обладает достаточно развитым Я, он может их успешно преодолевать, формируя здоровые отношения, прежде всего с самим собой, несмотря на абсурдность внешнего мира.

В. Франкл в своих трудах обозначает проблему самотрансценденции человеческого существования, связанную с проблемой суицидального поведения у студентов, которые не могли найти себя в рамках общественных институтов, в соответствии со своей личностью, ролью и устремлениями. Не удивительно, что это состояние особенно характерно для студентов, которые в процессе образования формируются как личности, меняются и тем самым теряют свои старые роли, не успев обрести новые. В структуре современного постиндустриального общества проблема экзистенциального кризиса

³⁵³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 200.

³⁵⁴ Равочкин Н. Н. Фетишизация социальных институтов // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2022. № 13. С. 138.

³⁵⁵ Межевникова О. П., Ухина Т. В. Виртуализация социальных институтов // Сервис +. 2020. № 1. С. 46.

³⁵⁶ Плетнёв Д. А., Козлова Е. В. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций // π-Economy. 2020. № 3. С. 153.

рассматривается как один из этапов жизненного развития человека в цифровую эпоху³⁵⁷, характеризующуюся кризисом глобализации³⁵⁸.

По этой причине экзистенциальный кризис человека сегодня можно рассматривать в том числе как один из этапов индивидуального развития человека, его возникновение актуально для совершенно здоровых людей, которые в процессе познания выходят за границы своего Я. В то же время, этот кризис может быть актуален для людей, которые так и не нашли своего Я. С одной стороны, экзистенциальный кризис является результатом недостаточно развития Я (в нарциссической культуре), а с другой стороны он может быть результатом высокого уровня развития человека, ведущего его к самоактуализации. В обоих случаях имеет место моральная дезориентация, нарушение адаптации, в силу отсутствия или потери границ своего Я.

Показательным примером служит кризис, с которым сталкиваются студенты ко второму и третьему году обучения³⁵⁹. Учёба может быть бессмысленной и становится с точки зрения обучающихся абсурдной. Обучающийся может терять смысл обучения при выполнении безрезультатной работы на протяжении длительного и сложного образовательного процесса. Человеческое Я в этих условиях, в процессе вопрошания самого себя к себе, сталкивается с проживанием отрицательных экзистенциалов (одиночества, страха, смерти), продолжительный характер проживания которых, в отдельных случаях, может приводить к кризису экзистенции, и к радикальным решениям в отдельных случаях.

Поэтому очень важно, чтобы молодым людям в процессе обучения оказывалась психологическая поддержка на экзистенциальном уровне. Проблема, возникает ещё и в том, что по данным исследований около половины преподавателей считают обсуждение экзистенциальных проблем студентов

³⁵⁷ Ямщиков С. В., Мельникова Н. Е., Король М. П., Боклагов Е. Н., Казанская И. В. Экзистенциальный кризис цифровой эпохи: спасёт ли ВУЗ человека? // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 75.

³⁵⁸ Гаранина О. Д. Экзистенциальные проблемы России в контексте кризиса глобализации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4 (96). С. 18.

³⁵⁹ Леонова Е. Н. Экзистенциальная природа кризиса студентов третьего курса // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 221.

неэтичным³⁶⁰. Современные общественные институты, охваченные anomie постиндустриального общества, не предлагают выхода из сложившейся ситуации. Так Я студента, вышедшее за собственные границы, в процессе индивидуального развития теряет собственное основание. В результате люди, сталкиваясь с кризисным состоянием, определяются окружающими в качестве «психически больных», становясь объектами дисциплинарных практик, направленных на ограничение их развития. По этой причине А. Лэнгле отделял людей с «потерянным Я», от людей с «недостаточно развитым Я»³⁶¹, т.к. это две совершенно разных структуры экзистенциального кризиса. В одной человек ещё не обрёл своё Я, а в другой он выходит за границы своего Я в результате процесса духовного роста.

Из сказанного следует сделать вывод, что, будучи отчуждённым от общественных институтов человек также начинает испытывать экзистенциальный кризис. Жизнь может стать осмысленной через обращение к самому себе и окружающим людям. Обретая смысл жизни, человек переживает положительные экзистенциалы (веры, надежды, любви), а теряя их, находясь в кризисных ситуациях, он переживает отрицательные экзистенциалы (одиночества, страха, смерти). Экзистенциальный кризис с этой точки зрения является процессом, при котором не происходит смены переживания одних экзистенциалов другими и выхода из ситуации, при которой негативные экзистенциалы давят над структурой личности.

Это в значительной мере коррелирует с предложенной Э. Дюркгеймом моделью двух форм социальной солидарности – механической и органической. На наш взгляд, здесь и обнаруживается ключевая проблема отчуждённости, которую в наиболее полной мере раскрыл К. Маркс, выделив ключевые формы отчуждённости в их причинно-следственной связи и последовательности: отчуждённость от средств и продукта труда, от процесса труда, от людей вокруг и

³⁶⁰ Леонова Е. Н. Экзистенциальная природа кризиса студентов третьего курса // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 222.

³⁶¹ Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей / пер. с нем.; вступ. ст. С. В. Кривцовой. М.: Генезис, 2005. С. 68.

от себя самого³⁶². Но уже в современную цифровую эпоху³⁶³, характеризующуюся кризисом глобализации постиндустриального общества, человек, не находя своего Я в нарциссической культуре бессмысленно существует, сливаясь с информационными потоками средств массовой информации. Однако, важно учитывать, что самолюбование – это признак того, что человек не успел встретить ничего подлинно великого в мире симулякров что примирило бы его со своим местом в мире. Самолюбование – свидетельство не встречи с самим собой, А свидетельство того, что человек живёт пока собой малым и не открыл в себе ни своё подлинное величие, ни свою подлинную ничтожность.

Человек в условиях отчужденности от средств и продукта своего труда (с точки зрения марксизма) утрачивает возможность самостоятельного участия в процессе труда посредством заинтересованного взаимодействия с другими участниками этого процесса и тем самым отчуждается также от собственного самостоятельного начала, фактически отчуждаясь от себя как от личности в процессе индивидуального развития. В индустриальном обществе отчуждение возникало в результате конвейерной работы, где результаты труда не принадлежали рабочему. В условиях анонии информационного общества, современный прекариат³⁶⁴ и креативный класс³⁶⁵ теперь не только могут быть отчуждены от результатов своего труда, но и вынуждены сталкиваться с переживанием тревоги в условиях общественной нестабильности, неопределённости и этической дезориентации.

Современный человек в информационном обществе становится деморализован нестабильностью своего положения, он испытывает одиночество и страх, абсурдность бытия. Человек перестаёт понимать, что является признаком хорошо выполненной работы, профессионализма, продвижения или личностного признания. В своём вопрошании к себе, в поисках внутренней опоры и

³⁶² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический Проект, 2010. С. 281.

³⁶³ Ямщиков С. В., Мельникова Н. Е., Король М. П., Боклагов Е. Н., Казанская И. В. Экзистенциальный кризис цифровой эпохи: спасёт ли ВУЗ человека? // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 75.

³⁶⁴ Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 10.

³⁶⁵ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. С. 84.

внутренней нормы, не имея оснований, характерных для традиционных обществ, он не может найти себя и обрести утраченное или так и никогда не обретенное Я.

Этот момент обобщается в исходных положениях феноменологической социологии А. Шюца, который опирается на тезис У. Джеймса о том, что любой из смысловых миров обладает определённой реальностью, покуда на него обращено внимание человека. Точнее, само обращение внимания является первым шагом в конструировании реальности, что буквально и есть проявление экзистенциалов. Речь идёт о реальности не в каком-то объективном плане, а именно в плане осмысляющей активности человека, направленной на другого человека в структуре социальной реальности³⁶⁶. Поэтому вытекающее утверждение о том, что эта реальность исчезает вместе с вниманием, отнюдь не является декларацией принципов солипсизма.

Модус «негативных экзистенциалов», опасен своей латентностью у людей, не обладающих достаточно развитым сознанием. И если у людей склонных к алкоголизации и наркотизации, он может протекать и наблюдаться в наиболее наглядной форме, с возможностью описания, то для людей, которые, как кажется, «имеют всё», больше характерно скрытое течение экзистенциального кризиса, приводящее к внезапным суицидам. Это специфическое духовное пространство человеческого бытия является на сегодняшний день незаметным, в том числе и для психологов и психиатров, которые вынуждены были ввести термин «скрытая депрессия»³⁶⁷, чтобы хоть как-то обозначить для себя этот дискурс в рамках клинического подхода.

В. Франкл в своём исследовании ситуации личностного кризиса (часто также имеющего латентный характер), выражающегося в попытках суицида, констатирует, что 85 % опрошенных не могли найти смысл своей жизни³⁶⁸. Интересно отметить, что цитируемая работа австрийского психолога написана в 1946 г., а приведённая статистика взята из исследований 1930-х гг., когда

³⁶⁶ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 55.

³⁶⁷ Тажиева З. Г. Скрытая депрессия // Тюменский медицинский журнал. 2012. № 3. С. 24.

³⁶⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла / общ. ред. Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. С. 5.

население США ещё не оправилось от последствий Великой депрессии. Соответственно, можно предположить наличие связи между общественными и личностными кризисами молодых людей из внешне вполне благополучных семей и находящихся в возрасте, когда разочарование в жизни, казалось бы, ещё не должно наступить. Это очередной пример того, как люди, потерявшие своё Я, «проживая» негативные экзистенциалы, массово впадают в депрессию, т.к. не могут найти свой смысл жизни.

В условиях современного постиндустриального общества экзистенциальный кризис аналогичным образом проявляет себя в период общественных потрясений, например в период пандемии COVID-19, выражавшийся переживании смерти и одиночества на индивидуальном уровне³⁶⁹.

В условиях аномии информационного общества кризисное состояние общественных институтов приводит к появлению большого количества людей, находящихся на ранних этапах развития сознания. Такие люди становятся неспособны совладать с переживанием отрицательных экзистенциалов, что приводит к возникновению пограничных психических состояний, проявляющихся в девиантном поведении, что в свою очередь усиливает аномию в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Совершенно очевидным становится тот факт, что люди, находящиеся на ранних этапах развития сознания, нуждаются в образовании. По Г.В.Ф. Гегелю «чувственное сознание как непосредственное. Отношение на этой ступени к предмету выражено в форме простой достоверности»³⁷⁰. Такие люди становятся подвержены аномии информационного общества в большей степени, чем люди, которые им обладают. Однако, на сегодняшний день остаётся открытым вопрос о том, что представляет из себя человеческое сознание, которое появляется в процессе индивидуального развития человека и не даётся ему от рождения.

³⁶⁹ Мохов В. А., Бабушкина С. Л. Особенности переживания экзистенциального опыта и его связь с тревожностью в период пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 36.

³⁷⁰ Барсуков И. С. Диалектика сознания в «Феноменологии духа» Гегеля // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 2. С. 260.

Таким образом, для преодоления проблемы неосознанности людей в условиях анонии информационного общества, необходимо волевое конституирование человеком самого себя в процессе приобретения нового опыта посредством игровой культурной деятельности, что ведет к самопознанию и обретению личностно значимых смыслов, релевантных индивидуальным возможностям, целям и стремлениям. Это становится возможным благодаря развитию здравого смысла, способности суждения и вкуса в процессе образования³⁷¹.

В работах «Генезис мужского и женского сознания»³⁷², а также «Философско-антропологические аспекты нарциссизма» позволили нам сформировать достаточную теоретическую базу, чтобы ответить на этот вопрос в работе «Генезис женского и мужского сознания. К вопросу о природе сознания» (которая согласована и планируется к выходу в июне 2026).

Истоки нашей гипотезы исходят из миметической теории происхождения речи Мерлина Дональда, подробно представленной в работе «Истоки современного сознания». В этой работе автор указывает, что задолго до появления речи, для человечества была характерна миметическая (подражательная) культура, которая брала своё начало с *homo erectus*. Л.В. Суркова, становясь на позицию Дональда, также отмечает способность наших предков «координировать сложные виды деятельности и передавать опыт без вербального обмена»³⁷³.

Изменения современной парадигмы требует пересмотра данной теории на основании выводов современных исследователей. Так, например, как будет показано в статье, появление речи актуализируется уже в период 2-1,7 млн лет назад, а это означает, что период актуализации миметической теории смещается на более ранний период, предшествующий появлению *homo erectus*. На наш

³⁷¹ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 50.

³⁷² Долгицкий О. Д. Генезис женского и мужского сознания // Kant. 2024. № 4 (53). С. 191.

³⁷³ Суркова, Л. В. Дональд М. Эволюция современного разума / Л. В. Суркова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия. — 1996. — № 2. — С. 61. — Реф. на кн.: Donald M. The Modern Mind in Evolution // Queen's Quarterly. — Kingston, 1992. — Vol. 90, № 1. — P. 153—161.

взгляд подход Дональда корректен в том смысле, что доречевое взаимодействие действительно имело место, но актуализировалось несколько раньше, о чём свидетельствует значительный рост разнообразия родов homo, причиной которого было доречевое взаимодействие (непосредственное эмоциональное общение людей), о произвольности которого свидетельствует гregarный (групповой отбор). В этом смысле, можно с уверенностью утверждать, что он был характерен для женщин, однако говорить о том, что он уже был характерен для мужчин, мы не можем.

Сознание человека в широком смысле представляет из себя совместные произвольные деятельности, к числу которых относятся: непосредственное эмоциональное общение, сюжетно-ролевая игра, интимно-личностное и осмысленное общение; а также произвольная орудийная деятельность, к которой относятся: предметно-орудийная, учебная и профессиональная деятельности.

В узком смысле сознание – это совместная произвольная работа высших психических функций эмоций, памяти, внимания, мышления, речи, опосредованных языком.

Источником сознания является культура, опосредующая природу, общество и отношения между ними, представленная символами и знаками. Данная форма трактовки сознания является онтологической, т.к. «основывается на идее, согласно которой сознание включает в себя внешние структуры и процессы»³⁷⁴, а также выступает «феноменальной данностью самого мира»³⁷⁵.

Основную методологическую базу для определения психических функций мы выделяем через труды Л. Выготского о мышлении и речи, Д. Эльконина о периодизации развития, выделяющие ведущие типы деятельности в рамках периодизации развития, и Р. Лурии как основателя нейропсихологии доказавшего и связавшего психическую деятельность и деятельность головного мозга.

³⁷⁴ Керимов Т. Х. Социальная философия: учебник / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 194.

³⁷⁵ Там же. С. 190.

В рамках данного подхода мышление и внимание в рамках определения выступают в качестве психических функций, сочетанная работа которых в рамках игровой деятельности представляет из себя сознание, позволяющее ребёнку вести себя произвольно в рамках игровой деятельности.

Это приводит к снижению уровня девиантного поведения так как в процессе следования правил человек действует не только в рамках «механической» памяти, но также становится способен понимать их благодаря мышлению и соблюдать их благодаря вниманию.

В условиях глобального кризиса (как сегодня) сознание является чрезвычайно важным условием для снижения риска девиаций. Важно напомнить, что основными формами девиантного поведения являются: алкоголизм, наркомания, криминальное поведение и особенно суициды. Наличие произвольности мышления и внимания значительно снижают риск их развития.

Мертон отдельно выделяет целый ряд форм девиантного поведения самым сложным и проблемным является «ретритизм» (бегство, выраженного в вышеуказанных формах). Здесь основная проблема, когда человек в силу недостаточного психологического развития становится неспособен вести себя как взрослый в сложных ситуациях.

Тотальная инфантилизация является на сегодняшний день основной причиной заполняемости тюрем. Основные статьи: хранение наркотиков (ст. 228 УК РФ), кражи (ст. 158 УК РФ) и тяжкий вред здоровью (ст. 111 УК РФ).

Безусловно в этих выборках есть штрейкбрехеры (по Хёйзинга), таких людей в целом достаточно много, ирония в том, что именно такие люди обычно находятся на свободе или квалифицируются другими статьями.

В рамках Франкфуртской школы мы ведём речь об инстанции Я, которая формируется в период от 3-7 лет, также как и в периодизации Выготского-Эльконина, речь идёт об аналогичном периоде. Подробнее мы этот вопрос изучили в работе «Философско-антропологические аспекты нарциссизма».

Герои детективных романов преступники-интеллектуалы являются обычными штрейкбрехерами по Хёйзинга, поведение которых обусловлено структурой талиона (этот вопрос мы также проработали в статье «Отчуждение ответственности человека»³⁷⁶ и «Объективация ответственности человека», которая выходит в следующем номере «Вестника ОмГПУ»³⁷⁷).

В рамках нашего диссертационного исследования мы связываем достаточно конкретный период развития (3-7 лет), с развитием достаточно конкретных психических функций (внимания и мышления), недостаток развития которых способствует росту девиантного поведения, выраженного в конкретных поведенческих формах (алкоголизм, наркомания, криминальное поведение, суицид).

Рассмотрение связи аномии и талиона требует отдельного диссертационного исследования, возможно в рамках докторской работы.

Одним из самых важных процессов, в процессе формирования осознанностей и сознания является процесс опосредования, где внешние знаки культуры в процессе деятельности интериоризируются (уходят или «сворачиваются» во внутренний план), тем самым далеко не всегда принимая осознанный характер, формируя не только сознание, но и структуры бессознательное человека³⁷⁸. В этом проявляется основная функция культуры, как идеалообразующей стороны человеческой деятельности.

Важно отметить, что проблема опосредования являлась предметом в трудах таких философов, как Ф. Бэкон, И. Кант, Г. Гегель, В. Дильтей, Д. Дьюи и др. Современные исследователи, такие как Ч.Х. Джадд, А. Бергсон, М. Коул и Э.В. Ильенков со своей стороны указывали на высокий уровень значимости опосредования в развитии орудий труда на процесс формирование сознания, т.к. с одной стороны сам процесс их создания требует наиболее высокого уровня

³⁷⁶ Долгицкий О. Д. Отчуждение ответственности человека // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 4 (49). С.25.

³⁷⁷ Долгицкий О. Д. Объективация ответственности человека // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 1 (50). С. 21.

³⁷⁸ Варыгина Л. Б. Значение структуры в теории бессознательного Ж. Лакана, З. Фрейда и К. Юнга // Kant. 2022. № 1 (42). С. 117.

развития психики, а с другой – их использование позволяет преобразовывать природу, адаптируя её под общественные нужды, тем самым делая его частью общества, создающего культуру, которая, в свою очередь опосредует и формирует высшие психические функции человека. Именно поэтому человек научился не только строить сложные дома и покорять Космос, но и вступать во взаимодействие с любыми видами птиц, растений, животных, грибов, бактерий, вирусов и.т.д.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе индивидуального развития и возникновения личностных кризисов, которые актуализируются в результате взросления, человек в процессе взаимодействия с окружающими людьми сначала руководствуется внешними знаками, представленными в виде образцов и норм культуры, которые в результате процесса интериоризации выступают в качестве внутреннего средства ориентировки опосредуют эмоции, память, внимание, мышление и речь, которые начинают носить произвольный характер, тем самым свидетельствуя о наличии сознания. Однако, в условиях гетеронормативности единого информационного пространства, процесс формирования сознания человека усложняется, что приводит к росту девиантного поведения, что и является ведущим феноменом аномии.

2.3. Игра в становлении сознания и преодолении аномии на индивидуальном уровне

Сама по себе задача по преодолению аномии через формирование сознания в информационном обществе обусловлена необходимостью понимания того, как деятельность и труд человека становятся произвольными. Это знание может позволить применять на практике нормы и образцы культуры, в противовес потребительским ценностям информационного общества, приводящих к тому, что жизнь человека приобретает неподлинный характер и сводится к «потреблению и сверхпотреблению»³⁷⁹ информационных товаров и услуг в условиях нарциссической культуры информационного общества.

На сегодняшний день мы столкнулись с глобальным кризисом культуры, возникшим в результате высоких темпов информатизации, способствующей росту количества симулякров. Проблема в том, что выход из этого кризиса видится крайне сложным, т.к. в связи с тем, что он может длиться достаточно долго. Тем не менее, несмотря на недостаточность публикаций в этом вопросе, мы, всё же можем обратить внимание на тренд геймификации, затрагивающий не только сферу досуга и развлечения людей, но также норм и образцов культуры в целом. Не является секретом тот факт, что игра упрощает процесс обучения и способствует накоплению культурного опыта, делая поведение человека произвольным, благодаря тренировке внимания и мышления. Игра в данном случае выступает средством, позволяющим формировать сознание человека, готовя его к продуктивной творческой деятельности, способствуя снижению негативных аспектов аномии информационного общества.

В работе «Игра в бисер» Герман Гессе трактует игру, как способ преодоления кризиса духовной культуры³⁸⁰. Игра для него – это спасение и воспроизводство культурных традиций, совершенствование образования, науки и

³⁷⁹ Пряхин В. Ф. Глобализация и необходимость нового политического мышления // Вестник «ИМЦ». 2022. № 2 (35). С. 39.

³⁸⁰ Гессе Г. Игра в бисер / пер. с нем. С. Апта. М.: Изд-во АСТ, 2017. С. 25.

искусств, а также их синтез. В своем произведении Г. Гессе описывает три игры, среди которых: игра в бисер (требующая самопознания и самоотречения), игра в Кастилию (орден учёных) и игра с удвоенной реальностью. Сам Г. Гессе, в частности, признаёт невозможность двойного мира, в котором не налажены связи и общение между двумя мирами: реальностью и игрой. Главный герой романа Йозеф Кнехт, в конце концов уходит из Кастилии в реальный мир, полный страстей и несовершенства, но тем не менее, подлинный. В результате Кнехт проигрывает в игре с реальностью и Гессе ставит вопрос о соотношении связи между двумя мирами и о том, как они могут сосуществовать? В результате ответом на этот вопрос является сам человек, который способен перемещаться между двумя пространствами, перенося в себе смысл игры.

В Работе «Человек играющий» 1938 г. Йохан Хёйзинга представил игру не просто как часть культуры, он стал говорить об игре как о первичном и необходимом (хотя и недостаточном) условии возникновения культуры, о культуре как о том, что разыгрывается в игре. Смысл переворота в исследовании Й. Хёйзинга был сформулирован в тезисе о том, что игра является основным формирующим элементом человеческой культуры³⁸¹. Тема игры у автора развивается последовательно, на момент создания своей книги он был известен в ряду историков культуры своим произведением «Осень средневековья». Данная работа также имела революционный характер, т.к. вводила новые методы исследования культуры, а также обращалась к той части культуры средневековья, которая оставалась в тени другого рода исследований. В этой работе Йохан Хёйзинга рассматривал повседневное провинциальное умирающее средневековье. Его главный вывод заключается в том, что сочетание необходимой модернизации управления государственностью, увязшей в традиционализме, в сочетании с изнурительным включением постоянно растущего корпуса католических обрядов и народных верований в повседневную жизнь привело к распаду общества позднего средневековья. Это пролило свет на рост (религиозного)

³⁸¹ Хёйзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 20.

индивидуализма, гуманизма и научного прогресса. В этой работе он сделал ряд акцентов, которые потом отразились в работе «Человек играющий», в которой он начал представлять культуру не как череду взаимных этапов возрождения, где конец одной эпохи является началом другой, а как феномен, который рождается и умирает, после чего порождается совершенно новая культура. Также он уделяет пристальное внимание повседневности и ритуалам, тому, чем живут люди и чем именно они наполняют свою жизнь. Но понять интенцию работы «Человек играющий» сложно без учёта трактата «В тени завтрашнего дня», где он фиксирует кризис технической и материальной культуры на фоне научного прогресса, который сохраняет сегодня своё значение в работах современных исследователей³⁸². Кроме этого, в условиях аномии постиндустриального общества эти проблемы также актуальны и воспроизводятся на фоне информатизации в качестве кризиса текстовой культуры³⁸³. Другими словами, проблемы воспроизводства культуры в игровой форме или посредством игры, обозначенные Й. Хёйзинга и по сей день сохраняют свою актуальность и всё также остаются неразрешёнными.

В XX и XXI веке человеческое, духовное и культурное отстает от вещественного и материального, что в итоге приводит к разрушению человеческого мира, ценности которого исповедуются. Современный кризис, выражающийся в аномии информационного общества – это не только подрыв фундаментальных оснований европейской цивилизации, это ещё и понимание того, что мы уже не можем использовать прошлые средства для выхода из нынешнего кризиса, т.к. он является куда более сложным, а противоречия радикальными³⁸⁴.

По мнению Й. Хёйзинга, мы не можем верить в божественное пришествие или в апокалипсис, а также уповать на возвращение Золотого века. Более того, даже человеческий разум и устремление к новому в прогрессивном XX веке не

³⁸² Цветкова И. В., Евченко О. С. Кризис культуры в контексте развития техники // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 4. С. 63.

³⁸³ Розова О. А. Кризис текстовой культуры // IN SITU. 2022. № 12. С. 197.

³⁸⁴ Стрюченко И. Г. Культура и кризис современной мировой цивилизации // Россия и АТР. 2022. № 1. С. 26.

дают нам успокоения. В результате, единственным ответом на текущие события может выступать только игра, через которую человек может быть сопричастен к культуре, становясь её творцом. И именно по этой причине, в работе «Человек играющий» Й. Хёйзинга пытается схватить всё многообразие игр в мире, однако быстро понимает, что это невозможно. Он, в результате, рассматривает игру в ряде сфер человеческого бытия, благодаря которым они появляются. К их числу он относит язык, право, философию, театр и т.д. В результате он определяет игру, как «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости»³⁸⁵. Помимо определения игры, Й. Хёйзинга также даёт нам характеристики игры, в числе которых: свобода доступа к процессу игры; особое нереальное пространство игры, вне «обычной жизни»; особый порядок ритуалов, которым и является сама игра; отсутствие материальной заинтересованности игроков. В конце работы Й. Хёйзинга приходит к выводу, что, переставая играть или ведя нечестную игру, изменяя и предавая правила игры, человечество разрушает само себя, оно разрушает все фундаментальные институты, на которых базируется общество. Поэтому, чтобы выйти из кризиса, человечество должно возобновить человеческое игровое отношение по правилам, присущим игре, что позволит возродить творческое жизненное начало современной культуры.

После начала СВО 22 февраля 2022 года, мы обнаружили, что гражданам России стали массово запрещать проводить операции с криптовалютами на международных биржах³⁸⁶. Более того, выяснилось, что социальные сети, стриминговые платформы и даже ресурсы с принудительной анонимностью начали блокировать людей с иными взглядами, отличающиеся от взглядов владельцев данных ресурсов. Причина этого кроется в развертывании идеи Cancel

³⁸⁵ Хёйзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 152.

³⁸⁶ Конев Д. А. Модернизация преступной деятельности под развитием санкционных запретов // Образование и право. 2022. № 9. С. 275.

culture³⁸⁷, отказа от взаимодействия, а значит, и от совместной человеческой игры. Эти тенденции явно не способствуют переходу от информационного общества к обществу знания, эти тренды явно усугубляют проблему осознанности людей в обществе, что означает, что проблема аномии информационного общества будет только нарастать.

Характерен пример с Ф. Фукуямой, тезис которого в самом известном произведении о последнем человеке и конце истории можно истолковать как «игра закончилась», по истечении времени оказался несостоятелен и навлек на философа в итоге насмешки, показав его профессиональную недалёковидность. На мой взгляд, проблема заключается в том, что ряд философов предлагают отказаться от «старых категорий» семьи и даже более того, скинуть с себя ярмо всех общественных институтов: «освободитесь от доверия к старым категориям Негативного (закона, предела, кастрации, нехватки, лакуны)»³⁸⁸. Считается, что этот подход будет способствовать установлению равенства и справедливости, однако, на практике этого невозможно будет достигнуть в силу противоречий, заложенных как минимум в пространстве смыслов у разных людей.

Важно понимать, что развитие сознания и игровая деятельность как таковая не являются универсальным решением проблемы аномии информационного общества, они лишь позволяют снизить уровень её проявления, т.к. игра выступает в качестве подготовки к произвольной деятельности и труду. Массовое образование с помощью религии, науки и искусства не приведут к разрешению фундаментальных противоречий, которые способствуют тому, чтобы наш род сохранялся. Это противоречия в индивидуальных человеческих установках и смыслах, пока один человек желает безопасности, другой жаждет высоких достижений, сопряжённых с риском для жизни. Пока одни люди стремятся к созданию больших компаний и работе в дружных коллективах, другие предпочитают одинокую работу без общения с окружающими. Пока одни

³⁸⁷ Здановская Л. Б. Лингвокогнитивная репрезентация оппозиционных концептов Русский мир — Cancel Culture // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 7. С. 2327.

³⁸⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 9.

хотят навести порядок вокруг, другие хотят проявлять творческие порывы, деконструируя стереотипы. На наш взгляд – это противоречие в сфере человеческих смыслах заложено, как основание для дальнейшего развития. И это есть фундаментальное свойство аномии, присущее нам, как роду человека разумного.

Архетипы как «изначальные структурные элементы психики, действующие как структурообразующие элементы в бессознательном»³⁸⁹, которые представляют себя жизненный сценарий, разворачивающихся в жизни человека и призывающих человека играть определённую роль. Если мы признаём довлеющую силу бессознательных процессов над сознательным, то есть ли вообще смысл призывать к отказу от «старых категорий»? На наш взгляд, необходимо изучать эти категории, вникать в их сущность и взаимодействие, распознавая всё многообразие структур «коллективного бессознательного»³⁹⁰, как культурного феномена, который отражает опыт прошлых поколений³⁹¹, позволяющий преодолевать негативные аспекты аномии информационного общества. Речь здесь идёт о том, что в культуре изначально заложены сценарии, которые закрепляются не только в психике, но и в межличностном взаимодействии, что порождает воспроизводство структур общественных институтов. Это может быть фигура отца или матери в семье, воина в армии, правителя в государстве и т.д. Разумеется, мы можем призывать к критике этих структур, с целью формирования сознания и появления произвольности в поведении человека, однако отказаться от них полностью вряд ли возможно. Именно поэтому, игра, как подготовка к труду и деятельности, способствует адаптации человека к вызовам времени, приводя тем самым существующий образец или норму прошлого, в соответствии не только с настоящим, но и с будущим.

³⁸⁹ Бутолина О. А. Место К. Юнга в философской рефлексии мифа // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 16.

³⁹⁰ Голенок Г. В. Комплексы и архетипы // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 196.

³⁹¹ Там же. С. 197.

На индивидуальном уровне игра (как ведущая деятельность человека, по Д. Эльконину и Л. Выготскому) является ведущей деятельностью человека, в процессе которой он адаптируется к взрослому серьёзному труду. Раннее устоявшиеся паттерны поведения подстраиваются под социальную реальность, благодаря возможности совершать ошибки. Движущей силой этого процесса является удовольствие от игры. Поэтому данный процесс активно используется в психотерапии девиантного поведения у дошкольников в период «кризиса трёх лет» и подростков в период предподросткового возраста (11-12 лет). Также данный метод эффективно показывает себя в рамках множества других психотерапевтических практик, среди которых: транзакционный анализ, психодрама, а также геймификация, которая активно применяется в современных педагогических и корпоративных практиках.

Если смотреть с этой точки зрения на призывы к отказу от старых образцов и норм культуры, адаптированных к условиям информационного общества, то можно сделать вывод о том, что отказ будет приводить к расширению зоны аномии информационного общества и усугублению проблемы неосознанности людей в нем, т.к. они будут прибегать к стереотипам релевантных для более ранних эпох, в которых не было той скорости передачи данных и объёмов информации, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Причина этого кроется в том, что «архетипы постоянны, они не исчезают их невозможно подавить или вытеснить»³⁹², однако они могут видоизменяться в процессе игры, сохраняя при этом своё исходное содержание. Их игнорирование будет лишь способствовать росту невротизации людей и повышению тревожности, что также усиливает негативные аспекты аномии информационного общества.

Таким образом, для преодоления проблемы неосознанности людей в условиях аномии информационного общества, необходимо волевое конституирование человеком самого себя в процессе приобретения нового опыта

³⁹² Бойко О. А. Архетип «Тени» в искусстве XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3 (23). С. 15.

посредством игровой культурной деятельности, что ведет к самопознанию и обретению личностно значимых смыслов, релевантных индивидуальным возможностям, целям и стремлениям.

Человек, взаимодействуя с другими людьми, приобретает новый персональный опыт, позволяющий ему формировать представление о степени своей произвольности в обществе, осознать свое существование и почувствовать персональную ответственность за свою жизнь и убеждения, в противном случае человек будет проявлять девиантное поведение носящее «двойственную и противоречивую роль»³⁹³ и так и не сможет найти бытийственные смысложизненные основы, а значит и выход из экзистенциального кризиса, в условиях аномии информационного общества.

Игра, как мы указали выше, предстаёт перед нами не только в ансамбле общественных отношений, она также является ведущей деятельностью у человека в период от 3 до 7 лет, сохраняя в своём содержании все тезисы, которые приводили в своих трудах Г. Гёссе и Й. Хейзинга. Получая удовольствие от процесса игры при соблюдении её правил и получении конечного результата, человек начинает видеть этот процесс абстрактно, тем самым осознавая себя и свою социальную роль (при игре в ученика и учителя, доктора и пациента, водителя машины и машиной и т.д.). В этих условиях формируются отношения и базовые представления о переживаниях себя и других людей внутри них. Это становится возможно благодаря преодолению феномена «познавательного эгоцентризма», который, судя по всему, выступает в качестве признака отсутствия произвольности мышления и внимания.

«Познавательный эгоцентризм»³⁹⁴, характерен тем, что ребёнок на этапе дошкольного развития не способен встать на точку зрения другого и в связи с этим не может справиться с задачами, поставленные ему в рамках эксперимента. Так, Д. Эльконин, автор общепринятой в России периодизации развития детей,

³⁹³ Мартыненко С. В., Карпова С. Г. Девиантное поведение личности в условиях новой социальной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №4. С. 63.

³⁹⁴ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 324.

отмечает, что «основной парадокс при переходе от предметной игры к ролевой заключается в том, что непосредственно в предметном окружении детей в момент этого перехода существенного изменения может и не произойти»³⁹⁵. В рамках эксперимента было установлено, что преодоление познавательного эгоцентризма, становится возможно, когда у ребёнка в данный период индивидуального психологического развития формируют представление о членах семьи, их функциях и ролях в ней³⁹⁶. Т.е. отказ от семьи, совершенно очевидно, негативным образом сказывается на процессе формирования сознания и именно семья является источником его появления.

Сегодня, когда человек живёт в условиях трансформации института семьи, находящегося в кризисном состоянии, сопровождающимся эпидемией нарциссизма³⁹⁷ в условиях нарциссической культуры информационного общества, количество людей, с сохраняющимся когнитивным эгоцентризмом и клиповым мышлением (характерным для поколения Z³⁹⁸) будет только расти, если не предпринимать никаких действий, т.к. «проблема воспитания уже есть»³⁹⁹. Главной проблемой инфантилизации населения является внушаемость, а это значит люди становятся более подвержены к управлению извне. Это приводит к появлению таких деструктивных и негативных феноменов как «игры смерти», это приводит к росту уровня мошенничества на территории России.

Высокая степень внушаемости у инфантильного населения создаёт высокий уровень риска девиантного поведения внутри общества, одним из маркеров которого являются суициды. С. Жижек исследуя инфантильного персонажа Лоуренса фильма «Цельнометаллическая оболочка»⁴⁰⁰, приходит к выводу о том, что, если субъект начинает воспринимать ритуалы и образцы культуры слишком

³⁹⁵ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 322.

³⁹⁶ Там же. С. 325.

³⁹⁷ Марченко Ф. О., Маховская О. И. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. №4 (35). С. 116.

³⁹⁸ Мартишина Н. И., Пермякова Т. В. Рационально-критическое мышление как «фонд бытия» человека // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 27.

³⁹⁹ Черняков А. А. Воспитание в университете: нонсенс или необходимость? // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 49.

⁴⁰⁰ The Pervert's Guide to Cinema: trailer [Электронный ресурс]. — 2009. — Режим доступа: <http://www.thepervertsguide.com>.

буквально, не понимая их скрытых смыслов и контекстов, не подвергая их изменению и адаптации к реальности, он приходит к саморазрушению. Во многом это очевидный вывод, потому как если не знать, как пользоваться топором, используя бездумно ритуалы из массовой культуры – можно отрезать себе палец.

Осознанно вставая на позицию других людей, человек сможет обрести ответственность, прощать, надеяться, обещать и исполнять обещания, клясться и соблюдать клятву, чтобы оставаться верным. Сделать это будет возможно благодаря повышению уровня культуры и образования, ведомой посредством трансляции образовательного контента в информационном обществе.

Негативным примером, подтверждающим верность данной модели, является феномен так называемых «групп смерти», актуализировавшийся в 2019 году. Участники групп смерти в социальных сетях вступали в игровое взаимодействие, заканчивающееся самоубийством игроков. Причина такого поведения связана с тем, что игра в поведении детей носила произвольный характер, в связи с чем их поведение регулировалось извне с помощью геймификации. Детям просто давали задания в формате квестов, а они их выполняли в соответствии с нормами и образцами культуры, которые изобретались на ходу и навязывались им извне.

Антрополог и психоаналитик Е. Финк отмечал, что философско-антропологический феномен игры «пронизывает другие основные феномены человеческого»⁴⁰¹. При этом он задается вопросом: «игра остаётся основным феноменом и для других возрастов»⁴⁰²? Сегодня мы можем дать ответ на этот вопрос – игра, в качестве философско-антропологического феномена, может проявляться и во взрослом возрасте, более того, современные педагогические практики подразумевают использование феномена игры в процессе обучения, подготавливая ребёнка к труду. По этой причине сегодня мы наблюдаем

⁴⁰¹ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон; ред. пер. Л. Фуксон. М.: КанОН+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 338.

⁴⁰² Там же. С. 341.

геймификацию социальных практик⁴⁰³, которая, однако вызывает огромное количество проблем. Причина кроется в том, что игра, как антропологическое свойство проявляется не через структуры общественных институтов, а актуализируется в виртуальных мирах, созданных для извлечения прибыли и ничего больше. Игра, таким образом, не готовит ребёнка к взрослой жизни, а наоборот – способствует сохранению его детскости, представленной в дальнейшем через инфантильность во взрослом возрасте.

Другой, не менее актуальный пример – это, с одной стороны, индустрия видеоигр как синтетический текст культуры и форма интерактивности. Освещая проблему экзистенциального кризиса, В. Франкл отмечал следующее: «Человек, страдающий от экзистенциальной фрустрации, не знает, чем заполнить этот экзистенциальный вакуум»⁴⁰⁴ поэтому прибегает ко всем доступным ему средствам. Таким средством, как мы видим, сегодня являются игры. Ещё одним актуальным примером является появление «кибер-мета-вселенной»⁴⁰⁵, которая напрямую позиционируется как спасительная лагуна для людей, чья жизнь недостаточно наполнена смыслом, позволяющим проживать ее наполнено и ярко.

Однако, в этой связи возникает следующий вопрос – можно считать релевантным опыт трудовой деятельности как феномена человеческого бытия, и взаимодействия внутри игровых механик как таковых, внутри виртуальных пространств, которые также ведут к интеллектуальному напряжению, получению результатов и предлагают внешнюю оценку соответствия затраченных усилий?

Например, игроки компьютерных игр тратят огромное количество времени на иллюзию формирования самореализации посредством продвижения внутри игровых механик, которая не трансформируется в труд. В рамках житейского опыта подобные практики можно назвать трудом, на базе которого человек мог бы приблизиться к самореализации. Однако, в рамках философско-

⁴⁰³ Мамедов А. К., Коркия Э. Д. Геймификация социальных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 2. С. 215.

⁴⁰⁴ Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / пер. с англ. С. С. Панкова. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011. С. 68.

⁴⁰⁵ Понкин И. В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд // International Journal of Open Information Technologies. 2023. № 1. С. 124.

антропологического анализа мы можем прийти к выводу о том, что это иллюзия, так как происходит подмена подлинного общественного взаимодействия и самопознания на виртуальную реальность, которая не может быть адекватно соотнесена с опытом проживания внутри общества. Здесь, собственно, и возникает условие для формирования аномии информационного общества, в культуре которой виртуальные игровые механики преподносятся как полноценная замена реального опыта и источник социального одобрения, что ведёт к росту гетеронормативности.

Но есть и другая точка зрения, где отмечается, что роли в компьютерных играх, которые отыгрывает игрок, можно также экстраполировать на реальную жизнь⁴⁰⁶. А так как креативность человека, всё ещё остаётся неподвластной цифровизации⁴⁰⁷, возникает надежда на то, что человечество сможет использовать во благо цифровое пространство, чтобы в результате через него социализироваться к условиям информационного общества.

Игру можно обозначить как ключевой феномен, лежащий в самых основах психики человека. Зигмунд Фрейд в работах «Толкование сновидений»⁴⁰⁸ и «Остроумие и его отношение к бессознательному»⁴⁰⁹ приходит к выводу о том, что благодаря толкованию сновидений и юмору происходит психологическая «разрядка» сознания субъекта вследствие снижения уровня нервного напряжения. Работа сознания в этом случае происходит на уровне лингвистической языковой игры, в основе которой лежит перебор омонимов (языковой каламбур), аналогий и поиска аналогичных структур смыслов. З. Фрейд пишет о том, что смысл сновидения «ускользает» от человека, а задача аналитика его «поймать, уловить». В этом случае мы также можем говорить о феномене игры в которую вступает психоаналитик, которая ведётся по простейшим правилам, свойственным как людям, так и животным. По этому принципу также работал Ж. Лакан,

⁴⁰⁶ Горбунов А. С., Яковлева Ю. Ф., Нигматуллин А. У., Мухамадеев А. С., Буёв З. В. Отражение философской дилеммы «занавес неведения» в современной культуре // Социология. 2023. № 3. С. 23.

⁴⁰⁷ Масланов Е. В. Креативность и цифровизация // Epistemology & Philosophy of Science. 2022. № 3. С. 43.

⁴⁰⁸ Фрейд З. Толкование сновидений. Обнинск: Титул, 1992. 447 с.

⁴⁰⁹ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / пер. Р. Ф. Дудельцев. М.: Азбука Аттикус, 2022. 618 с.

выделивший силу означаемого в языке, отражая общество и природу в сознании человека.

Эрик Берн, в работе «Игры в которые играют люди, люди, которые играют в игры»⁴¹⁰ описывает психологическую теорию структуры личности человека, которая прокладывает путь к пониманию внутриличностных проблем человека посредством Трансактного анализа, в котором дается интерпретация поведения человека на основе трёх психических состояний «Я»: родитель, взрослый и ребёнок. Трансактный анализ использует межличностный анализ, чтобы позволить людям интерпретировать свое восприятие реальности и своих взаимодействий и сформировать свой собственный жизненный путь. Э. Берн рассматривает повторяемость жизненных сценариев в соответствии с самоопределяемой и декларируемой обществом ролью, которые люди воспроизводят в своём окружении, вовлекая и окружающих к воспроизводству повторяемого жизненного сценария. По своей сути выстраивание личностью отношений есть хронотоп, который обозначают как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений»⁴¹¹. Так хронотоп художественного времени отличается от пространственно-временного континуума физического мира также, как хронотоп игры отличается от хронотопа повседневной деятельности. Цель трансактного анализа – осознать свое положение в этой воспроизводящейся раз за разом игре и выйти из повторяемого сценария межличностных отношений. При невозможности осознания своего Я, находящегося в определенной позиции, нет возможности выйти из предзаданных условий и ролей, человек становится заложником обстоятельств, что ведет к негативным экзистенциальным переживаниям. Например, алкоголизм рассматривается в рамках трансактного анализа, а как роль в триаде разыгрываемого сценария со следующими ролями: алкоголик, защитник алкоголика и преследователь алкоголика. Таким образом, выход из

⁴¹⁰ Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 1964. 576 с.

⁴¹¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: сб. М.: Художественная литература, 1975. С. 234.

экзистенциального кризиса Э. Берн видит в осознании себя и своей позиции относительно окружающих, и волевым выходом из хронотопа предзаданных сценариев. Обретение личностной автономности в данном случае сопряжено с проблемой индивидуального развития человека, и является следствием выхода из кризиса, преодоление которого стало главной задачей психоанализа. Речь идёт о кризисе периода от трёх до семи лет, для которого игра является ведущим типом деятельности. Психоанализ определяет этот период как основу формирования двух комплексов – комплекса Электры и Эдипова комплекса, успешное разрешение которых является ключевым для психического здоровья человека и преодолению всех невротических заболеваний, в этот же период формируются волевые функции человека, относящиеся к деятельности сознания, а также морально-этические категории, связанные с деятельностью Сверх-Я. В этом смысле Э. Бёрн, стоящий на позициях психоанализа, делает акцент именно на преодолении структуры детско-родительских отношений, формирующихся именно в период от трёх до семи лет, чтобы в последствии человек мог перейти из фаллической стадии (с точки зрения периодизации психосексуального развития З. Фрейда) на генитальную стадию, для которой характерно взрослое и сознательное взаимодействие, выстраивающееся на базисе из игровой деятельности. З. Фрейд считает, что во время Эдипова комплекса Я претерпевает глубокую модификацию, в результате которой возникает Сверх-Я. Сверх-Я воплощает наиндивидуальные культурные интенциональности, которые определяют моральные и религиозные установки человека, нормы поведения и этические запреты. Функциями Сверх-Я являются совесть, самонаблюдение и формирование идеалов человека.

В отличие от Э. Берна, М. Бахтин, также, как и Й. Хёйзинга видит игру как то, что позволяет человеку творить культуру, но также как возможность творить карнавал и профанацию, которая ведёт к отказу от негативных аспектов повседневности. Высмеивание через карнавальную культуру, проигрывание событий в ином хронотопе и рефлексия повседневной жизни в художественном

мире по М. Бахтину, позволяет отказываться от негативных аспектов повседневной жизни. По этой причине Э. Берн и М. Бахтин представляют собой диаметрально противоположные взгляды на соотношение жизни и игры. Сегодня данный процесс актуализируется в киберпространстве в рамках феномена «киберсмеха»⁴¹², который также порождает язык и современную культуру Интернета.

Две эти диаметрально противоположные точки зрения могут быть упорядочены с точки зрения аналитической психологии К.Г. Юнга и его последователей, в которой игра может быть раскрыта в качестве проигрывания мифологического сюжета, в котором субъект может представлять в том или ином архетипе, примеряя мифологические роли на себя. Если субъект принимает на себя роль, следует сюжету мифа, то он откликается на зов бытия, преодолевает все трудности и обретает награду в конце пути⁴¹³. Если же он этого не делает, то путь начинается заново, и он вынужден повторять его снова и снова, пока не осознает себя и смысл своей роли.

Для снижения уровня аномии в информационном обществе, необходимо прибегать к игре как средству формирования сознания человека, которое позволяет корректировать нормы и образцы культуры, готовя его тем самым к труду. Причина кроется в том, что с одной стороны игра является ведущей деятельностью человека, в процессе развития которой возникает произвольность внимания и мышления. А с другой стороны игра, как общественное действие является нормообразующим и культуурообразующим фактором. Однако, здесь мы сталкиваемся с двумя аспектами игры, понимая которые, мы сможем решить проблему аномии информационного общества. С одной стороны человек должен иметь развитый навык игры, то есть быть образованным, а с другой, развитые игровые навыки позволяют использовать игру как основу для учёбы, межличностных отношений и серьёзного труда в реальном мире и виртуальных пространствах. Развитые навыки игры выступают здесь в качестве средства для решения практических задач на уровне межличностного взаимодействия (в

⁴¹² Федорова М. В., Ротанова М. Б. Религия и смех в цифровом обществе // Философия и культура. 2022. № 3. С. 34.

⁴¹³ Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018. С. 142.

первую очередь внутри семьи), и уже потом, выходя за его пределы, субъекты становятся способны решать более глобальные задачи сначала в рамках игровой деятельности в других сегментах информационного общества, а потом в рамках труда. Совместное усилие, направленное на создание пространств для игры у людей, готовящих их к взрослой жизни, продвижение методов игровой деятельности в процессе получения образования, а также использование деловых игр для решения производственных задач, может позволить справиться с anomie информационного общества. Это становится возможным благодаря развитию здравого смысла, способности суждения и вкуса в процессе образования⁴¹⁴.

Выводы по Главе 2

Процесс индивидуального развития человека, сопряжённый с преодолением личностных кризисов, актуализирующихся на различных этапах взросления, традиционно рассматривается как путь освоения норм и образцов культуры. В процессе взаимодействия с другими людьми и социальными институтами индивид изначально руководствуется внешними знаками, которые в процессе игры, а затем трудовой деятельности, интериоризируются, определяя тем самым личностные свойства и профессиональную компетентность человека. Знаки и образцы культуры, не только означают социальную реальность, но и также опосредуют высшие психические функции: эмоции, память, внимание, мышление и речь, которые обретая произвольный характер становятся феноменами сознания человека. социального по происхождению, культурного по содержанию.

В условиях anomie информационного общества, этот процесс радикально осложняется. Если в доиндустриальной среде нормы и образцы культуры были относительно целостными и транслировались общественными институтами (семьи, образования, религии, общины), то в информационном обществе человек погружен в среду конкурирующих, нередко взаимоисключающих нормативных

⁴¹⁴ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 50.

систем. Такого рода нормативная полифония негативно влияет на процесс освоения норм и образцов культуры, т.к. человек в этих условиях находится в состоянии перманентной дезориентации. Таким образом в экзистенциальное пространство становится полем столкновения множества противоречивых норм и образцов культуры, что негативно влияет на процесс формирования сознания человека. В этих условиях происходит обесмысливание бытия, способствующее появлению экзистенциальной тревоги и, как следствие, различных форм девиантного поведения, которые выступают не столько протестом, сколько признаками этой глубинной духовной дезориентации. Этот кризис социализации и формирования сознания и является ведущим, глубинным феноменом аномии информационного общества.

Для смягчения этого кризиса и снижения проявления аномии информационного общества, необходимо обратиться к антропологическому феномену игры, основной задачей которой является подготовка к труду. Её культурообразующая и нормообразующая функции, позволяют адаптировать в процессе индивидуального развития традиционные нормы и образцы культуры к условиям современного информационного общества.

Это становится возможным благодаря тому, что, во-первых, игра, как антропологический феномен, является ведущей деятельностью человека в возрасте от трёх до семи лет, в рамках которой формируется произвольность внимания и мышления, позволяющие соблюдать правила, удерживать роль, а также контролировать сиюминутные желания ради достижения цели игры, чему способствует получение удовольствия.

А во-вторых, игра как социальное действие, является нормообразующим и культурообразующим фактором. Она всегда происходит в рамках добровольно принятых, но обязательных для всех участников правил, создавая модель социального порядка, сначала на индивидуальном уровне, а затем на уровне всего общества. В процессе игры, взрослая серьёзная деятельность трансформируется,

адаптируясь к социальной реальности, тем самым делая её адекватной как исторической эпохе, так и конкретному общественному институту.

Таким образом, для разрешения проблемы аномии информационного общества необходимо осмыслить два взаимосвязанных аспекта игры. Первый аспект – игра как ведущая деятельность человека, выступающая в качестве подготовки к взрослому серьёзному труду. Она не должна восприниматься исключительно как форма досуга, направленного на получения удовольствия, с целью снижения уровня экзистенциальной тревоги человека в условиях аномии информационного общества. Это становится возможным благодаря развитию здравого смысла, способности суждения и вкуса в процессе образования⁴¹⁵.

Второй аспект раскрывает практическую ценность игры, в рамках которой осуществляется процесс адаптации норм и образцов культуры к условиям информационного общества, способствуя тем самым снижению уровня аномии сначала на антропологическом уровне, а затем на уровне информационного общества, тем самым способствуя его развитию.

⁴¹⁵ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 50.

Заключение

Аномия информационного общества проявляет себя как единое информационное пространство гетеронормативности, где потенциально может сформироваться любая структура норм. В этом пространстве любое поведение человека воспринимается другими людьми одновременно как нормальное и девиантное в связи с отсутствием общепринятых норм и образцов культуры в этом пространстве.

В пространстве гетеронормативности принятие ограничительных практик способствует усугублению негативных аспектов аномии, выражающихся в росте девиантного поведения. Поэтому, для снижения проявления негативных аспектов аномии информационного общества в информационном пространстве необходимо транслировать цивилизационные нормы и образцы культуры, способствуя повышению уровня культуры людей и снижению уровня аномии.

Таким образом в рамках сформулированного содержания философско-антропологической концепции развития аномии информационного общества мы установили, что в результате конвергенции общества потребления в информационное общество, значительно ускорился процесс передачи и потребления информации. В результате возникает симулякр духовной жизни человека, существующий по правилам интернет-маркетинга как организационной функции и совокупности процессов создания и продвижения товаров, информационных продуктов или услуг, а также аудио, видео и сенсорных знаков нарциссической культуры.

В процессе индивидуального развития и возникновения личностных кризисов, которые актуализируются в результате взросления, человек в процессе общественного взаимодействия сначала руководствуется внешними знаками, представленными в виде образцов и норм культуры, которые в результате процесса интериоризации выступают в качестве внутреннего средства ориентировки, опосредуют эмоции, память, внимание, мышление и речь, которые

начинают носить осознанный характер, тем самым свидетельствуя о наличии сознания. Однако, в условиях гетеронормативности единого информационного пространства, процесс формирования сознания человека усложняется, что приводит к росту девиантного поведения, что и является ведущим феноменом аномии.

Для снижения уровня аномии в информационном обществе, необходимо прибегать к игре как средству формирования сознания человека. Причина кроется в том, что с одной стороны игра является ведущей деятельностью человека, в процессе развития которой возникает произвольность внимания и мышления человека. Также игра, как социальное действие является нормообразующим и культуuroобразующим фактором. Однако, здесь мы сталкиваемся с двумя аспектами игры, понимая которые, мы сможем решить проблему аномии информационного общества. С одной стороны человек должен иметь развитый навык игры, то есть быть образованным, а с другой, развитые игровые навыки позволяют использовать игру как основу для межличностных отношений в реальном мире и виртуальных пространствах. Развитые навыки игры выступают здесь в качестве средства решения практических задач на уровне межличностного взаимодействия (в первую очередь внутри семьи), и уже потом, выходя за его пределы, субъекты становятся способны решать более глобальные задачи в рамках игровой деятельности в других сегментах информационного общества. Совместное усилие, направленное на развитие игры у людей, продвижение методов игровой деятельности в процессе получения образования, а также использование деловых игр для решения производственных задач, может позволить справиться с аномией информационного общества.

Однако предложенный путь преодоления аномии через игровую деятельность требует своего концептуального основания, которое невозможно без обращения к фундаментальному понятию культуры. Культура, предстает не просто совокупностью образцов и норм, но активным процессом порождения смыслов, ценностей и целей, которые конституируют человеческое бытие и

направляют его через труд. Именно дефицит или размывание таких разделяемых идеалов лежит в сердцевине любого аномического состояния, будь то в традиционном, индустриальном или постиндустриальном обществе. Причина кроется в сущностной культурной общности трех «эпох» – доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной.

Примечательно, что, несмотря на радикальные технологические и общественные различия доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной эпох, они обладают сущностной культурной общностью: каждая из них представляет собой попытку ответить на ключевые антропологические вопросы через формирование специфической системы идеалов, регулирующих коллективную жизнь и индивидуальное поведение. Информационное общество, являясь фазой постиндустриализма, не отменяет эту задачу, но усложняет ее условия, помещая процесс идеалообразования в хаотичное поле гетеронормативности.

В этом смысле, технологии являются активным фактором формирования нового типа субъективности. Так, например, огромное количество исследователей фиксирует сегодня рост информационного неравенства, который актуализирует проблему формирования общества знания. В этом смысле, люди, способные разделять ложную информацию от истинной в условиях когнитивных войн и развития искусственного интеллекта становятся способны к более высокому уровню адаптации к информационному обществу, в то время как люди, обладающие недостаточным уровнем образований, знаний и осведомлённости имеют значительно более высокий риск девиантного поведения в условиях аномии информационного общества.

Следовательно, стратегия использования игры как культуuroбразующего и нормообразующего фактора обретает свою полноценную значимость лишь в контексте целенаправленного труда культивирующего («возделывающего») идеалообразующую функцию. Игра в данном ракурсе – не просто инструмент социализации или развития когнитивных функций, это деятельность,

направленная на подготовку к созидательному труду, а также апробация новых идеалов и норм, своего рода «лаборатория культуры». В условиях, когда традиционные институты (семья, религия, классическое образование) утрачивают монополию на производство смыслов, игровая деятельность, особенно в ее коллективных и коммуникативных формах, может стать тем пространством, где в процессе взаимодействия людей «кристаллизуются» новые, но при этом разделяемые, нормы и образцы культуры. Развитый игровой навык, таким образом, – это не только умение следовать правилам, но и способность к со-творчеству этих правил, к выработке в совместном действии тех самых идеалов, которые и структурируют сознание через труд, противостоя его захвату симулякрами нарциссической культуры.

Таким образом, преодоление аномии информационного общества лежит на пути целенаправленного восстановления и активизации идеалообразующей функции культуры через ее ключевой инструмент – игру, как подготовку к труду. Это требует системных усилий по интеграции игровых методологий в образование, профессиональную деятельность и пространство межличностных коммуникаций, превращая игру из детского или сугубо развлекательного занятия в центральный практикум по выработке новых норм и образцов культуры. Только так гетеронормативность информационного пространства может быть не просто констатирована, но продуктивно преодолена сначала через игровую деятельность, а затем через труд, с использованием передовых орудий труда адекватных вызовам информационной эпохи, культурной общности, укорененной в совместной деятельности и разделяемых идеалах.

Список литературы

1. Абдурахманов, А. К. Недостатки массовой культуры / А. К. Абдурахманов // Форум молодых ученых. – 2017. – № 5 (9). – С. 32–34.
2. Абдулатипова, Э. А. Влияние коммуникаций в Интернете на процесс социализации молодежи / Э. А. Абдулатипова, И. С. Исламбекова, Р. М. Филимонов // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 5–10.
3. Августин, Аврелий. Трактаты о различных вопросах / Аврелий Августин. – М.: Центр библейско-патрологических исследований при Отделе по делам молодежи Русской Православной Церкви, 2005. – 352 с.
4. Агамбен, Д. Homo Sacer. Чрезвычайное положение / Джорджо Агамбен; пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой. – М.: Европа, 2011. – 148 с.
5. Агамбен, Д. Человек без содержания / Джорджо Агамбен; пер. с итал. С. Ермакова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 160 с.
6. Агошков, А. В. Социальная справедливость в русской литературе и фольклоре / А. В. Агошков // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 3 (21). – С. 270–294.
7. Азарова, Ю. О. Этика Канта и Де Сада в интерпретации Ж. Лакана / Ю. О. Азарова // Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/37028>
8. Алексеева, М. С. Диалектика индивидуального и общественного в концепциях смысла жизни российских мыслителей советского периода / М. С. Алексеева // Вестник БГУ. – 2021. – № 1. – С. 25–34.
9. Алташина, В. Д. Руссо и маркиз де Сад / В. Д. Алташина // Вестник РХГА. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russo-i-markiz-de-sad>

10. Андриюшина, Л. В. Человек как культурное животное в немецкой антропологии начала XX века / Л. В. Андриюшина // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 5. – С. 103–105.
11. Анисов, А. М. Современная логика / А. М. Анисов. – М.: [б. и.], 2002. – 273 с.
12. Антипина, А. С. Постмодернистская антропология: по ту сторону бессознательного / А. С. Антипина, В. А. Нехамкин, Г. В. Черногорцева // Гуманитарный вестник. – 2022. – № 1 (93). – С. 1–14.
13. Антонюк, Е. Ю. Кризис государства как становление нового государства? / Е. Ю. Антонюк, С. И. Трунев // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3-2. – С. 26–28.
14. Аригунова, Е. В. Потенциал феномена скуки / Е. В. Аригунова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 34–36.
15. Аристотель. Этика и политика / Аристотель; пер. с греч. Т. А. Миллер, С. А. Жебелева; предисл. и коммент. А. Маркова. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 448 с.
16. Аристотель. Метафизика; Политика; Поэтика; Риторика: трактаты / Аристотель; пер. с др.-греч. В. Аппельрота, С. Жебелёва, А. Кубицкого, Н. Платоновой. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2023. – 704 с.
17. Асеева, И. Кривое зеркало цифровизации / И. Асеева // Вопросы философии. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 25–33.
18. Асташова, Н. Д. Научный прекариат: индивидуализм против коллективизма / Н. Д. Асташова // Epistemology & Philosophy of Science. – 2022. – № 3. – С. 30–37.
19. Барановская, М. В. «Капитализм и шизофрения» и киберпространство / М. В. Барановская, В. М. Малкин // ПНиО. – 2015. – № 6 (18). – С. 67–71.
20. Барсуков, И. С. Диалектика сознания в «Феноменологии духа» Гегеля / И. С. Барсуков // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 2. – С. 257–262.

21. Басалаева, О. Г. Специфика информационной реальности в информационной картине мира / О. Г. Басалаева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29-1. – С. 76–81.
22. Батыков, И. В. Модели генезиса общества потребления: от товарного фетишизма к символическому потреблению / И. В. Батыков // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 11. – С. 23–34.
23. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: сб. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
24. Белик, И. Ю. Характеристика потребления информации в постиндустриальном обществе / И. Ю. Белик, И. А. Пивоварова // Молодой исследователь Дона. – 2021. – № 5 (32). – С. 85–88.
25. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
26. Беляев, Д. А. К вопросу о понимании идеи сверхчеловека в философии Ф. Ницше / Д. А. Беляев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 42–44.
27. Беляева, О. М. Полития как наилучшая форма правления, по Аристотелю / О. М. Беляева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1 (19). – С. 15–20.
28. Беляев, И. А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей: монография / И. А. Беляев. – Оренбург: ОГИМ, 2011. – 360 с.
29. Беломыщев, А. А. Проблематика социальной деструктивности в философской мысли второй половины XX века / А. А. Беломыщев // Социология. – 2021. – № 3. – С. 228–237.
30. Берн, Э. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М.: Эксмо, 1964. – 89 с.

31. Бинсвангер, Л. Экзистенциальный анализ / Л. Бинсвангер; пер. под ред. С. Римского. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. – 272 с.
32. Богатырев, К. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде / К. Богатырев // Юрислингвистика. – 2022. – № 24 (35). – С. 38–44.
33. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
34. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 105 с.
35. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
36. Бойко, О. А. Архетип «Тени» в искусстве XX века / О. А. Бойко // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 3 (23). – С. 15–23.
37. Бойков, В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян / В. Э. Бойков // СОЦИС. – 2004. – № 7. – С. 1–15.
38. Болдырева, Т. А. Недоверие в детерминации ковид-антиваксерских настроений / Т. А. Болдырева, А. В. Пригода // Вестник ОГУ. – 2022. – № 1 (233). – С. 83–91.
39. Бондарев, А. А. Особенности переживания чувства одиночества студентами из полных и неполных семей / А. А. Бондарев, Л. М. Миляева, М. А. Сергеева, А. С. Кубекова // КПЖ. – 2021. – № 2 (145). – С. 259–265.
40. Бочарникова, И. С. Самоубийство как радикальный политический протест / И. С. Бочарникова, А. Ю. Машковская // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 3. – С. 61–65.
41. Бурков, Р. Б. Отчуждение у Гегеля / Р. Б. Бурков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 15–23.

42. Бутолина, О. А. Место К. Юнга в философской рефлексии мифа / О. А. Бутолина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1. – С. 10–17.
43. Быченко, Ю. Г. Социальная справедливость как фактор экономического развития / Ю. Г. Быченко, Д. С. Лаврентьев // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – № 2. – С. 46–58.
44. Вавилова, Ж. Е. Философские смыслы виртуального гетто / Ж. Е. Вавилова // Век глобализации. – 2023. – № 1 (45). – С. 97–106.
45. Варыгина, Л. Б. Значение структуры в теории бессознательного Ж. Лакана, З. Фрейда и К. Юнга / Л. Б. Варыгина // Kant. – 2022. – № 1 (42). – С. 114–118.
46. Вахтина, М. А. Социальная справедливость как фактор экономического развития / М. А. Вахтина // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2016. – № 4 (31). – С. 22–30.
47. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знаний» = UNESCO World Report «Towards Knowledge Societies». – Париж: UNESCO, 2005. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843e.pdf>
48. Вульф, К. Антропология. История, культура, философия / К. Вульф. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 280 с.
49. Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио; пер. с фр. И. Окуновой. – М.: Гнозис: Прагматика культуры, 2002. – 192 с.
50. Гадамер, Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
51. Гагарин, А. С. М. Шелер: экзистенциал любви в антропологии сердечной интенциональности / А. С. Гагарин // Дискурс-Пи. – 2009. – № 1. – С. 57–60.
52. Гагарин, А. С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии / А. С. Гагарин // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12, ч. 2. – С. 70–73.

53. Гагарин, А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия / А. С. Гагарин // Антиномии. – 2009. – № 9. – С. 7–26.

54. Гаранина, О. Д. Экзистенциальные проблемы России в контексте кризиса глобализации / О. Д. Гаранина // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 4 (96). – С. 14–19.

55. Гегель, Г. В. Ф. Логика / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. Н. Дебольского. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 448 с.

56. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Г. Шпета. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2020. – 494 с.

57. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 152–200.

58. Гессе, Г. Игра в бисер / Герман Гессе; пер. с нем. С. Апта. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 510 с.

59. Гиниятова, Е. В. Нарциссизм в современной визуальной культуре: феномен селфи / Е. В. Гиниятова, К. А. Семенюк, О. М. Пономарева, С. Г. Запекин // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 35. – С. 5–13.

60. Гоббс, Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс; сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.

61. Голенок, Г. В. Комплексы и архетипы / Г. В. Голенок // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 195–200.

62. Голованов, Б. Д. С. Жижек о бессознательных предпосылках идеологии / Б. Д. Голованов, О. В. Фролова // Вісник Національного університету

«Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. – 2019. – № 2 (41). – С. 132–141.

63. Головки, А. И. Токсикологическая характеристика дизайнерских наркотиков из группы синтетических опиоидов / А. И. Головки, М. Б. Иванов, В. Л. Рейнюк, Ю. Ю. Ивницкий, В. А. Баринев, В. К. Бородавко // Токсикологический вестник. – 2019. – № 1 (154). – С. 3–11.

64. Горбунов, А. С. Отражение философской дилеммы «занавес неведения» в современной культуре / А. С. Горбунов, Ю. Ф. Яковлева, А. У. Нигматуллин, А. С. Мухамедеев, З. В. Буёв // Социология. – 2023. – № 3. – С. 20–24.

65. Горнова, Г. В. Культурные смыслы цикла «производство – потребление» / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (33). – С. 20–24.

66. Гофман, А. А. Устойчивое развитие России и мальтузианская ловушка / А. А. Гофман, А. С. Тимошук // Манускрипт. – 2021. – № 4. – С. 753–758.

67. Гринин, Л. Е. Глобальное старение и будущее глобального мира / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // Век глобализации. – 2020. – № 1. – С. 3–20.

68. Гюйо, Ж. М. Безверие будущего / Ж. М. Гюйо; пер. с фр. под ред. Я. Л. Сакера. – СПб.: Общественная польза, 1908. – 518 с.

69. Датиева, В. К. Применение мелатонина при нарушении сна / В. К. Датиева, Е. А. Ляшенко, О. С. Левин // СТПН. – 2015. – № 1. – С. 36–40.

70. Дашинимаев, Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность / Г. Ю. Дашинимаев // Вестник БГУ. – 2021. – № 1. – С. 19–24.

71. Девдариани, Н. В. Значение коллективного бессознательного и архетипов в механизме формирования культуры и цивилизации / Н. В. Девдариани // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20347>

72. Дедолко, Ю. В. Эволюция концепции человеческого капитала в контексте динамики этапов научного познания / Ю. В. Дедолко // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 5. – С. 8–17.
73. Декарт, Р. Рассуждения о методе; Начала философии; Страсти души / Рене Декарт; пер. с фр. – М.: Эксмо, 2019. – 560 с.
74. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
75. Делёз, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
76. Доватур, А. И. «Политика» Аристотеля / А. И. Доватур // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – С. 38–57.
77. Долгицкий, О. Д. Анализ изменений в сфере массовых коммуникаций на постсоветском пространстве / О. Д. Долгицкий, Л. Б. Варыгина, А. В. Вилковыский, А. Н. Свинцов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2025. – № 8. – С. 72–85.
78. Долгицкий, О. Д. Генезис женского и мужского сознания / О. Д. Долгицкий // Kant. – 2024. – № 4 (53). – С. 191–196.
79. Долгицкий, О. Д. Объективация ответственности человека / О. Д. Долгицкий // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2026. – № 1 (50). – С. 21–25.
80. Долгицкий, О. Д. Отчуждение ответственности человека / О. Д. Долгицкий // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2025. – № 4 (49). – С. 25–28.
81. Донских, О. А. Цифровизация в социокультурном измерении / О. А. Донских, В. В. Чешев, В. И. Клисторин, Л. Ю. Логунова, Н. И. Мартишина, Э. В.

Барбашина, В. И. Разумов, К. М. Курленя, С. И. Черных // Идеи и идеалы. – 2024. – № 4-1. – С. 206–227.

82. Дорошенко, С. В. Метод структурного тематического моделирования в исследованиях взаимосвязи между финансовой задолженностью и суицидами / С. В. Дорошенко, О. В. Санаева // Суицидология. – 2022. – № 1 (46). – С. 74–87.

83. Дроздов, В. В. Социальная справедливость: аксиологический аспект / В. В. Дроздов // Манускрипт. – 2016. – № 5 (67). – С. 73–75.

84. Дугин, А. Г. Четвёртая политическая теория / А. Г. Дугин. – М.: Амфора, 2009. – 352 с.

85. Думан, Е. Д. Особенности личности наркопреступника, больного наркоманией / Е. Д. Думан // Вестник ВУиТ. – 2013. – № 2 (78). – С. 48–55.

86. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. А. Гофман. – М.: Канон, 1996. – 432 с.

87. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр. А. Ильинского; ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

88. Ефимова, С. В. Власть в призме феномена правдоискательства (история и современность) / С. В. Ефимова // Власть. – 2011. – № 2. – С. 35–38.

89. Жигарев, Е. С. Природа личности преступника в контексте православной антропологии / Е. С. Жигарев // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 119–126.

90. Завгородняя, П. М. Эксперты или инфоцыгане: как блогеры продают свои курсы / П. М. Завгородняя // Социодиггер. – 2021. – № 5 (10). – С. 42–44.

91. Закирова, Т. В. Социокультурные функции социальной имитации / Т. В. Закирова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 353–356.

92. Закирова, Т. В. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией / Т. В. Закирова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 1. – С. 107–112.

93. Залоило, М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М. В. Залоило // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – № 4. – С. 65–73.
94. Здановская, Л. Б. Лингвокогнитивная репрезентация оппозиционных концептов Русский мир – Cancel Culture / Л. Б. Здановская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 7. – С. 2323–2327.
95. Зотова, А. С. Концепт общества потребления в современном коммуникативном пространстве рекламного дискурса / А. С. Зотова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2022. – № 1. – С. 129–131.
96. Жеребин, В. М. Потребление в информационном обществе / В. М. Жеребин, Н. А. Ермакова, О. Н. Махрова // Народонаселение. – 2009. – № 1. – С. 72–82.
97. Журавлева, Л. А. Интеллектуальный капитал как фактор повышения интеллектуализации труда / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина // АОН. – 2021. – № 2. – С. 1–6.
98. Журавлева, С. М. Нарциссизм или некрофилия? / С. М. Журавлева // Идеи и идеалы. – 2022. – № 1-1. – С. 230–244.
99. Зенин, К. В. О категориях нужды и чистоты сердца у С. Кьеркегора / К. В. Зенин // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 1 (7). – С. 9–20.
100. Зубов, В. В. Американское и советское влияние на особенности политического лидерства ФРГ, ГДР и объединенной Германии / В. В. Зубов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – № 6. – С. 113–119.
101. Зырянов, С. Г. Роль формальных и неформальных институтов в развитии гражданского общества / С. Г. Зырянов, А. Н. Лукин // Социум и власть. – 2020. – № 2 (82). – С. 7–18.
102. Илюшечкин, В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы) / В. П. Илюшечкин. – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 168 с.

103. Ильин, А. Н. Борьба идей в интерпретации явления массовой культуры / А. Н. Ильин // ОНВ. – 2009. – № 1 (75). – С. 102–104.
104. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас ; пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. – СПб.: Алетейя, 2018. – 312 с.
105. Кальней, М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе / М. С. Кальней // ЭСГИ. – 2017. – № 4 (16). – С. 37–41.
106. Камю, А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула: сборник / Альбер Камю; пер. с фр. – М.: АСТ, 2014. – 381 с.
107. Кант, И. Критика практического разума / Иммануил Кант; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2015. – 223 с.
108. Кара-Мурза, С. Г. Аномия в России: причины и проявления / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Научный эксперт, 2013. – 264 с.
109. Кара-Мурза, С. Г. Порочные круги постсоветской России / С. Г. Кара-Мурза, А. В. Каменский, А. А. Вершинин, О. В. Куропаткина; ред. Ю. Е. Мешков. – М.: Научный эксперт, 2014. – 536 с.
110. Карнаушенко, Л. В. Право в условиях постиндустриального общества XXI века / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2022. – № 1 (79). – С. 98–102.
111. Камю, А. Сочинения: в 5 т. Т. 2 / Альбер Камю; пер. с фр.; худож. М. Квитка, О. Квитка. – Харьков: Фолио, 1997. – 527 с.
112. Камю, А. Творчество и свобода: статьи, эссе, записные книжки / А. Камю. – М.: Наука, 1990. – 608 с.
113. Керимов, Т. Х. Онтология как онто-теология и ориентиры ее преодоления / Т. Х. Керимов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 12. – С. 107–114.
114. Керимов, Т. Х. Социальная философия: учебник / Т. Х. Керимов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 304 с.

115. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе / В. В. Кривошеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2009. – № 6. – С. 57–67.
116. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – СПб.: Питер, 2018. – 352 с.
117. Кернберг, О. Ф. Отношения любви: норма и патология / О. Ф. Кернберг; пер. с англ. М. Н. Георгиевой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 256 с.
118. Кобылкин, Р. А. Трансформация ценностных установок в отношении молодежи к труду: философский анализ / Р. А. Кобылкин // Logos et Praxis. – 2019. – № 1. – С. 35–39.
119. Комбаев, А. В. Социальная структура и аномия в местах лишения свободы: способы социального приспособления осужденных в пенитенциарных учреждениях / А. В. Комбаев // Социология. – 2020. – № 4. – С. 197–204.
120. Конев, Д. А. Модернизация преступной деятельности под развитием санкционных запретов / Д. А. Конев // Образование и право. – 2022. – № 9. – С. 275–277.
121. Кондрашов, П. Н. Какого же Маркса мы читаем? Часть 1 / П. Н. Кондрашов // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4. – С. 37–46.
122. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31, ст. 4398.
123. Корзо, М. А. Образ человека в проповеди XVII века / М. А. Корзо ; Ин-т философии РАН. – М.: ИФ РАН, 1999. – 186 с.
124. Кох, И. А. Социальная аномия и социальное управление / И. А. Кох // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 42. – С. 62–71.

125. Кривошеев, В. В. Особенности аномии современного российского общества / В. В. Кривошеев // СОЦИС. – 2004. – № 3. – С. 93–97.
126. Кузьменков, В. А. Концепция возникновения ценностей Х. Йоаса и перспективы её применения для изучения аномии / В. А. Кузьменков // Манускрипт. – 2020. – № 2. – С. 167–171.
127. Кугушина, Д. А. Утрата смысла жизни: экзистенциальный кризис современного человека / Д. А. Кугушина // Форум молодых ученых. – 2020. – № 6 (46). – С. 404–408.
128. Кузьменков, В. А. Личностные факторы аномии / В. А. Кузьменков // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2018. – № 7. – С. 72–76.
129. Кулешов, В. Е. Гедонизм и образование: диалектика взаимосвязи / В. Е. Кулешов // Манускрипт. – 2021. – № 8. – С. 1642–1648.
130. Купарашвили, М. Д. Желание и аномальность: как психоанализ становится шизоанализом / М. Д. Купарашвили // Вестник ОмГУ. – 2025. – № 4. – С. 18–28.
131. Куницына, Н. В. Семиотика культуры в контексте интернет-коммуникации / Н. В. Куницына // Вестник ВУиТ. – 2021. – № 4 (36). – С. 122–129.
132. Кушнарченко, Я. В. Антропология и аксиология М. Шелера / Я. В. Кушнарченко // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 339. – С. 43–48.
133. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. – М.: Академический проект, 2014. – 160 с.
134. Кьеркегор, С. Или – или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор; пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Академический проект, 2014. – 776 с.
135. Королева-Конопляная, Г. И. Кризис семьи в западноевропейских странах (обществе) и проблемы демографии / Г. И. Королева-Конопляная // Социология. – 2023. – № 6. – С. 226–231.

136. Лаврентьева, А. Ю. Религия в постиндустриальном обществе / А. Ю. Лаврентьева // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 8 (76). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-v-postindustrialnom-obschestve>
137. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан; Русское феноменологическое общество «Логос». – М.: [б. и.], 1997. – 184 с.
138. Лакан, Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. – М.: Гнозис, 2006. – 416 с.
139. Лапатин, В. В. Проблема смысла жизни в современных произведениях кино, мультипликации и литературы / В. В. Лапатин, В. В. Шарипова, М. П. Кузнецов, И. А. Суендигов, К. А. Аликов // Социология. – 2022. – № 3. – С. 315–319.
140. Лексин, В. Н. Синтез общества потребления и информационного общества / В. Н. Лексин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – № 2. – С. 195–211.
141. Леонова, Е. Н. Экзистенциальная природа кризиса студентов третьего курса / Е. Н. Леонова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 219–223.
142. Лескова, И. В. Недоверие к вакцинации как информационный вброс / И. В. Лескова, С. Ю. Зязин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – № 1. – С. 37–40.
143. Лилюхин, А. М. Девиантное поведение в молодёжной среде как проблема осуществления образовательного процесса в ВУЗе / А. М. Лилюхин, Н. В. Баблюян, Д. С. Корф // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 52–54.
144. Липовецкий, Ж. Империя эфемерного. Мода и её судьба в современном обществе / Жиль Липовецкий; пер. с фр. Ю. Розенберг; под науч. и лит. ред. А. Маркова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 336 с.

145. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. А. Субботина. – М.: Канон: Реабилитация, 2009. – 400 с.
146. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Р. Лурия. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
147. Лушникова, О. Л. Связь третьего блока мозга с социальной активностью в период инволюции / О. Л. Лушникова // Психология. Журнал ВШЭ. – 2019. – № 4. – С. 674–689.
148. Лэнгле, А. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сборник статей / А. Лэнгле; пер. с нем.; вступ. ст. С. В. Кривцовой. – М.: Генезис, 2005. – 159 с.
149. Лытнева, Н. А. Анализ геймификации как инструмента повышения эффективности управления персоналом крупной корпорации / Н. А. Лытнева, В. В. Солодкин // ЕГИ. – 2022. – № 44 (6). – С. 445–448.
150. Мананникова, М. В. Отчуждение: кризис самоидентичности / М. В. Мананникова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 6. – С. 143–150.
151. Мартыненко, С. В. Девиантное поведение личности в условиях новой социальной реальности / С. В. Мартыненко, С. Г. Каропова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 58–63.
152. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс; пер. с англ. В. Снигура. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 592 с.
153. Мамедов, А. К. Геймификация социальных практик / А. К. Мамедов, Э. Д. Коркия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – № 2. – С. 197–218.
154. Марк, М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон; пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

155. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс; пер. А. Малыш. – М.: Либроком, 2012. – 216 с.
156. Маркс, К. Капитал / К. Маркс; сост. Г. Преображенский. – СПб.: Лениздат: Книжная лаборатория, 2017. – 512 с.
157. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / К. Маркс. – М.: Академический Проект, 2010. – 775 с.
158. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
159. Мартишина, Н. И. Как важно быть логичным: размышления над книгой Г. Ч. Синченко «Логика диссертации» / Н. И. Мартишина // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – № 4 (99). – С. 441–446.
160. Мартишина, Н. И. К вопросу о составе и типологии мировоззрения / Н. И. Мартишина // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2025. – № 2 (25). – С. 81–88.
161. Мартишина, Н. И. Нарциссическая культура и места её обитания / Н. И. Мартишина // Идеи и идеалы. – 2022. – № 1-1. – С. 194–213.
162. Мартишина, Н. И. Рационально-критическое мышление как «фонд бытия» человека / Н. И. Мартишина, Т. В. Пермякова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 1 (34). – С. 27–32.
163. Мартишина, Н. И. Приметы как форма сохранения и воспроизводства мифологического мышления / Н. И. Мартишина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (44). – С. 41–46.
164. Мартишина, Н. И. Традиции в культуре и образовании / Н. И. Мартишина, П. М. Постников // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (21). – С. 29–34.

165. Мартишина, Н. И. Конфуцианское учение о ритуале в культуре Китая / Н. И. Мартишина // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2022. – № 1 (12). – С. 22–27.
166. Мархинин, В. В. Лекции по философии науки: учебное пособие / В. В. Мархинин. – М.: Логос, 2014. – 428 с.
167. Марченко, Ф. О. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма / Ф. О. Марченко, О. И. Маховская // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – № 4 (35). – С. 100–119.
168. Масалович, Ю. М. Нейропсихологические корреляты прогностической деятельности младших школьников (на примере исследования функций третьего блока мозга младших школьников) / Ю. М. Масалович // Вестник магистратуры. – 2012. – № 11. – С. 36–38.
169. Масланов, Е. В. Креативность и цифровизация / Е. В. Масланов // Epistemology & Philosophy of Science. – 2022. – № 3. – С. 38–45.
170. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
171. Межевникова, О. П. Виртуализация социальных институтов / О. П. Межевникова, Т. В. Ухина // Сервис +. – 2020. – № 1. – С. 41–48.
172. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон // Социология власти. – 2010. – № 4. – С. 212–223.
173. Минаков, И. П. Феномен массовой культуры / И. П. Минаков, Р. В. Ханова // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 10. – С. 51–55.
174. Михальков, Г. М. Коммуникативный абсурд как реальная абсурдная ситуация / Г. М. Михальков // МНИЖ. – 2017. – № 2-1 (56). – С. 74–76.
175. Москалев, Е. Н. Философско-антропологический смысл брачно-семейных отношений / Е. Н. Москалев // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – № 2. – С. 13–20.
176. Мошкин, С. В. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения / С. В. Мошкин, В. Н. Руденко // СОЦИС. – 1994. – № 11. – С. 82–89.

177. Морев, М. В. Социальный портрет страдающих алкоголизмом и наркоманией / М. В. Морев, В. И. Попова // Проблемы развития территории. – 2011. – № 1. – С. 67–76.

178. Мохов, В. А. Особенности переживания экзистенциального опыта и его связь с тревожностью в период пандемии COVID-19 / В. А. Мохов, С. Л. Бабушкина // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2021. – № 4. – С. 24–40.

179. Налбандян, И. М. Федеральное бюджетное планирование в условиях социально-экономической нестабильности / И. М. Налбандян, Т. М. Рогова, А. Д. Мурзин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2022. – № 1 (295). – С. 13–22.

180. Наумова, Е. С. Влияние абсурда на человеческое бытие в произведении «Чума» Альбера Камю / Е. С. Наумова // E-Scio. – 2022. – № 6 (69). – С. 402–404.

181. Никонова, С. Н. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса» / С. Н. Никонова. – М.: Алгоритм, 2009. – 272 с.

182. Никонова, Э. И. Российская молодёжь в условиях кризиса: трансформация традиционных ценностей / Э. И. Никонова // ВЭПС. – 2022. – № 2. – С. 130–133.

183. Нисман, Л. Русский язык. Трудности, тайны, тонкости и не только... / Л. Нисман. – М.: Litres, 2018. – 450 с.

184. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Фридрих Ницше; пер. с нем. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 416 с.

185. Новиков, А. М. Постиндустриальное общество / А. М. Новиков // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2009. – № 3. – С. 16–22.

186. Новожеина, И. В. Конституционно-правовое закрепление тенденций развития отношений российского государства и гражданского общества в условиях глобального кризиса / И. В. Новожеина // Вестник Московского

университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – № 1 (36). – С. 17–23.

187. Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение / Д. Норт // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – Т. 1, вып. 2. – С. 69–91.

188. Олейников, Ю. В. Сингулярность постиндустриального общества / Ю. В. Олейников // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 2. – С. 85–95.

189. Озеров, А. А. Некоторые аспекты проблемы смысла жизни в условиях цифровизации / А. А. Озеров // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 5. – С. 147–156.

190. Ореховский, П. А. Нарциссическая культура и проблема политической легитимации / П. А. Ореховский, В. И. Разумов // Идеи и идеалы. – 2023. – № 4-2. – С. 282–305.

191. Осинский, И. И. Социальное неравенство и социальная справедливость / И. И. Осинский, М. И. Добрынина // Вестник БГУ. – 2016. – № 6. – С. 166–169.

192. Парий-Сергеенко, Е. П. Новейшие тенденции развития брачного права как проявление кризиса института брака в странах Западной Европы и США / Е. П. Парий-Сергеенко // Право и практика. – 2023. – № 3. – С. 94–100.

193. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; ред. М. С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

194. Паскаль, Б. Мысли / Блез Паскаль; пер. с фр. Ю. Гинзбург. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 256 с.

195. Пашинцев, Е. В. Евразийская модель постиндустриального общества / Е. В. Пашинцев // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – № 6-1. – С. 309–315.

196. Переводчикова, Д. А. Интерактивные методы в образовании как ответ на изменившиеся когнитивные возможности и потребности человека

постиндустриального общества / Д. А. Переводчикова // Гуманитарная информатика. – 2016. – № 10. – С. 101–108.

197. Першин, Ю. Ю. Наступление нарциссической культуры: заметки на полях / Ю. Ю. Першин // Идеи и идеалы. – 2022. – № 2-1. – С. 149–163.

198. Пещеров, Г. И. В чем смысл жизни: философский анализ различных точек зрения / Г. И. Пещеров // Власть. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 193–198.

199. Пивоваров, Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры / Д. В. Пивоваров // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 137–148.

200. Пиркина, В. Г. Социально опасное поведение обучающихся как психолого-педагогическое явление / В. Г. Пиркина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – С. 1–10.

201. Платон. Государство / Платон; пер. с древнегреч. А. Н. Егунова; вступ. ст. Е. Н. Трубецкого; коммент. В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.

202. Платон. Апология Сократа; Критон; Протагор / Платон; пер. с древнегреч. – М.: Эксмо, 2015. – 128 с.

203. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.

204. Плетнёв, Д. А. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций / Д. А. Плетнёв, Е. В. Козлова // π-Economy. – 2020. – № 3. – С. 141–157.

205. Плетнев, А. В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе / А. В. Плетнев // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2010. – № 124. – С. 353–356.

206. Плужникова, Н. Н. Философские основания изучения человека и его духовности в логотерапии / Н. Н. Плужникова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2022. – № 2. – С. 55–65.

207. Подручный, М. В. Социальный капитал как фактор социальной модернизации / М. В. Подручный // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2022. – № 2 (263). – С. 114–118.
208. Поляков, А. В. Инфантилизм культуры и демонизация бытия (к прояснению проекта героического искусства М. К. Мамардашвили) / А. В. Поляков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 395–403.
209. Понкин, И. В. Кибер-мета-вселенная: правовой взгляд / И. В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2023. – № 1. – С. 118–127.
210. Пряхин, В. Ф. Глобализация и необходимость нового политического мышления / В. Ф. Пряхин // Вестник «ИМЦ». – 2022. – № 2 (35). – С. 37–45.
211. Пулькин, М. Самосожжение старообрядцев / М. Пулькин. – М.: Литрес, 2013. – 510 с.
212. Путин подписал закон об уголовной ответственности за создание групп смерти [Электронный ресурс] // Интерфакс. Информационное агентство. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/565686>
213. Равочкин, Н. Н. Фетишизация социальных институтов / Н. Н. Равочкин // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. – 2022. – № 13. – С. 132–141.
214. Раскрыты подробности появления скандального послания Жириновского «ковбою-Бушу» [Электронный ресурс] // LENTA.RU. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/06/17/raskryty-podrobnosti-poyavleniya-skandalnogo-poslaniya-zhirinovskogo-kovboyu-bushu/>
215. Рахманова, Е. Н. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ / Е. Н. Рахманова, А. Н. Берестовой, П. В. Цветков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 137–143.

216. Роготнев, И. Ю. Критика идеологии и анализ текстов / И. Ю. Роготнев // Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – № 9. – С. 151–157.
217. Розова, О. А. Кризис текстовой культуры / О. А. Розова // IN SITU. – 2022. – № 12. – С. 197–199.
218. Рожковский, В. Б. Кризис западных политических элит в контексте современного ценностного и культурно-цивилизационного противостояния России и Запада / В. Б. Рожковский // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 42–47.
219. Розанов, В. А. Насущные задачи в сфере суицидальной превенции в связи с пандемией COVID-19 / В. А. Розанов // Суицидология. – 2020. – № 1 (38). – С. 39–52.
220. Руженцева, Н. Б. Абсурд в зеркале СМИ: язык – речь – текст – дискурс / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 19–26.
221. Руссо, Ж. Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / Ж. Ж. Руссо; пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. – М.: КАНОН-Пресс, 1998. – 416 с.
222. Саввина, О. В. Стандарты женской красоты: естественное и культурное / О. В. Саввина // Человек и культура. – 2017. – № 4. – С. 24–33.
223. Сайлиев, Р. Ш. Роль интернета в современной молодёжной культуре / Р. Ш. Сайлиев, А. Д. Айлиев // Инновационная наука. – 2023. – № 4-1. – С. 99–102.
224. Саммерс, М. История вампиров / М. Саммерс. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 448 с.
225. Сартр, Ж. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия / Ж. Сартр. – СПб.: Наука, 2001. – 319 с.
226. Сартр, Ж. П. Что такое литература? / Жан Поль Сартр; пер. с фр. Н. И. Полторацкой. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 448 с.

227. Сигитова, М. А. Прекаризация как проявление аномии в трудовой сфере / М. А. Сигитова, К. В. Филиппова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 6 (86). – С. 36–40.

228. Скорев, В. А. Нарциссическая культура в действии: власть, общество, безопасность, самоопределение / В. А. Скорев // Идеи и идеалы. – 2022. – № 1-1. – С. 214–229.

229. Скрынченко, Б. Л. Институт брака и демографические проблемы России XXI века в зеркале статистического анализа / Б. Л. Скрынченко, А. В. Тараканов, В. В. Орлов, А. Л. Таточенко // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 10. – С. 374–380.

230. Соловьева, Л. Н. Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 7 (111). – С. 77–82.

231. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза; вступ. ст. Д. Хаустова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 396 с.

232. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

233. Стрюченко, И. Г. Культура и кризис современной мировой цивилизации / И. Г. Стрюченко // Россия и АТР. – 2022. – № 1. – С. 16–26.

234. Судаков, А. В. Мошенничество в сети в период пандемии / А. В. Судаков, А. В. Грамзин, Д. А. Дудин, Д. С. Щербатюк, А. Р. Поремский // StudNet. – 2021. – № 6. – С. 561–567.

235. Суденко, В. Е. Социальная справедливость и уголовное право / В. Е. Суденко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – № 2. – С. 112–118.

236. Суркова, Л. В. Дональд М. Эволюция современного разума / Л. В. Суркова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия. – 1996. – № 2. – С. 61–64. – Реф. на кн.: Donald M.

The Modern Mind in Evolution // Queen's Quarterly. – Kingston, 1992. – Vol. 90, № 1. – P. 153–161.

237. Тажиева, З. Г. Скрытая депрессия / З. Г. Тажиева // Тюменский медицинский журнал. – 2012. – № 3. – С. 24–25.

238. Талалушкина, Ю. Н. Тенденции в изменении стратификационных моделей в постиндустриальном обществе / Ю. Н. Талалушкина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 93–101.

239. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих; пер. с англ. О. Седаковой. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. – 200 с.

240. Тимощук, А. С. Математизация, цифровизация – дальше без остановок / А. С. Тимощук // Вестник ВятГУ. – 2021. – № 2. – С. 146–152.

241. Томильцева, Д. А. Прощение: социально-политическая эволюция проблемы в XX веке / Д. А. Томильцева // Философия и общество. – 2012. – № 3. – С. 104–120.

242. Трунов, Д. Г. Представления о сновидениях: основные модели / Д. Г. Трунов, М. А. Воденикова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 59–68.

243. Тульпе, И. А. «Новая этика» в проблемном поле философии культуры / И. А. Тульпе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 86–100.

244. Туркин, К. Е. Логотип и его социальная роль в обществе потребления / К. Е. Туркин // Наука. Искусство. Культура. – 2021. – № 4 (32). – С. 170–176.

245. Уваров, А. Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии / А. Н. Уваров // Соловьевские исследования. – 2015. – № 4 (48). – С. 29–43.

246. Устюжанинова, Е. В. Анализ сущности политического человека и свойственных ему типов аномичных приспособлений / Е. В. Устюжанинова, А. П. Чумаченко // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 117–121.

247. Фатенков, А. Н. Справедливость и несправедливость: асимметрия взаимоотношений / А. Н. Фатенков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 291–294.
248. Федорова, М. В. Религия и смех в цифровом обществе / М. В. Федорова, М. Б. Ротанова // Философия и культура. – 2022. – № 3. – С. 23–34.
249. Федяев, Д. М. Индустриальное начало в культуре постиндустриального общества / Д. М. Федяев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 27–30.
250. Федяев, Д. М. Всеобщность машины / Д. М. Федяев, Л. В. Федяева // ОНВ. – 2015. – № 4 (141). – С. 79–82.
251. Федяев, Д. М. Опыт антропологического прочтения гегелевской «Логики» / Д. М. Федяев, Н. Д. Федяева // Манускрипт. – 2019. – № 2. – С. 61–65.
252. Федяев, Д. М. Архетипы философского знания / Д. М. Федяев, Л. И. Чинакова // ОНВ. – 2012. – № 2 (106). – С. 107–110.
253. Фейгин, Г. Ф. Рынок аутсорсинга информационных услуг: новейшие тенденции / Г. Ф. Фейгин, А. Б. Гайдук // Известия СПбГЭУ. – 2021. – № 4 (130). – С. 81–86.
254. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Л. Фейербах; пер. с нем. – М.: Наука, 1995. – 425 с.
255. Фиговский, О. Л. Конкретные проекты постиндустриального общества / О. Л. Фиговский, О. Г. Пенский // ИВД. – 2022. – № 3 (87). – С. 1–14.
256. Финк, Е. Основные феномены человеческого бытия / Е. Финк; пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон; ред. пер. Л. Фуксон. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2017. – 432 с.
257. Финченко, С. Н. Диалоговая природа личности в творчестве Макса Шелера / С. Н. Финченко, В. Ю. Богатырева // Проблемы Науки. – 2016. – № 1 (43). – С. 150–153.
258. Фихте, И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / И. Г. Фихте; сост. и примеч. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.

259. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
260. Франкл, В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия / Виктор Эмиль Франкл; пер. с англ. С. С. Панкова. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2011. – 105 с.
261. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл; общ. ред. Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
262. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд; пер. Р. Ф. Дудельцев. – М.: Азбука Аттикус, 2022. – 618 с.
263. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – Обнинск: Титул, 1992. – 447 с.
264. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер.; авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 618 с.
265. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 288 с.
266. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм; пер. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
267. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм; пер. Т. Банкетовой. – М.: АСТ, 2009. – 544 с.
268. Фромм, Э. Человек одинок / Э. Фромм; пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. – 1966. – № 1. – С. 230–233.
269. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с фр. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
270. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
271. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2007. – С. 84–85.

272. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
273. Хайдеггер, М. Письма о гуманизме / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314–356.
274. Харламова, Г. С. Агрессия как экзистенциальная проблема / Г. С. Харламова, А. Р. Фейзуллаев // Молодой исследователь Дона. – 2020. – № 3 (24). – С. 132–143.
275. Хёйзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга; пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 458 с.
276. Хёйзинга, Й. Осень Средневековья. Homo ludens. Эссе / Йохан Хёйзинга ; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2019. – 1232 с.
277. Хекхаузен, Х. Из истории психологических исследований агрессии / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1. – С. 365–405.
278. Хёсле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
279. Храмцова, Н. И. Синдром дисморфофобии / дисморфомании: литературный обзор / Н. И. Храмцова, Ю. Ю. Заякин, С. А. Плаксин, В. А. Куркина // Пермский медицинский журнал. – 2020. – № 2. – С. 15–22.
280. Цветкова, И. В. Кризис культуры в контексте развития техники / И. В. Цветкова, О. С. Евченко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 4. – С. 59–64.
281. Черныш, М. Ф. Социальные сети и неравенство / М. Ф. Черныш // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – № 2. – С. 4–15.
282. Черняков, А. А. Личностный аспект в качественном обучении и воспитании студентов / А. А. Черняков // Образование и проблемы развития общества. – 2021. – № 2 (15). – С. 41–45.

283. Черняков, А. А. Воспитание в университете: нонсенс или необходимость? / А. А. Черняков // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2022. – № 4 (15). – С. 44–50.

284. Черняков, А. А. Девиантное поведение и аддикции студентов как одно из возможных следствий социальной аномии / А. А. Черняков // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2025. – № 4 (27). – С. 127–136.

285. Черняков, А. А. Древнегреческое «техне» как основа культуры / А. А. Черняков // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (20). – С. 24–30.

286. Черняков, А. А. Методология философии техники в античной классике / А. А. Черняков // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2023. – № 2 (17). – С. 22–28.

287. Черняков, А. А. Студент эпохи постмодерна: штрихи к портрету / А. А. Черняков // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. – 2025. – № 1 (24). – С. 108–114.

288. Чечельницкий, И. В. Социальная справедливость и право на труд / И. В. Чечельницкий // Вестник ННГУ. – 2018. – № 6. – С. 162–168.

289. Чиркин, В. Е. Принцип социальной справедливости в сравнительном измерении / В. Е. Чиркин // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 5 (57). – С. 72–83.

290. Шамкова, С. В. Социально-демографический портрет суицидентов среди молодежи Санкт-Петербурга / С. В. Шамкова // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 2. – С. 87–90.

291. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер ; пер. с нем. ; сост. и послесл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова, М. Г. Селезнева. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.

292. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

293. Шелер, М. О сущности философии: работы разных лет / М. Шелер; пер. с нем. А. Н. Малинкина. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 352 с.
294. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии: переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; под ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31–95.
295. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – С. 259–337.
296. Шелер, М. Человек в эпоху уравнивания / М. Шелер // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – С. 98–128.
297. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
298. Эйнгорн, Н. К. Атимия – патологический разрыв социального и индивидуального / Н. К. Эйнгорн // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis?: материалы XV междунар. науч.-практ. конф. Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, 26–27 апреля 2012 г.). – Т. 1. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2012. – С. 152–154.
299. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
300. Эрнест, В. Д. Х. И нет меры счастью и отчаянию нашему / В. Д. Х. Эрнест; пер. с англ. Р. Облонской // Иностранная литература. – 1966. – № 1. – С. 240–242.
301. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Дэвид Юм; пер. с англ. С. Церетели. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 800 с.
302. Юсупова, Г. И. Духовные ценности сквозь призму «философии смысла жизни» / Г. И. Юсупова, К. М. Магомедалиева // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2. – С. 30–34.

303. Ямщиков, С. В. Экзистенциальный кризис цифровой эпохи: спасёт ли ВУЗ человека? / С. В. Ямщиков, Н. Е. Мельникова, М. П. Король, Е. Н. Боклагов, И. В. Казанская // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 1 (105). – С. 73–80.
304. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
305. Ялом, И. Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / И. Д. Ялом. – М.: Эксмо, 2009. – 160 с.
306. Diamond, J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed / J. Diamond. – New York: Viking Press, 2005. – 592 p.
307. Fischer, J. Philosophische Anthropologie: Zur Rekonstruktion ihrer diagnostischen Kraft / J. Fischer // Unter offenem Horizont. Anthropologie nach Helmuth Plessner / mit einem Geleitwort v. D. Goldschmidt. — Frankfurt a/M., 1995. — 359 s.
308. Kondrashov, P. N. What is man? Interpreting the philosophical-anthropological ideas of Karl Marx. Part II: Sociality and historicity of man / P. N. Kondrashov // Russian Journal of Philosophical Sciences. – 2021. – Vol. 64, № 4. – P. 122–132.
309. Levine, D. N. The Flight from Ambiguity: Essays in Social and Cultural Theory / D. N. Levine. – Chicago: University of Chicago Press, 1985. – 260 p.
310. Lorenz, K. La acción de la Naturaleza y el destino del hombre / K. Lorenz. – Madrid: Alianza, 1988. – 351 p.
311. Scheler, M. Philosophische Weltanschauung / M. Scheler // Gesammelte Werke. Bd. 9. Späte Schriften. — Bern; München : Francke Verlag, 1976. — 384 s.
312. Srole, L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study / L. Srole // American Sociological Review. – 1956. – Vol. 21, № 6. – P. 709–716.
313. The Pervert's Guide to Cinema: trailer (2009) [Электронный ресурс] / Thepervertsguide. – <http://www.thepervertsguide.com/>